

Р. А. Травин, А. Ю. Аванесов

ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2020 году

Аналитический доклад

Проект «Открытая аналитика»

УДК 338.2
ББК 65.9
Т65

Рецензенты:

Бурлинова Н. В., кандидат политических наук, президент АНО «Центр поддержки общественных инициатив — «Креативная дипломатия»

Великая А. А., кандидат политических наук, доцент Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова

Травин Р. А., Аванесов А. Ю.

T65 **ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2020 году : аналитический доклад.** — Москва : Издательство «Перо», 2024. [Электронное издание]. — 140 с.

ISBN 978-5-00244-259-1

Данный доклад — второе исследование, подготовленное проектом «Открытая аналитика», в котором обобщены результаты мониторинга и анализа материалов ведущих западноевропейских и американских «фабрик мысли» с упоминанием Евразийского экономического союза. Приведены выдержки из всех найденных материалов за 2020 год на английском и русском языках с указанием контекста, темы и характера публикации, а также количественные и качественные показатели, полученные по итогам проведенного в рамках исследования контент-анализа, в том числе в сравнении с публикациями 2019 года. Материалы доклада могут представлять интерес для широкого круга читателей, чья профессиональная, научная или образовательная деятельность связана с вопросами интеграции на постсоветском пространстве, а также для исследователей и специалистов-практиков, интересующихся работой западных «фабрик мысли».

Проект «Открытая аналитика»

УДК 338.2
ББК 65.9

ISBN 978-5-00244-259-1

© Травин Р. А., Аванесов А. Ю., 2024

Содержание

Предисловие	4
Методология и структура исследования	6
Раздел 1. Контент-анализ материалов с упоминанием ЕАЭС, опубликованных ведущими «фабриками мысли» США и Западной Европы в 2020 г.	8
Раздел 2. ЕАЭС в материалах «американских фабрик» мысли в 2020 г.	30
2.1. «Большая Евразия», «Пояс и путь», российско-китайские отношения	31
2.2. Центральная Азия.....	38
2.3. Южный Кавказ, Каспийский и Черноморский регион.....	41
2.4. Беларусь и Союзное государство	51
2.5. Украина.....	55
2.6. Евросоюз	56
2.7. Балканы	57
2.8. Большой Ближний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион и Африка.....	58
2.9. ЕАЭС как инструмент внешней политики России	60
2.10. Внутренние процессы в ЕАЭС	70
Раздел 3. ЕАЭС в материалах западноевропейских «фабрик мысли» в 2020 г.	72
3.1. «Большая Евразия», «Пояс и путь», российско-китайские отношения	73
3.2. Центральная Азия.....	79
3.3. Южный Кавказ.....	85
3.4. Беларусь и Союзное государство	88
3.5. Украина.....	96
3.6. Евросоюз	100
3.7. Балканы	108
3.8. Большой Ближний Восток и Азиатско-Тихоокеанский регион	110
3.9. ЕАЭС как инструмент внешней политики России	112
3.10. Внутренние процессы в ЕАЭС	116
3.11. Латинская Америка	123
Заключение.....	124
Об авторах	137
О проекте	138

Предисловие

В 2020 г. проект «Открытая аналитика» подготовил доклад, в котором были представлены результаты мониторинга и анализа материалов с упоминанием Евразийского экономического союза (ЕАЭС), опубликованных ведущими западноевропейскими и американскими «фабриками мысли» в 2019 г.¹. Это исследование вызвало определенный интерес у читателей, о чем говорит ряд полученных нами отзывов от представителей экспертного сообщества, общественных организаций, органов исполнительной власти стран ЕАЭС.

Мы признательны всем коллегам за отзывы, в том числе за критические замечания, которые помогли в работе над новым исследованием.

Кроме того, выражаем искреннюю благодарность Фонду поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова за организацию двух презентаций доклада^{2,3}. А также департаменту информационной политики Белгородского государственного национального исследовательского университета⁴, кафедре политологии Белорусского государственного экономического университета⁵, профессиональным сообществам в социальных сетях «IS | Международные исследования⁶», «Лис Политолог⁷», «Исследования политических процессов на Востоке»⁸, информа-

ционно-аналитическим изданиям «Ритм Евразии»⁹ и News-Asia¹⁰ и всем другим информационным ресурсам, организациям, коллегам, которые поддержали нас информационно.

Так как исследование оказалось достаточно востребованным, мы решили пролонгировать его как минимум еще на год, тем более что такого рода исследования представляют больший интерес именно в динамике, когда появляются дополнительные возможности для сравнительного анализа. Работа над новым докладом была начата в начале 2021 г., однако по ряду причин завершить ее в запланированные сроки — до конца года — не удалось. А в феврале 2022 г., в связи с изменением международной обстановки на фоне Специальной военной операции публикация полученных данных в формате доклада выглядела уже куда менее актуальной, поэтому тогда мы отказались от этой идеи.

Однако по прошествии без малого двух лет на фоне рутинизации конфликта Запада и России, а также с учетом роли ЕАЭС, который вопреки беспрецедентным геополитическим вызовам остается весьма значимым интеграционным объединением для стран-членов и региона в целом, вновь становится интересно посмотреть на то, как оценивали ЕАЭС

1. Травин Р. А., Аванесов А. Ю. ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2019 году : аналитический доклад. Москва : Издательство «Перо», 2020. 116 с. Url: <http://open-analytics.ru/research/eaes-v-publikatsiyakh-vedushchikh-zapadnykh-fabrik-mysli-v-2019-godu>
2. При участии Фонда Горчакова представлен доклад «ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2019 году» // Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова, 08.10.2020. Url: <https://gorchakovfund.com/news/pri-uchastii-fonda-gorchakova-predstavlen-doklad-eaes-v-publikatsiyakh-vedushchikh-zapadnykh-fabrik-/> Видеозапись презентации: <https://www.youtube.com/watch?v=DGACHCmnLHg>
3. Завершил работу XV Дипломатический семинар молодых специалистов» // Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова, 03.11.2020. Url: <https://gorchakovfund.com/news/zavershil-rabotu-xv-diplomaticheskij-seminar-molodykh-spetsialistov/>
4. Исследование ученых НИУ «БелГУ» — о западных «фабриках мысли» // НИУ «БелГУ», 09.10.2020. Url: https://bsuedu.ru/bsu/news/news.php?ID=670747&IBLOCK_ID=176
5. Белорусские политологи познакомились с результатами исследования коллег из ИМКиМО // Институт межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ», 15.10.2020. Url: http://iccir.bsu.edu.ru/iccir/news/detail.php?ID=671571&IBLOCK_ID=677
6. IS | Международные исследования, 23.11.2020. Url: https://vk.com/wall-51258417_20911
7. Лис Политолог, 21.09.2020. Url: https://vk.com/fox_politic?w=wall-30729957_9475
8. Исследования политических процессов на Востоке, 27.09.2020. Url: https://vk.com/wall-52136985_32653
9. Отражение ЕАЭС в «королевстве кривых зеркал» мозговых центров Запада // Ритм Евразии, 29.09.2020. Url: <https://www.ritmeurasia.org/news-2020-09-29--otrazhenie-eaes-v-korolevstve-krivykh-zerkal-mozgovykh-centrov-zapada-51132>
10. Западные политологи воспринимают ЕАЭС как политический, а не экономический союз // News-Asia, 18.09.2020. Url: <http://www.news-asia.ru/view/ru/topical/14232>

западные «фабрики мысли» в 2020 г. Этот год стал своего рода лакмусовой бумагой для Союза. Государства-члены столкнулись сразу с несколькими серьезными кризисами: протесты в Беларуси, «быстрая революция» в Кыргызстане, война на Южном Кавказе и последовавший за ней политический кризис в Армении, пандемия COVID-19. Все это стало серьезными проблемами и для ЕАЭС в целом. Они закалили Союз, который в 2020 г. прошел проверку на прочность, и в определенном смысле сделали его более подготовленным к вызовам следующих лет.

Некоторые западные «фабрики мысли» тогда еще пытались более-менее объективно посмотреть на ЕАЭС как на интеграционное образование сами и давали возможность высказываться на своих площадках российским коллегам. В настоящее время, как известно, ситуация другая. Возможно, с позиций сегодняшнего дня вопрос о неконфликтном взаимо-

действии между интеграционными объединениями с участием России и стран Запада выглядит преждевременным. Но по мере того как на Западе будет расти понимание маловероятности нанесения стратегического поражения России, этот вопрос может актуализироваться, а ЕАЭС сможет внести вклад в нормализацию отношений в Евразии. Свою роль в этом должно сыграть и экспертное сообщество. Кроме того, понимание эволюции позиции геополитического противника относительно одного из ключевых интеграционных проектов с участием России тоже полезно.

Руководствуясь такими соображениями, мы решили опубликовать этот доклад. Более того, на наш взгляд, новые исследования, посвященные изучению позиции западных экспертов по широкому кругу вопросов, в том числе относительно ЕАЭС, актуальности не потеряют и в будущем.

Методология и структура исследования

В ходе работы над предыдущим докладом с анализом материалов ведущих западных «фабрик мысли», посвященных ЕАЭС, мы выработали показавший себя достаточно эффективным исследовательский подход¹¹, который с небольшими коррективами был использован и при подготовке данного доклада.

Его ключевые составляющие — мониторинг и контент-анализ (количественный и качественный) материалов западных аналитических центров.

Для того чтобы добиться баланса, который бы, с одной стороны, позволил получить достаточно цельное и репрезентативное представление об объекте исследования, с другой — ограничить массив текстов, с которыми необходимо будет работать, анализировались материалы ведущих «фабрик мысли» США и Западной Европы за один календарный год.

Под ведущими западными «фабриками мысли» в докладе понимаются 220 организаций. Из них — 110 американских — все аналитические центры, включенные в рейтинг «2020 Top Think Tanks in United States» Пенсильванского университета¹², а также аналогичное количество — первые 110 из 140 аналитических центров — представленные в рейтинге «2020 Top Think Tanks in Western Europe» того же исследования¹³. Так как доступ к сайтам пяти американских и одной западноевропейской «фабрики мысли» на момент начала работы в 2021 г. был закрыт с территории Российской Федерации, в исследовании отражены результаты мониторинга публикаций сайтов 105 «фабрик мысли» США и 109 Западной Европы. После 2022 г. некоторые из этих аналитических центров прекратили свою работу

в России или были признаны нежелательными организациями в Российской Федерации, что стоит учитывать, работая сегодня с их материалами. «Фабрики мысли», включенные в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации», отмечены в тексте доклада звездочками*.

Страны Западной Европы, с «фабриками мысли» которых мы работали: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция.

Таким образом, предметом данного исследования стали публикации с упоминанием ЕАЭС на английском и русском языках, которые были опубликованы с 01.01.2020 по 31.12.2020 на сайтах ведущих, по версии Global Go To Think Tank Index Report, американских и западноевропейских аналитических центров¹⁴.

Везде в тексте в скобках после названия аналитического центра указано место, которое он занимает в соответствующем рейтинге. Например: Stiftung Wissenschaft und Politik (27) — 27-е место в «2020 Top Think Tanks in Western Europe».

Поиск материалов производился с помощью соответствующих форм на сайтах «фабрик мысли» и функции расширенного поиска в поисковых системах по запросам «Eurasian economic union», «ЕЕУ», «ЕАЕУ», «Е.Е.У.» — на английском языке и «ЕАЭС», «Евразийский экономический союз», «Евразийский союз» в различных падежах — на русском.

Основная единица подсчета — публикация (статья, комментарий, доклад, монография и т. д.). При

11. Подробнее см.: Травин Р. А., Аванесов А. Ю. ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2019 году : аналитический доклад. М. : 2020. С. 6–8. Url: <http://open-analytics.ru/research/eaes-v-publikatsiyakh-vedushchikh-zapadnykh-fabrik-mysli-v-2019-godu>

12. McGann, J. G. 2020 Global Go to Think Tank Index Report // Penn Libraries. University of Pennsylvania, 27.01.2021. P. 90–96. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18/

13. Ibid. P. 121–128.

14. Термины «фабрика мысли», «аналитический центр», «think tank» в тексте доклада используются как синонимичные.

оформлении библиографических ссылок на сборники указывался не отдельный материал и его автор, а сборник в целом, так как такие издания по форме близки к коллективным монографиям. Кроме того, были подсчитаны упоминания разных стран, международных организаций в смысловой связи с ЕАЭС, а также проблемы и основные темы, в рамках анализа которых встречаются упоминания Евразийского экономического союза.

Все публикации разделены на материалы с прямым и косвенным упоминанием ЕАЭС. К материалам с прямым упоминанием были отнесены те публикации, в которых название Евразийского экономического союза в той или форме встречается не менее трех раз (как правило, больше). В материалах с косвенными упоминаниями — как правило, один раз.

Также материалы были дифференцированы по отношению их авторов к ЕАЭС в категориях «положительное», «нейтральное», «отрицательное». При распределении по этим категориям мы максимально абстрагировались от тона всего документа, если он не был посвящен целиком ЕАЭС, и старались, насколько это возможно, определить отношение собственно к Евразийскому экономическому союзу. Приведем некоторые основные критерии, по которым фиксировалось отношение авторов.

Положительное — в случае если авторы признавали положительный эффект от участия в ЕАЭС для стран-членов; какие-то достижения Союза; положительное влияние ЕАЭС на региональную политику; если был дан хотя бы относительно благоприятный прогноз его развития; если в той или иной

форме предлагалось сотрудничество между западными странами и организациями и ЕАЭС.

Отрицательное — если авторы писали о негативных последствиях вступления в ЕАЭС для его членов; рассматривали Союз как инструмент гегемонистской политики РФ в регионе; оценивали ЕАЭС как неэффективное объединение; давали однозначно неблагоприятный прогноз относительно перспектив его развития; использовали явно негативно окрашенные эпитеты по отношению к ЕАЭС.

Нейтральное — если проблемы и достижения при оценке деятельности и перспектив развития ЕАЭС подавались более-менее сбалансированно; если анализ базировался на социологических или статистических данных, а также фактах о ЕАЭС без их оценок; если позиция авторов не содержала выраженных позитивных или негативных посылов в отношении ЕАЭС.

Структура работы обусловлена, с одной стороны, характером тех публикаций, на которых она базируется, с другой — стремлением не менять без необходимости подход к структурированию материала, примененный в предыдущем докладе, что будет полезно при сравнении публикаций 2020 и 2019 гг.

Все найденные в ходе мониторинга материалы сгруппированы по тематическим блокам во Втором и Третьем разделах, со ссылкой на источник, краткой характеристикой материала и контекста, в котором упоминается ЕАЭС, без каких-либо наших комментариев. Обобщения и выводы по итогам исследования вынесены в Первый раздел доклада и в Заключение.

РАЗДЕЛ 1

Контент-анализ материалов
с упоминанием ЕАЭС, опубликованных
ведущими «фабриками мысли»
США и Западной Европы в 2020 г.

Раздел 1. Контент-анализ материалов с упоминанием ЕАЭС, опубликованных ведущими «фабриками мысли» США и Западной Европы в 2020 г.

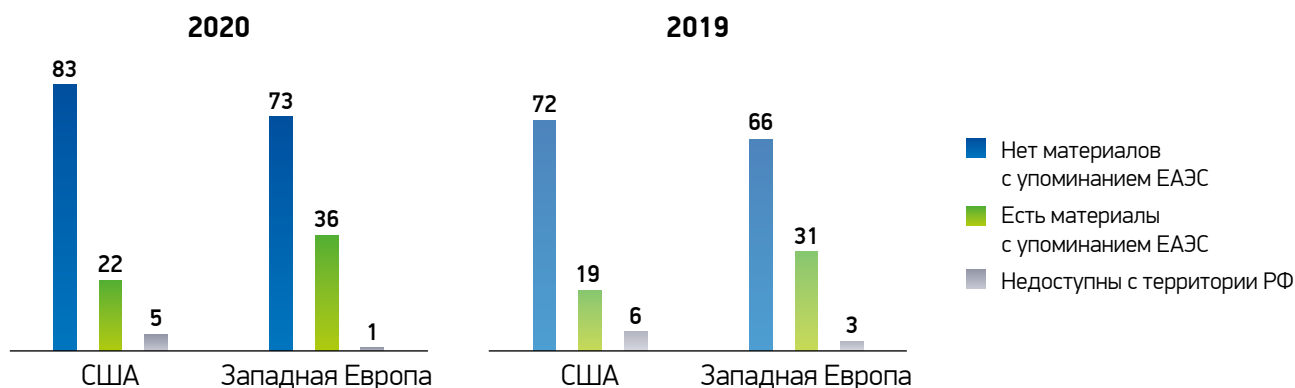
Как уже было отмечено при описании методологии исследования, общее количество «фабрик мысли», отобранных для исследования, составило 220 организаций. Из них — 110 американских — все аналитические центры, включенные в рейтинг «2020 Top Think Tanks in United States» Пенсильванского университета¹⁵, а также аналогичное количество — первые 110 из 140 аналитических центров — представленных в рейтинге «2020 Top Think Tanks in Western Europe» того же исследования¹⁶. Доступ к сайтам пяти американских и одной западноевропейской «фабрики мысли» на момент начала работы в 2021 г. был закрыт с территории Российской Федерации¹⁷. Таким образом, в исследовании отражены результаты мониторинга публикаций сайтов 105 «фабрик мысли» США и 109 Западной Европы. Материалы с упоминанием Евразийского экономического союза в 2020 г. были опубликованы 22 американскими и 36 западноевропейскими аналитическими центрами (подробнее см. Рис 1.).

Для большей наглядности наряду с результатами, полученными в рамках данного исследования,

приведены некоторые количественные показатели из предыдущего доклада. При их сравнении следует учитывать, что в исследовании материалов за 2019 г. мы работали с несколько меньшим количеством западных фабрик мысли¹⁸. В то же время нужно отметить, что списки топ-100 западноевропейских и американских «фабрик мысли» в 2020 г. не претерпели значительных изменений в сравнении с теми, которые легли в основу исследования за 2019 г. То есть, с небольшими оговорками в данном исследовании речь идет по большей части о тех же самых think tank'ах, которые служили объектом анализа публикаций 2019 г. (подробнее см. Таблицы 2 и 3 в конце данного раздела).

Количество ведущих западных «фабрик мысли» хотя бы раз упоминавших ЕАЭС в своих публикациях за 2020 г. не превышает 20% для США и 33% для Западной Европы, за 2019 г. показатели почти аналогичные и, можно констатировать, что его изучение не входило в число приоритетных направлений исследования большинства западных аналитических центров в 2019–2020 гг.

Рисунок 1. Количество ведущих западных «фабрик мысли», на сайтах которых были опубликованы материалы с упоминанием ЕАЭС

15. McGann, J. G. 2020 Global Go to Think Tank Index Report // Penn Libraries. University of Pennsylvania, 27.01.2021. P. 90–96. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18/

16. Ibid. P. 121–128.

17. На момент публикации доклада число сайтов западных аналитических центров, к которым закрыт доступ, выросло.

18. Подробнее см.: Травин Р. А., Аванесов А. Ю. ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2019 году : аналитический доклад. М. : 2020. С. 6; 9–26. Url: <http://open-analytics.ru/research/eaes-v-publikatsiyakh-vedushchikh-zapadnykh-fabrik-mysli-v-2019-godu>

Наибольшее число западноевропейских «фабрик мысли», упоминавших ЕАЭС в своих публикациях в 2020 г., как и в 2019 г., находятся в Бельгии, что, вероятно, можно объяснить особой ролью, которую играет эта страна, являющаяся политико-управленческим центром Евросоюза. В то же время собственно материалов, в том числе и с прямыми упоминаниями ЕАЭС, заметно больше опубликовали немецкие и английские аналитические центры. Очевидно, что количество таких публикаций коррелирует с тем, насколько широко представлена та или иная страна в рейтинге. Однако обращает на себя внимание тот факт, что think tank'и ряда стран, среди которых, например, Дания, со сравнительно большим числом «фабрик мысли» в рейтинге не опубликовали ни

одного материала даже с косвенным упоминанием Евразийского экономического союза за два года, по крайней мере на английском языке ([подробнее см. Табл. 1](#)).

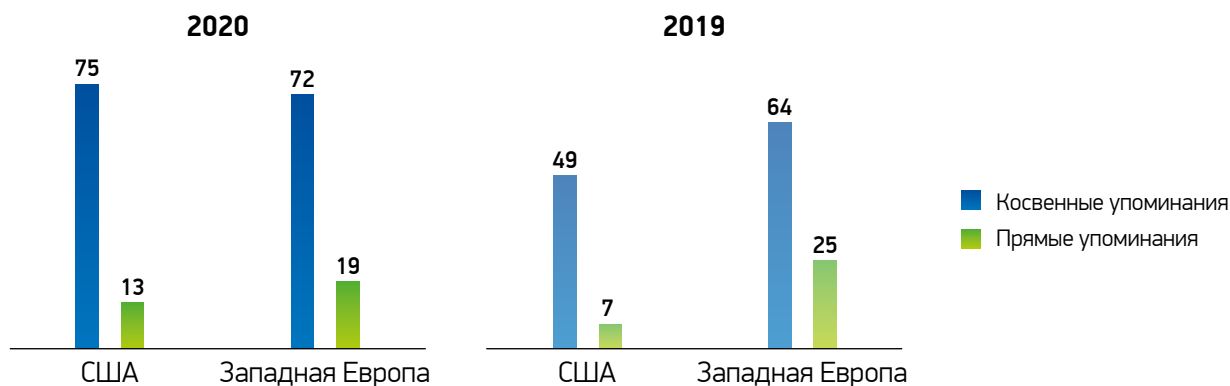
Общее количество публикаций с упоминанием Евразийского экономического союза, размещенных на официальных сайтах ведущих западных «фабрик мысли» в 2020 г. — 179 материалов. Из них 88 на сайтах американских аналитических центров, в том числе 13 с прямым упоминанием, и 91 — западноевропейских, в том числе 19 прямых упоминаний. Следует отметить, что в 2020 г. диспропорции в упоминаниях ЕАЭС «фабриками мысли» США и Западной Европы почти нет, тогда как годом ранее она четко прослеживалась. При этом европейские аналитиче-

Таблица 1. Ведущие западноевропейские «фабрики мысли» и упоминания ЕАЭС по странам

		2020 г.		2019 г.			
№	Страна	Общее кол-во «фабрик мысли» в рейтинге топ-110	Кол-во «фабрик мысли», упоминающих ЕАЭС, и кол-во материалов (косвенных/ прямых)	№	Страна	Общее кол-во «фабрик мысли» в рейтинге топ-100	Кол-во «фабрик мысли», упоминающих ЕАЭС, и кол-во материалов (косвенных/ прямых)
1	Бельгия	12	8 (10/1)	1	Бельгия	11	7 (11/1)
2	Германия	21	7 (21/9)	2	Великобритания	25	7 (16/9)
3	Великобритания	25	6 (17/2)	3	Германия	20	6 (16/6)
4	Франция	10	5 (10/2)	4	Франция	9	4 (8/5)
5	Испания	8	2 (2/0)	5	Италия	6	2 (7/2)
6	Австрия	3	1 (3/1)	6	Швейцария	2	2 (3/1)
7	Италия	6	1 (3/1)	7	Ирландия	2	1 (1/0)
8	Нидерланды	4	1 (0/2)	8	Испания	5	1 (2/0)
9	Норвегия	3	1 (2/0)	9	Финляндия	1	1 (0/1)
10	Финляндия	3	1 (2/1)	10	Австрия	1	–
11	Швейцария	3	1 (1/0)	11	Греция	2	–
12	Швсеция	2	1 (1/0)	12	Дания	4	–
13	Греция	2	–	13	Исландия	1	–
14	Дания	5	–	14	Нидерланды	2	–
15	Ирландия	2	–	15	Норвегия	3	–
16	Исландия	1	–	16	Швеция	3	–

Раздел 1. Контент-анализ материалов с упоминанием ЕАЭС, опубликованных ведущими «фабриками мысли» США и Западной Европы в 2020 г.

Рисунок 2. Количество материалов с косвенными и прямыми упоминаниями ЕАЭС на сайтах ведущих западных «фабрик мысли»

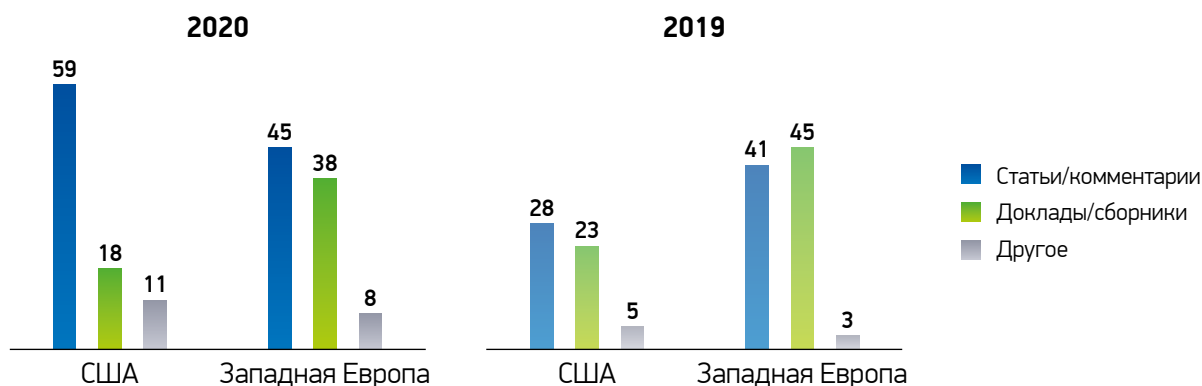

ские структуры чаще стали рассматривать вопросы, связанные с ЕАЭС косвенно. В свою очередь, американские опубликовали не только заметно больше материалов, чем в 2019 г., но и значительно чаще размещали публикации с прямым упоминанием¹⁹ (подробнее см. Рис. 2). Хотя с учетом тех вызовов, с которыми столкнулся ЕАЭС в 2020 г., более логично было ожидать рост интереса к Союзу как раз от европейских, а не американских экспертов, так как страны Западной Европы во многих смыслах ближе к странам — членам ЕАЭС, чем США.

Наиболее часто встречающийся тип публикаций с упоминанием ЕАЭС в 2020 г. — это статьи и комментарии (подробнее см. Рис. 3). В сравнении с 2019 г. выше доля «малых» типов публикаций, в том числе различного рода анонсов и пострелизов мероприятий (отнесены к категории «другое»).

В подавляющем большинстве проанализированных публикаций Евразийский экономический союз рассматривается как созданная Россией и ведомая ею организация, и, видимо, поэтому за редчайшим исключением все упоминания ЕАЭС так или иначе

Рисунок 3. Типы материалов с упоминанием ЕАЭС, опубликованных на сайтах ведущих западных «фабрик мысли»

19. Подробнее о том, по каким критериям были дифференцированы прямые и косвенные материалы — в разделе «Методология и структура исследования».

связаны с Россией, и можно констатировать, что прямая ассоциация ЕАЭС с Россией — консенсусный тренд в публикациях западных «фабрик мысли» (см. Рис. 4; Рис. 5).

Также было подсчитано количество упоминаний разных стран вместе с ЕАЭС. Речь идет именно о смысловой связи с ЕАЭС, а не просто встречающихся в том же документе (подробнее см. Рис. 6, 7, 8 и 9)²⁰. И если в 2019 г. безусловным лидером по упоминаниям был Китай, то на фоне событий 2020 г. на Южном Кавказе и Беларуси, ситуация изменилась. При этом, что интересно, американские «фабрики мысли» куда больше внимания уделили Армении, тогда как коли-

чество упоминаний Беларуси в сравнении с 2019 г. выросло незначительно. В свою очередь западноевропейские «фабрики мысли» чаще всего упоминали Беларусь, говоря о Евразийском экономическом союзе. Китай, тем не менее, и в 2020 г. остался одной из наиболее упоминаемых западными think tank'ами страной, причем это единственная столь часто упоминаемая страна, не входящая в ЕАЭС. Стабильно высокое внимание в этом контексте уделяется и Украине. Выделяется также рост числа упоминаний Узбекистана, что, по всей видимости, связано с тем, что Ташкент получил статус наблюдателя в ЕАЭС в конце 2020 г.

Рисунок 4. Упоминание России вместе с ЕАЭС в материалах ведущих американских «фабрик мысли»

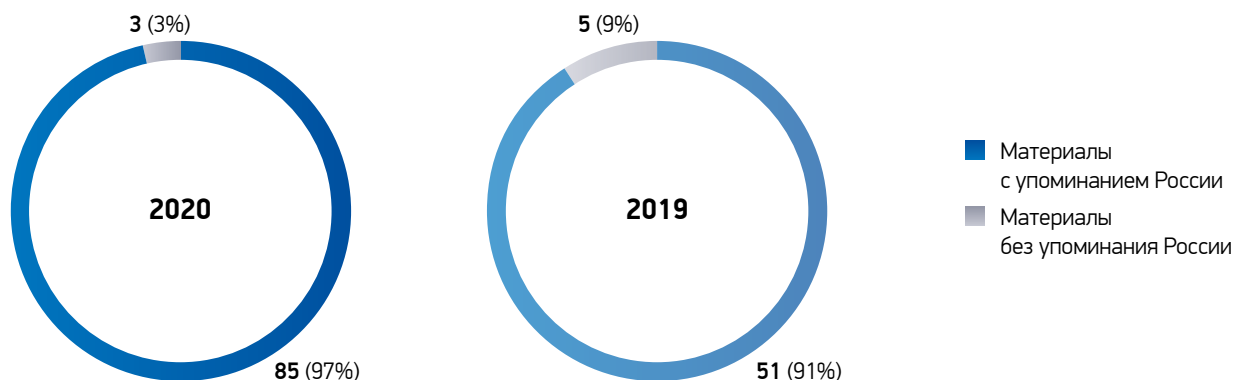
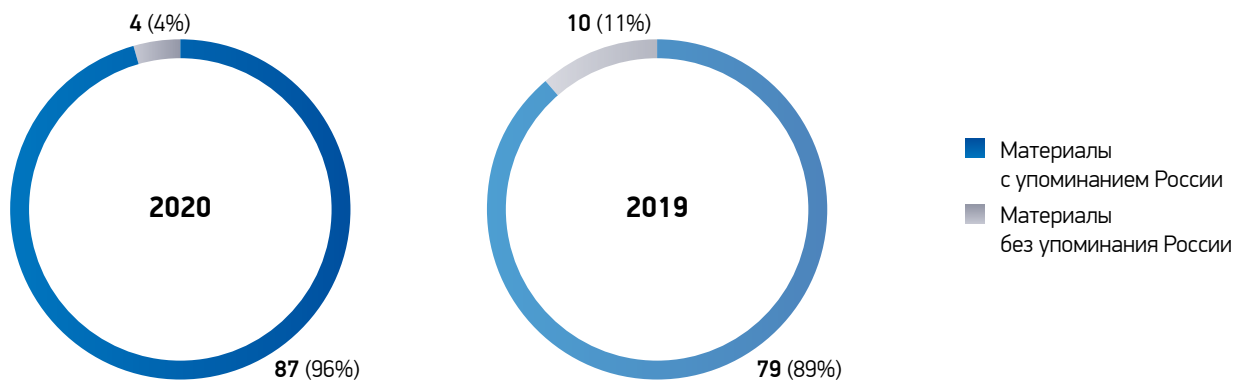

Рисунок 5. Упоминание России вместе с ЕАЭС в материалах ведущих западноевропейских «фабрик мысли»

20. Указаны те страны, которые упоминались в связке с ЕАЭС не менее трех раз в разных материалах.

Раздел 1. Контент-анализ материалов с упоминанием ЕАЭС, опубликованных ведущими «фабриками мысли» США и Западной Европы в 2020 г.

Рисунок 6. Количество материалов ведущих американских «фабрик мысли» с упоминаниями различных стран мира вместе с ЕАЭС в 2020 г.

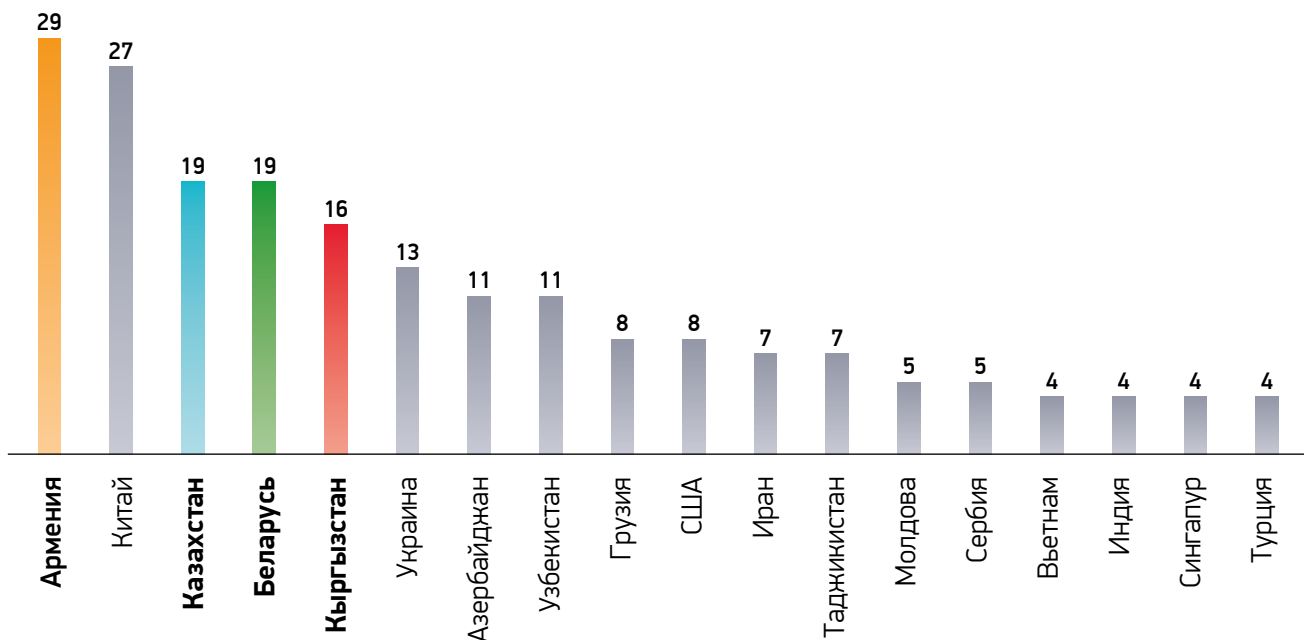

Рисунок 7. Количество материалов ведущих американских «фабрик мысли» с упоминаниями различных стран мира вместе с ЕАЭС в 2019 г.

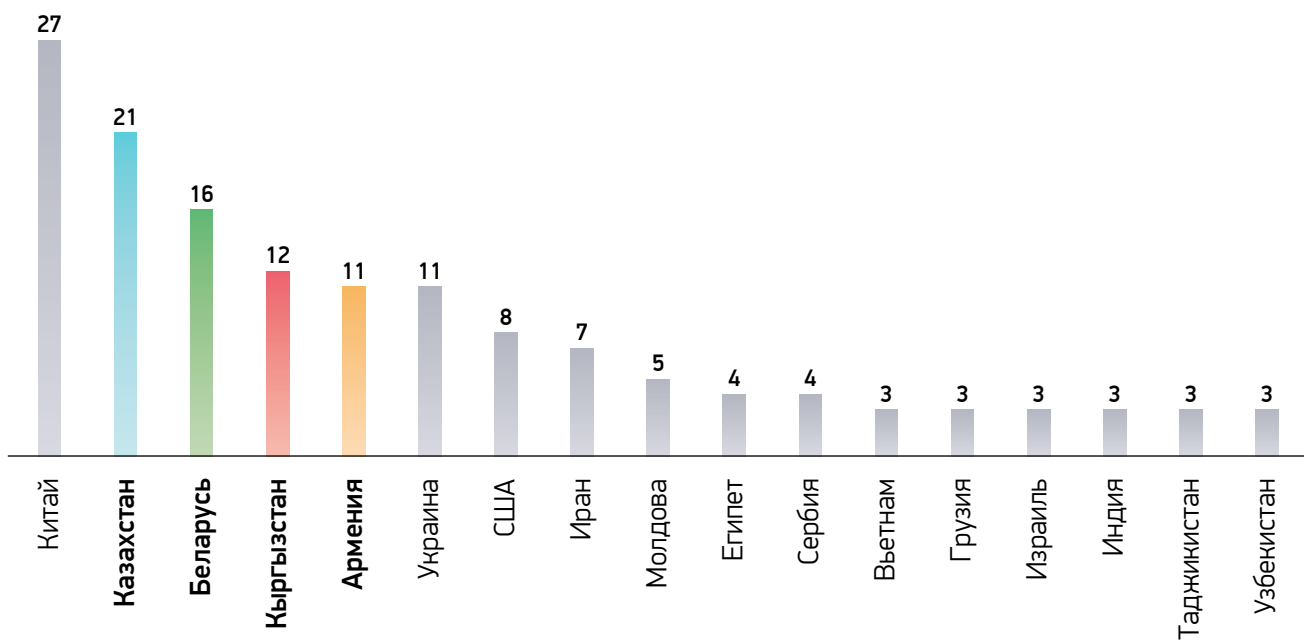

Рисунок 8. Количество материалов ведущих западноевропейских «фабрик мысли» с упоминаниями различных стран мира вместе с ЕАЭС в 2020 г.

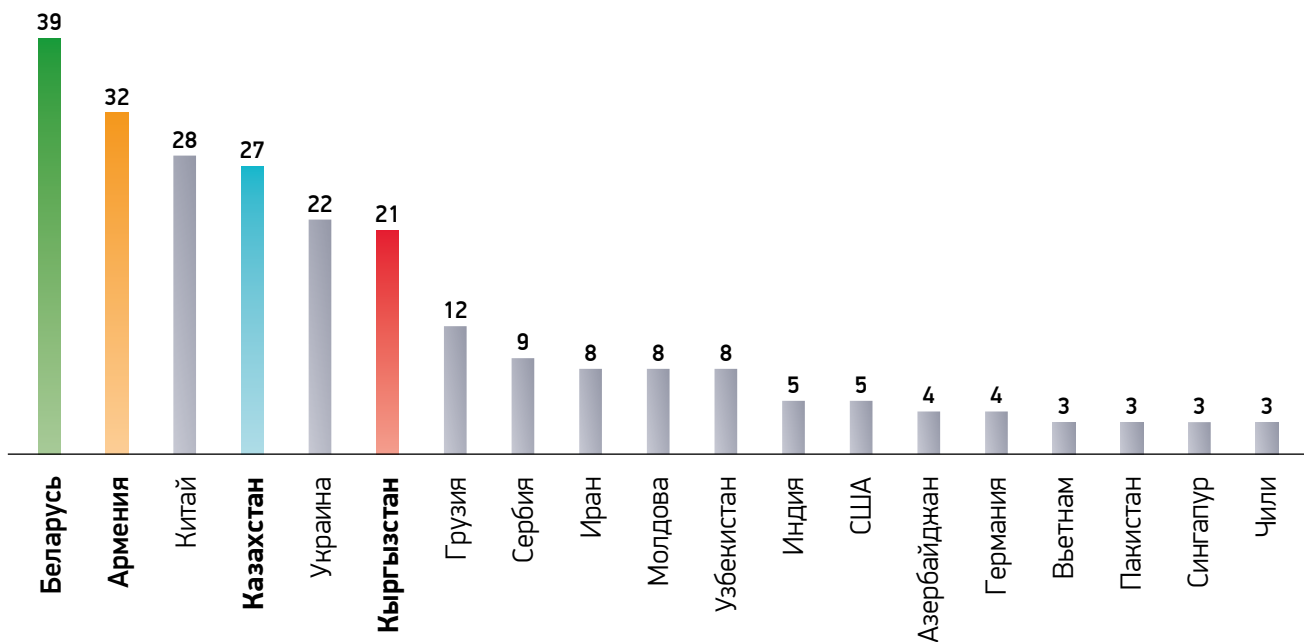

Рисунок 9. Количество материалов ведущих западноевропейских «фабрик мысли» с упоминаниями различных стран мира вместе с ЕАЭС в 2019 г.

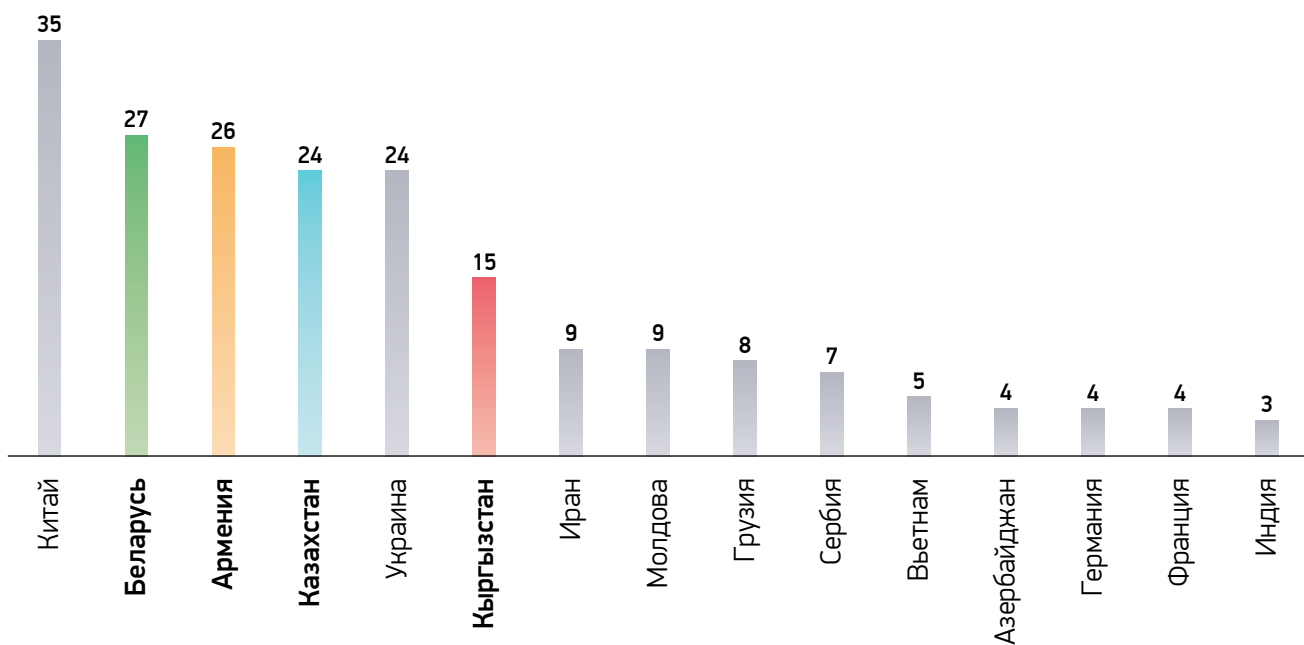
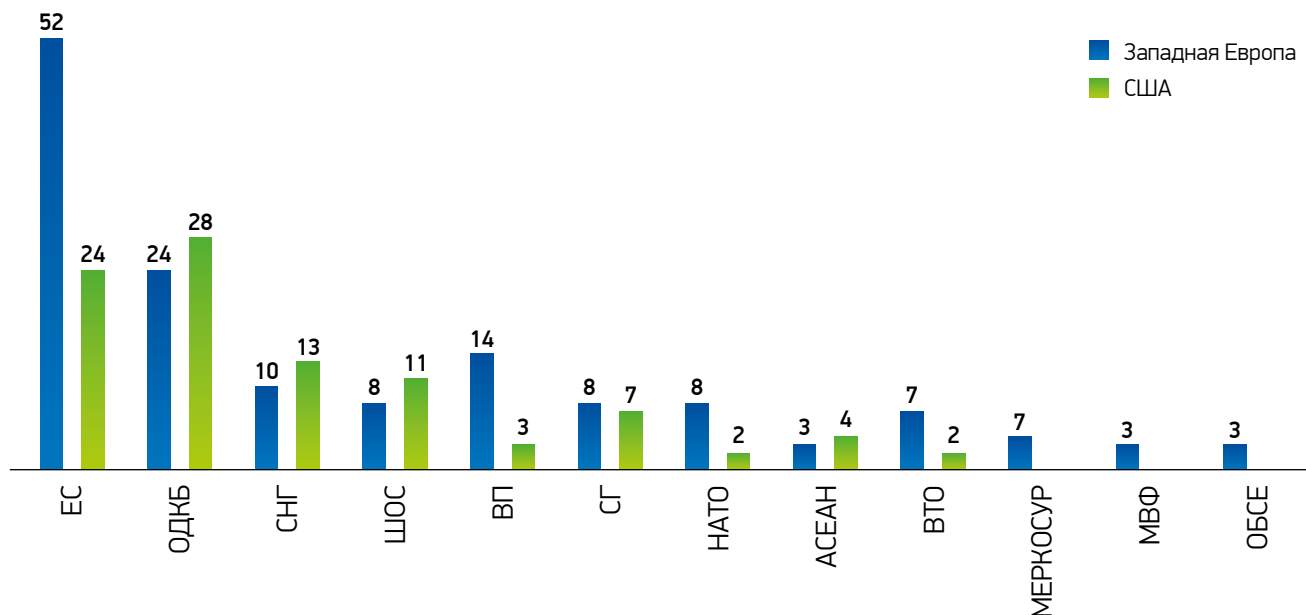

Рисунок 10. Количество материалов ведущих западных «фабрик мысли» в 2020 г. с упоминаниями других международных организаций и интеграционных проектов вместе с ЕАЭС

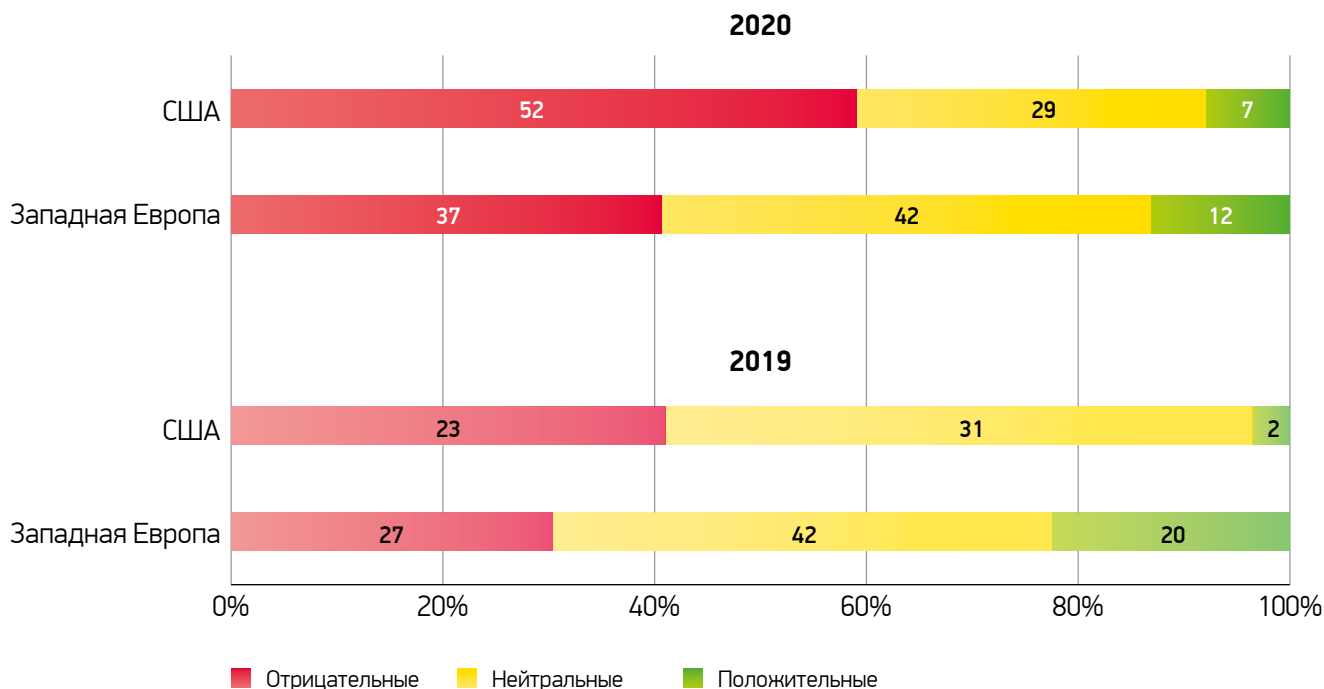
Вместе с Евразийским экономическим союзом упоминаются и другие международные организации и такие форматы взаимодействия, как Восточное партнерство (см. Рис. 10)²¹. В сравнении с предыдущим годом выделяется рост упоминаний ОДКБ. В 2019 г. таких упоминаний было 5 в материалах американских «фабрик мысли» и 14 в европейских, а в 2020 г. — 28 и 24 соответственно. Это коррелирует с ростом внимания западных аналитических центров к армяно-азербайджанскому конфликту, в рамках которого ЕАЭС часто упоминается в одном ряду с ОДКБ, а также с интерпретациями протестов в Беларуси. В связи с событиями 2020 г. в Беларуси не менее чем в два раза выросло и количество упоминаний Союзного государства. Также в 2020 г. больше упоминаний СНГ вместе с ЕАЭС — в 13 материалах американских экспертов и 10 западноевропейских (2 и 3 — в 2019 г. соответственно). Эта структура в ряде случаев воспринимается как

неудавшийся интеграционный проект России на постсоветском пространстве. Сохранилась диспропорция во внимании к Восточному партнерству — лишь в 3 материалах, опубликованных на сайтах американских «фабрик мысли» в 2020 г. и в 14 — западноевропейских (в 2019 г. — 1 и не менее 10, соответственно). В целом перечень международных организаций, о которых вспоминали западные эксперты в контексте анализа ЕАЭС в 2020 г., шире, чем в предыдущем.

Также было выявлено отношение к Евразийскому экономическому союзу авторов, публикующихся на сайтах западных «фабрик мысли», в традиционных для контент-анализа категориях «положительное», «нейтральное», «отрицательное» (см. Рис. 11). В сравнении с 2019 г. доля материалов с отрицательным отношением значительно выросла. Американские think tank'и в 2020 г. опубликовали 52 материала (59%) такого характера, европей-

21. По техническим причинам посчитали нецелесообразным приводить данные за 2019 г. по данному показателю в отдельной таблице, подробнее см. по этому вопросу: Травин Р. А., Аванесов А. Ю. ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2019 году : аналитический доклад. М. : 2020. С. 17. Url: <http://open-analytics.ru/research/eaes-v-publikatsiyakh-vedushchikh-zapadnykh-fabrik-mysli-v-2019-godu>

Рисунок 11. Отношение авторов ведущих западных «фабрик мысли» к ЕАЭС (количество материалов)

ские — 37 (40,6%), а в 2019 г. — 23 (41%) и 27 (30%) соответственно. При этом 4 из 7 положительных упоминаний на сайтах американских «фабрик мысли» в 2020 г. — в публикациях, авторы которых — российские эксперты. В европейских материалах с упоминанием ЕАЭС положительного характера сократилось почти вдвое.

Наиболее часто повторяющиеся критические замечания, полученные нами в рамках отзывов на предыдущий доклад, касались того, что полезно было бы указать также и проблемы и основные темы, в рамках анализа которых встречаются упоминания Евразийского экономического союза. И в данном исследовании комплекс таких проблем и тем был выявлен. Наиболее часто встречающиеся представлены на Рис. 12. Однако это не исчерпывающий перечень. Например, были материалы, в которых ЕАЭС рассматривался в контекстной взаимосвязи с так называемым налоговым маневром России в отношениях с Беларусью, «бархатной революцией» в Армении, кризисом власти в Кыргызстане, перспективами взаимодействия России и Китая в Арктике, некото-

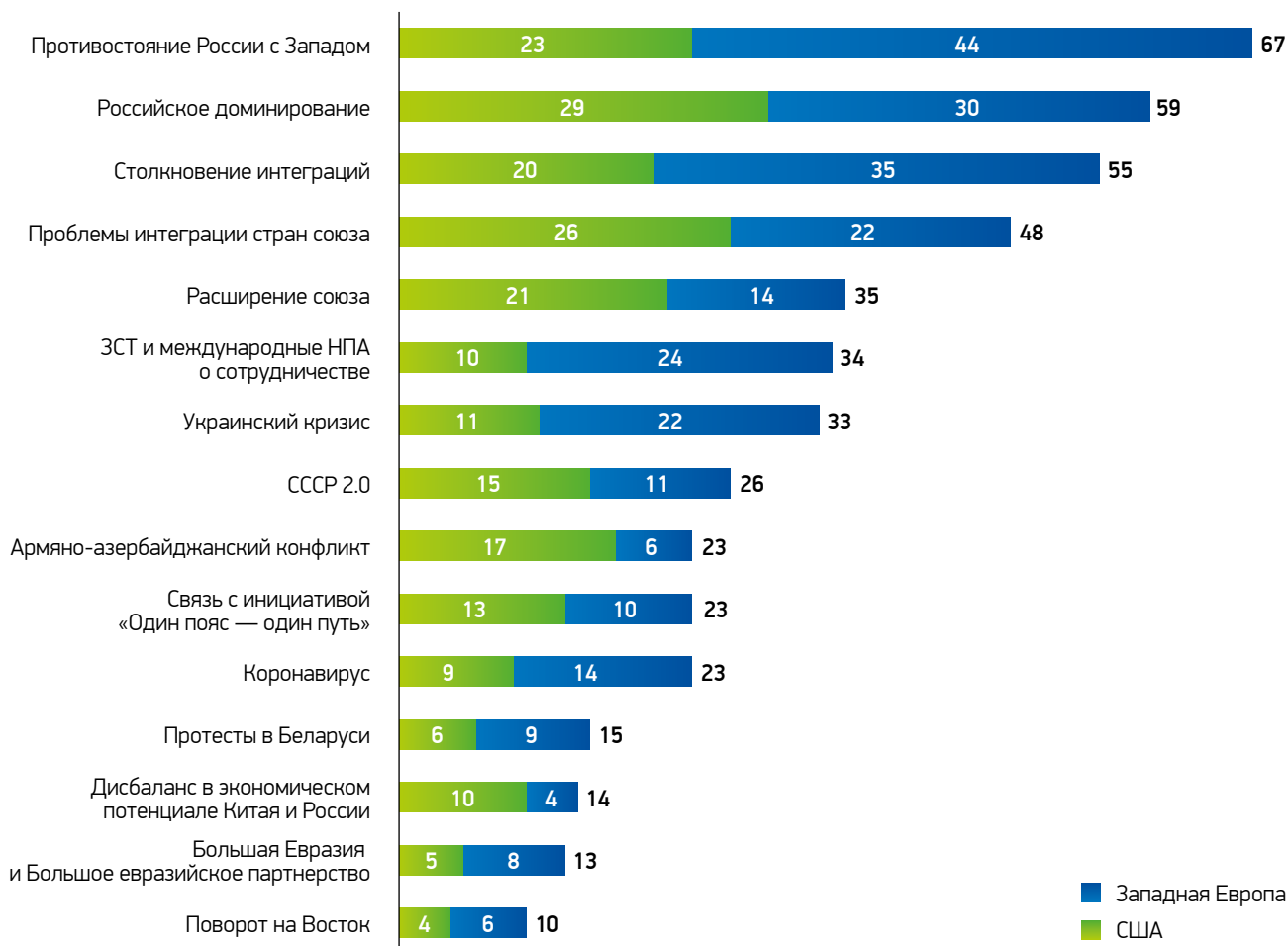
рыми другими темами, но все они встречались реже, чем представленные на Рис. 12. В одном материале могло встречаться несколько таких тем, причем в среднем на одну публикацию в материалах западно-европейских «фабрик мысли» в 2020 г. поднималось большее количество проблем, чем американских. Отчасти это можно объяснить большей долей публикаций с прямым упоминанием ЕАЭС в европейских аналитических центрах, но все же можно говорить и о более дифференцированном подходе к анализу процессов, связанных с ЕАЭС, со стороны «фабрик мысли» Западной Европы.

Темы сформулированы так, чтобы было понятно, о чем идет речь. Например, «СССР 2.0» — ЕАЭС воспринимается как попытка создания «нового Советского Союза», а «столкновение интеграций» — это столкновение российского и европейских интеграционных проектов. Остальные еще более очевидны.

Первые четыре темы, указанные на Рис. 12, можно назвать основным лейтмотивом публикаций о Евразийском экономическом союзе в 2020 г. Эксперты западных аналитических центров вспоми-

Раздел 1. Контент-анализ материалов с упоминанием ЕАЭС, опубликованных ведущими «фабриками мысли» США и Западной Европы в 2020 г.

Рисунок 12. Основные проблемы и темы, в контексте которых упоминался ЕАЭС в материалах западных «фабрик мысли» в 2020 г. (количество материалов)

нали о ЕАЭС в контексте противостояния России и Запада, характеризовали Союз как инструмент российского доминирования в регионе, поднимали вопрос столкновения европейского и российского интеграционного проектов, в частности на Украине, а также писали о проблемах внутри ЕАЭС. Остальные темы в большей степени привязаны к тому или иному тематическому блоку, как, например, армяно-азербайджанский конфликт к блокам, посвященным Южному Кавказу.

Следует отдельно отметить, что, например, российско-китайские отношения и сам Китай как страна упоминаются чаще, чем все страны Запада вместе взятые, а темы связи с проектом «Пояс и Путь» и российско-китайских отношений — основные для

целого ряда публикаций. Но в связи с актуальностью сотрудничества России и Китая мы не стали объединять в одну три темы, связанные с отношениями Москвы и Пекина в контексте сотрудничества в Евразии, посчитав, что тут детализация будет полезнее обобщения.

Выделяя тематические блоки (подробнее см. Рис. 13–16), в рамках которых структурирован материал второго и третьего разделов, мы в значительной степени ориентировались на подход, использованный в предыдущем докладе, чтобы сделать сравнение публикаций более удобным, а некоторые имеющиеся отличия обусловлены спецификой материалов, вошедших в данное исследование. Основные обобщения по тематическим блокам сделаны в Заключении.

Рисунок 13. Распределение материалов по тематическим блокам в Разделе II. ЕАЭС в материалах американских «фабрик мысли» в 2020 г.

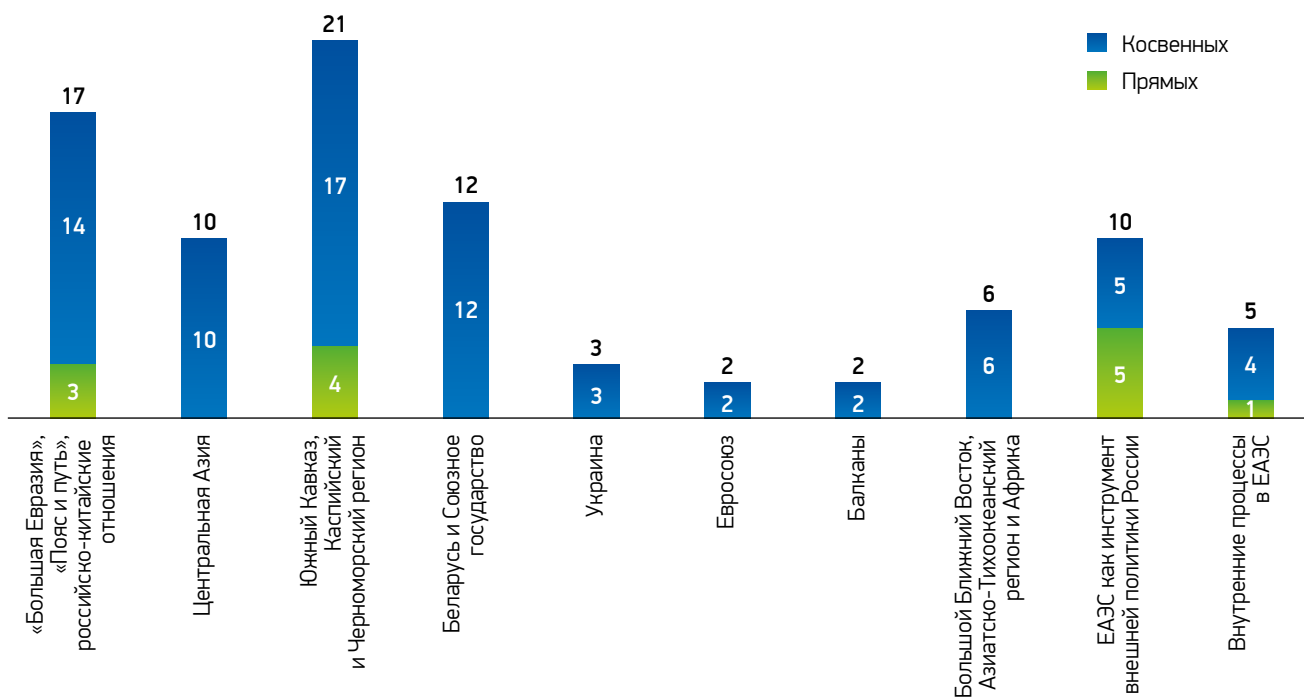
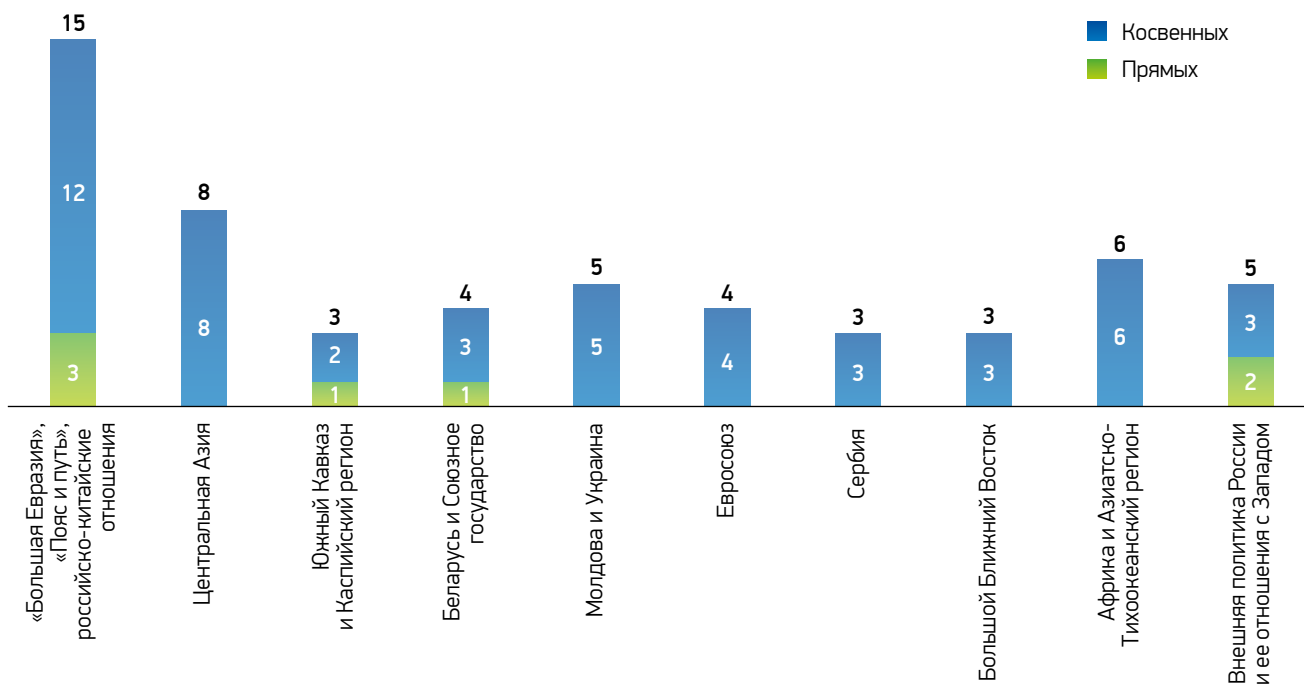

Рисунок 14. Распределение материалов по тематическим блокам в Разделе II. ЕАЭС в материалах американских «фабрик мысли» в 2019 г.

Раздел 1. Контент-анализ материалов с упоминанием ЕАЭС, опубликованных ведущими «фабриками мысли» США и Западной Европы в 2020 г.

Рисунок 15. Распределение материалов по тематическим блокам в Разделе III. ЕАЭС в материалах западноевропейских «фабрик мысли» в 2020 г.

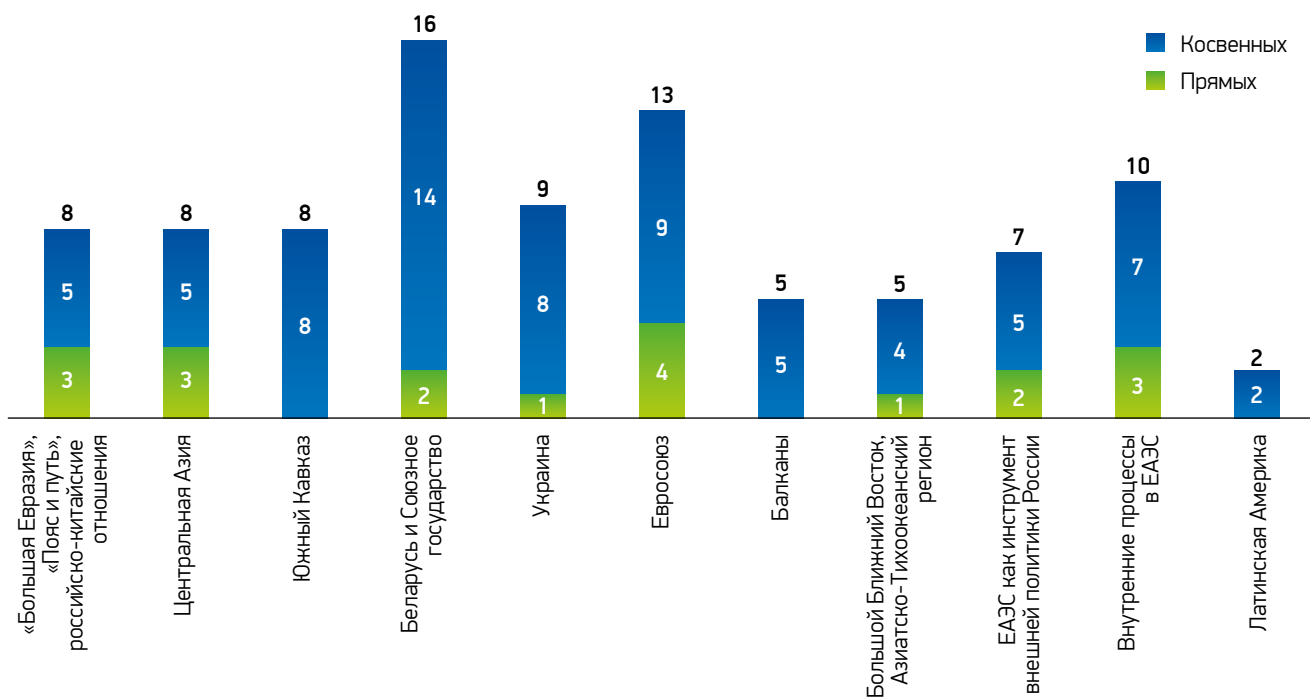
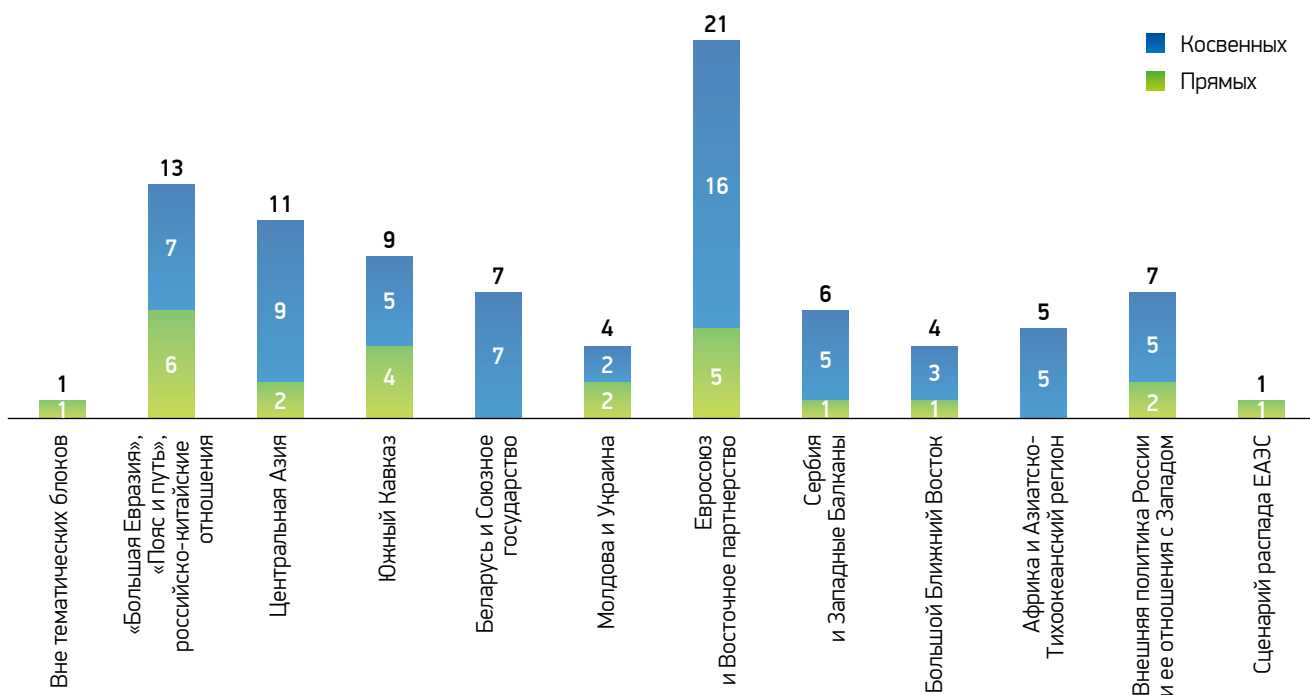

Рисунок 16. Распределение материалов по тематическим блокам в Разделе III. ЕАЭС в материалах западноевропейских «фабрик мысли» в 2019 г.

Больше всего материалов с упоминанием ЕАЭС — 17 — в 2020 г. опубликовал американский *Carnegie Endowment for International Peace* (3). Этот же аналитический центр был лидером по количеству публикаций и в 2019 г. Кроме него в Соединенных Штатах чаще других о ЕАЭС писали *Middle East Institute* (31) — в 11 материалах, а также *Wilson Center*^{*22} (8) и *Foreign Policy Research Institute* (45) — в 10 каждый.

В Западной Европе больше всего внимания ЕАЭС в публикациях 2020 г. уделили немецкие *Konrad-Adenauer-Stiftung* (7) — в 11 материалах и *Friedrich-Ebert-Stiftung* (6) — в восьми. Последний был лидером по упоминаниям ЕАЭС в Западной Европе и в 2019 г. Английские *LSE IDEAS* (17) и *European Council on Foreign Relations* (30), а также еще один немецкий think tank — *Stiftung Wissenschaft und Politik* (27) опубликовали по пять материалов с упоминанием ЕАЭС в 2020 г.

Как уже было отмечено выше, количество материалов западных экспертов, в которых ЕАЭС и его деятельность оценивались бы положительно, в 2020 г. невелико. Тем не менее приведем перечень «фабрик мысли», которые опубликовали по два материала (это максимум) с положительной оценкой Евразийского экономического союза. В США это: *Carnegie Endowment for International Peace* (3) и *Arctic Institute* (71). В Западной Европе — *Konrad-Adenauer-Stiftung* (7) *Stiftung Wissenschaft und Politik* (27) и австрийский *Vienna Institute for International Economic Studies* (77).

В Таблицах 2 и 3 отмечено общее количество материалов с упоминанием ЕАЭС всеми западными

«фабриками мысли», с сайтами которых мы работали в рамках исследования. Отдельно указано количество материалов с прямыми и косвенными упоминаниями ЕАЭС, а также характер упоминания — «нейтральное», «отрицательное», «положительное». Аналитические центры в таблице размещены в том же порядке и занимают то же место, что и в рейтингах «2020 Top Think Tanks in United States» и «2020 Top Think Tanks in Western Europe» в исследовании «2020 Global Go to Think Tank Index Report». Напомним, что в тексте доклада при каждом упоминании «фабрики мысли» в круглых скобках было указано ее место в рейтинге американских или западноевропейских think tank'ов.

Кроме того, так как в данном исследовании мы работали с несколько большим количеством «фабрик мысли», чем в исследовании с анализом материалов 2019 г., посчитали необходимым в таблицах разными цветами (подробнее см. в легендах таблиц) отметить аналитические центры, которые присутствовали и в предыдущем исследовании и в этом, а также те, которые не попали в предыдущее. Следует отметить, что большая часть — по 95 американских и западноевропейских «фабрик мысли» представлены в исследованиях материалов и 2019 г., и 2020 г. Кроме того, внимание аналитических центров к ЕАЭС можно охарактеризовать как достаточно последовательное. То есть в подавляющем большинстве случаев, если think tank писал о ЕАЭС в 2019 г., то писал и в 2020 г., и, соответственно, если упоминаний ЕАЭС в 2019 г. не было, то, как правило, их не будет и в 2020 г.

22. Здесь и ниже звездочкой* отмечены «фабрики мысли», включенные в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

**Раздел 1. Контент-анализ материалов с упоминанием ЕАЭС,
опубликованных ведущими «фабриками мысли» США и Западной Европы в 2020 г.**

**Таблица 2. Количество и характер материалов с упоминанием ЕАЭС
на сайтах ведущих «фабрики мысли» США в 2020 г.**

№	Название	Кол-во материалов с упоминаниями ЕАЭС	С прямыми/косвенными	С нейтральными	С отрицательными	С положительными
■	1 Peterson Institute for International Economics (PIIE)	–	–	–	–	–
■	2 Center for Strategic and International Studies (CSIS)	5	1/4	1	3	1
■	3 Carnegie Endowment for International Peace	17	3/14	4	11	2
■	4 Urban Institute	–	–	–	–	–
■	5 Center for American Progress (CAP)	–	–	–	–	–
■	6 Heritage Foundation	2	0/2	1	1	–
■	7 Atlantic Council*	–	нет доступа к сайту			
■	8 Wilson Center, FKA Woodrow Wilson International Center for Scholars*	10	3/7	4	5	1
■	9 RAND Corporation*	3	2/1	–	3	–
■	10 Stimson Center	–	–	–	–	–
■	11 Council on Foreign Relations (CFR)	2	0/2	–	2	–
■	12 Belfer Center for Science and International Affairs	1	0/1	–	1	–
■	13 Cato Institute	–	–	–	–	–
■	14 Hudson Institute*	1	0/1	–	1	–
■	15 Baker Institute for Public Policy	–	–	–	–	–
■	16 Center for a New American Security (CNAS)	–	–	–	–	–
■	17 American Enterprise Institute for Public Policy Research (AEI)	1	0/1	1	–	–
■	18 German Marshall Fund of the United States (GMF)*	–	нет доступа к сайту			
■	19 Resources for the Future (RFF)	–	–	–	–	–
■	20 Freedom House	3	0/3	1	2	–
■	21 Human Rights Watch (HRW)	–	–	–	–	–
■	22 Hoover Institution	–	–	–	–	–
■	23 Mercatus Center	1	0/1	1	–	–
■	24 McKinsey Global Institute	–	–	–	–	–
■	25 National Bureau of Economic Research	–	–	–	–	–
■	26 Inter-American Dialogue	–	–	–	–	–
■	27 World Resources Institute (WRI)	–	–	–	–	–
■	28 Center for Global Development (CGD)	–	–	–	–	–
■	29 Asia Society Policy Institute (ASPI)	–	–	–	–	–

■ «Фабрики мысли», у которых наличие или отсутствие упоминаний ЕАЭС в 2020 г. аналогично 2019 г.

■ «Фабрики мысли», которые не упоминали Союз в 2019 г., но упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», которые упоминали союз в 2019 г., но не упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», материалы которых анализировались только в данном исследовании

ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2020 году

№	Название	Кол-во материалов с упоминаниями ЕАЭС	С прямыми/косвенными	С нейтральными	С отрицательными	С положительными
30	Economic Policy Institute (EPI)	–	–	–	–	–
31	Middle East Institute (MEI)	11	1/10	4	7	–
32	Chicago Council on Global Affairs	–	–	–	–	–
33	National Bureau of Asian Research (NBR)	–	–	–	–	–
34	Migration Policy Institute (MPI)	–	–	–	–	–
35	Acton Institute for the Study of Religion and Liberty	–	–	–	–	–
36	United States Institute of Peace (USIP)	1	0/1	1	–	–
37	Manhattan Institute for Policy Research (MI)	–	–	–	–	–
38	Worldwatch Institute		нет доступа к сайту			
39	Information Technology and Innovation Foundation (ITIF)	–	–	–	–	–
40	Carnegie Council for Ethics in International Affairs	–	–	–	–	–
41	Pew Research Center	–	–	–	–	–
42	Independent Institute	–	–	–	–	–
43	Center for Climate and Energy Solutions (C2ES)	–	–	–	–	–
44	Center on Budget and Policy Priorities (CBPP)	–	–	–	–	–
45	Foreign Policy Research Institute (FPRI)	10	1/9	4	5	1
46	Joint Center for Political and Economic Studies	–	–	–	–	–
47	Bipartisan Policy Center (BPC)	–	–	–	–	–
48	Aspen Institute	–	–	–	–	–
49	EastWest Institute (EWI)	1	0/1	1	–	–
50	New America Foundation	–	–	–	–	–
51	Center for Transatlantic Relations (CTR)	–	–	–	–	–
52	McCain Institute for International Leadership	–	–	–	–	–
53	Earth Institute	–	–	–	–	–
54	Atlas Network	1	0/1	–	1	–
55	Foundation for Economic Education (FEE)	–	–	–	–	–
56	Reason Foundation	–	–	–	–	–
57	Pacific Research Institute (PRI)	–	–	–	–	–
58	Center for the National Interest (CFTNI), FKA Nixon Center	–	–	–	–	–
59	Milken Institute	–	–	–	–	–
60	International Food Policy Research Institute (IFPRI)	1	0/1	1	–	–

■ «Фабрики мысли», у которых наличие или отсутствие упоминаний ЕАЭС в 2020 г. аналогично 2019 г.

■ «Фабрики мысли», которые не упоминали Союз в 2019 г., но упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», которые упоминали союз в 2019 г., но не упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», материалы которых анализировались только в данном исследовании

Раздел 1. Контент-анализ материалов с упоминанием ЕАЭС, опубликованных ведущими «фабриками мысли» США и Западной Европы в 2020 г.

№	Название	Кол-во материалов с упоминаниями ЕАЭС	С прямыми/косвенными	С нейтральными	С отрицательными	С положительными
61	Center for Economic and Policy Research (CEPR)	-	-	-	-	-
62	Third Way	-	-	-	-	-
63	Committee for Economic Development of the Conference Board (CED)	-	-	-	-	-
64	Center for European Policy Analysis (CEPA)*	4	0/4	-	4	-
65	Center for Strategic and Budgetary Assessments (CSBA)	-	-	-	-	-
66	Institute for Policy Studies (IPS)	-	-	-	-	-
67	Hispanic American Center for Economic Research (HACER)	-	-	-	-	-
68	Open Society Foundations (OSF), FKA Open Society Institute*		нет доступа к сайту			
69	Competitive Enterprise Institute (CEI)	-	-	-	-	-
70	Institute for Women's Policy Research (IWPR)	-	-	-	-	-
71	Arctic Institute	2	0/2	-	-	2
72	R Street Institute	-	-	-	-	-
73	Center for International Security and Arms Control (CISAC)	-	-	-	-	-
74	Lugar Center	-	-	-	-	-
75	Institute for New Economic Thinking	-	-	-	-	-
76	Berggruen Institute	-	-	-	-	-
77	Demos	-	-	-	-	-
78	Congressional Research Service (CRS)	4	0/4	2	2	-
79	Africa Center for Strategic Studies	-	-	-	-	-
80	Project for the Study of the 21st Century (PS21)	-	-	-	-	-
81	Institute for Religion and Democracy (IRD)	-	-	-	-	-
82	Institute for Science and International Security (ISIS)	-	-	-	-	-
83	Mackinac Center for Public Policy	-	-	-	-	-
84	Center for International Policy (CIP)	-	-	-	-	-
85	Washington Center for Equitable Growth	-	-	-	-	-
86	Center for Naval Analysis (CNA)	-	-	-	-	-
87	Institute for Defense Analysis		нет доступа к сайту			
88	Levy Institute	-	-	-	-	-
89	Public Policy Institute of California (PPIC)	-	-	-	-	-
90	Goldwater Institute	-	-	-	-	-

■ «Фабрики мысли», у которых наличие или отсутствие упоминаний ЕАЭС в 2020 г. аналогично 2019 г.

■ «Фабрики мысли», которые не упоминали Союз в 2019 г., но упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», которые упоминали союз в 2019 г., но не упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», материалы которых анализировались только в данном исследовании

ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2020 году

№	Название	Кол-во материалов с упоминаниями ЕАЭС	С прямыми/косвенными	С нейтральными	С отрицательными	С положительными
91	Roosevelt Institute	–	–	–	–	–
92	Institute for the Study of War (ISR)	5	1/4	2	3	–
93	Center for Immigration Studies	–	–	–	–	–
94	Center for National Policy	–	–	–	–	–
95	Pacific Council on International Policy	–	–	–	–	–
96	Center for International Development (CID)	–	–	–	–	–
97	Pacific Forum	–	–	–	–	–
98	Beacon Hill Institute	–	–	–	–	–
99	Center for Governmental Research	–	–	–	–	–
100	American Foreign Policy Council	2	1/1	1	1	–
101	J Street	–	–	–	–	–
102	Federation for American Immigration Reform	–	–	–	–	–
103	Employment Policies Institute	–	–	–	–	–
104	Center for Public Integrity	–	–	–	–	–
105	Potomac Institute for Policy Studies	–	–	–	–	–
106	Lexington Institute	–	–	–	–	–
107	Texas Public Policy Foundation	–	–	–	–	–
108	Rockefeller Institute of Government	–	–	–	–	–
109	Electronic Privacy Information Center	–	–	–	–	–
110	Institute of the Americas	–	–	–	–	–
		88	13/75	29	52	7

■ «Фабрики мысли», у которых наличие или отсутствие упоминаний ЕАЭС в 2020 г. аналогично 2019 г.

■ «Фабрики мысли», которые не упоминали Союз в 2019 г., но упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», которые упоминали союз в 2019 г., но не упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», материалы которых анализировались только в данном исследовании

**Раздел 1. Контент-анализ материалов с упоминанием ЕАЭС,
опубликованных ведущими «фабриками мысли» США и Западной Европы в 2020 г.**

**Таблица 3. Количество и характер материалов с упоминанием ЕАЭС
на сайтах ведущих «фабрики мысли» Западной Европы в 2020 г.**

№	Название	Кол-во материалов с упоминаниями ЕАЭС	С прямыми/косвенными	С нейтральными	С отрицательными	С положительными
1	Bruegel (Belgium)	1	0/1	1	–	–
2	Elcano Royal Institute (Spain)	1	0/1	1	–	–
3	Clingendael, Netherlands Institute of International Relations (Netherlands)	2	2/0	2	–	–
4	French Institute of International Relations (IFRI) (France)	4	0/4	2	2	–
5	Chatham House (United Kingdom)*	2	1/1	1	1	–
6	Friedrich–Ebert–Stiftung (FES) (Germany)	8	4/4	3	4	1
7	Konrad–Adenauer–Stiftung (KAS) (Germany)	11	4/7	7	2	2
8	International Institute for Strategic Studies (IISS) (United Kingdom)	–	–	–	–	–
9	Centre for European Policy Studies (CEPS) (Belgium)	2	1/1	1	1	–
10	Danish Institute for International Studies (DIIS) (Denmark)	–	–	–	–	–
11	Institute for International Political Studies (ISPI) (Italy)	4	1/3	3	1	–
12	Barcelona Centre for International Affairs (CIDOB) (Spain)	1	0/1	–	1	–
13	German Development Institute (DIE) (Germany)	–	–	–	–	–
14	Ecologic Institute (Germany)	–	–	–	–	–
15	Adam Smith Institute (ASI) (United Kingdom)	–	–	–	–	–
16	Istituto Affari Internazionali (IAI) (Italy)	–	–	–	–	–
17	LSE IDEAS (United Kingdom)	5	0/5	2	2	1
18	Carnegie Endowment for International Peace Europe Center (Belgium)	–	–	–	–	–
19	Amnesty International (AI) (United Kingdom)	–	–	–	–	–
20	Institute for Fiscal Studies (IFS) (United Kingdom)	–	–	–	–	–
21	Institut de Relations Internationales et Stratégiques (IRIS) (France)	–	–	–	–	–
22	Notre Europe Jacques Delors Institut (France)	–	–	–	–	–
23	Transparency International (TI) (Germany)	–	–	–	–	–
24	German Council on Foreign Relations (DGAP) (Germany)	3	0/3	2	–	1

■ «Фабрики мысли», у которых наличие или отсутствие упоминаний ЕАЭС в 2020 г. аналогично 2019 г.

■ «Фабрики мысли», которые не упоминали Союз в 2019 г., но упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», которые упоминали союз в 2019 г., но не упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», материалы которых анализировались только в данном исследовании

ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2020 году

№	Название	Кол-во материалов с упоминаниями ЕАЭС	С прямыми/косвенными	С нейтральными	С отрицательными	С положительными
25	Royal United Services Institute (RUSI) (United Kingdom)	2	0/2	1	1	–
26	Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) (Sweden)	1	0/1	–	1	–
27	Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP) (Germany)	5	1/4	3	–	2
28	Overseas Development Institute (ODI) (United Kingdom)	–	–	–	–	–
29	Centre for Economic Policy Research (CEPR) (United Kingdom)	–	–	–	–	–
30	European Council on Foreign Relations (ECFR) (United Kingdom)	5	0/5	4	1	–
31	EGMONT – The Royal Institute for International Relations (Belgium)	2	0/2	–	2	–
32	Peace Research Institute Oslo (PRIO) (Norway)	–	–	–	–	–
33	International Crisis Group (ICG) (Belgium)	2	0/2	1	1	–
34	European Policy Center (EPC) (Belgium)	1	0/1	–	1	–
35	Institute of Development Studies (United Kingdom)	–	–	–	–	–
36	Bertelsmann Foundation (Germany)	–	–	–	–	–
37	Institute of International and European Affairs (IIEA) (Ireland)	–	–	–	–	–
38	Finnish Institute of International Affairs (Finland)	3	1/2	–	2	1
39	Kiel Institute for the World Economy (IfW) (Germany)	–	–	–	–	–
40	European Union Institute for Security Studies (EUISS) (France)	3	1/2	1	2	–
41	Institute for Public Policy Research (IPPR) (United Kingdom)	–	–	–	–	–
42	FAES Foundation for Analysis and Social Studies (Spain)	–	–	–	–	–
43	Centre for European Reform (CER) (United Kingdom)	2	0/2	1	1	–
44	Hanns Seidel Foundation (HSS) (Germany)	–	–	–	–	–
45	Demos (United Kingdom)	–	–	–	–	–
46	German Marshall Fund (Belgium)		нет доступа к сайту			
47	Heinrich Boll Foundation (HBS) (Germany)*	1	0/1	1	–	–
48	Friedrich Naumann Foundation for Freedom (FNF) (Germany)	1	0/1	–	1	–

■ «Фабрики мысли», у которых наличие или отсутствие упоминаний ЕАЭС в 2020 г. аналогично 2019 г.

■ «Фабрики мысли», которые не упоминали Союз в 2019 г., но упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», которые упоминали союз в 2019 г., но не упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», материалы которых анализировались только в данном исследовании

Раздел 1. Контент-анализ материалов с упоминанием ЕАЭС, опубликованных ведущими «фабриками мысли» США и Западной Европы в 2020 г.

№	Название	Кол-во материалов с упоминаниями ЕАЭС	С прямыми/косвенными	С нейтральными	С отрицательными	С положительными
49	Centre d'Etudes Prospectives et d'Informations Internationales (CEPII) (France)	-	-	-	-	-
50	Fundación Alternativas (Spain)	-	-	-	-	-
51	World Economic Forum (WEF) (Switzerland)	1	0/1	-	-	1
52	Center for Political Studies (CEPOS) (Denmark)	-	-	-	-	-
53	Fondation pour l'Innovation Politique (Fondapol) (France)	-	-	-	-	-
54	Centro Studi Internazionali (Ce.S.I.) (Italy)	-	-	-	-	-
55	Potsdam Institute for Climate Impact Research (Germany)	-	-	-	-	-
56	Lisbon Council for Economic Competitiveness and Social Renewal (Belgium)	-	-	-	-	-
57	Friends of Europe (Belgium)	-	-	-	-	-
58	Foreign Policy Centre (FPC) (United Kingdom)	3	1/2	-	3	-
59	Centre d'Etudes et de Recherches Internationales (CERI) (France)	2	1/1	-	2	-
60	Institute of Economic Affairs (IEA) (United Kingdom)	-	-	-	-	-
61	Policy Network (United Kingdom)	-	-	-	-	-
62	Hellenic Foundation for European and Foreign Policy (ELIAMEP) (Greece)	-	-	-	-	-
63	Fundación para el Análisis y los Estudios Sociales (FAES) (Spain)	-	-	-	-	-
64	European Centre for International Political Economy (ECIPE) (Belgium)	1	0/1	1	-	-
65	Legatum Institute (United Kingdom)	-	-	-	-	-
66	Fabian Society (United Kingdom)	-	-	-	-	-
67	Institute for Government (IfG) (United Kingdom)	-	-	-	-	-
68	European Centre for Development Policy Management (ECDPM) (Netherlands)	-	-	-	-	-
69	Centre for Policy Studies (CPS) (United Kingdom)	-	-	-	-	-
70	Wilfried Martens Centre for European Studies (WMCES), FKA Centre for European Studies (Belgium)*	1	0/1	-	1	-
71	International Centre for Black Sea Studies (ICBSS) (Greece)	-	-	-	-	-
72	Norwegian Institute of International Affairs (NUPI) (Norway)	2	0/2	-	2	-

■ «Фабрики мысли», у которых наличие или отсутствие упоминаний ЕАЭС в 2020 г. аналогично 2019 г.

■ «Фабрики мысли», которые не упоминали Союз в 2019 г., но упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», которые упоминали союз в 2019 г., но не упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», материалы которых анализировались только в данном исследовании

ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2020 году

№	Название	Кол-во материалов с упоминаниями ЕАЭС	С прямыми/косвенными	С нейтральными	С отрицательными	С положительными
73	Koerber Foundation (Germany)	1	0/1	–	1	–
74	Institución Futuro (Spain)	–	–	–	–	–
75	Northern Research Forum (Iceland)	–	–	–	–	–
76	Istituto Bruno Leoni (IBL) (Italy)	–	–	–	–	–
77	Vienna Institute for International Economic Studies (WIIW) (Austria)	4	1/3	2	–	2
78	Policy Exchange (United Kingdom)	–	–	–	–	–
79	ResPublica (United Kingdom)	–	–	–	–	–
80	Jacques Delors Institut (Germany)	–	–	–	–	–
81	Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung (DIW) (Germany)	–	–	–	–	–
82	Fondation pour la Recherche Stratégique (FRS) (France)	2	0/2	1	1	–
83	Institute of Development Studies (United Kingdom)	–	–	–	–	–
84	Centre for Global Cooperation Research (Germany)	–	–	–	–	–
85	DCAF – Geneva Centre for Security Sector Governance (Switzerland)	–	–	–	–	–
86	Chr. Michelsen Institute (Norway)	–	–	–	–	–
87	Copenhagen Consensus Center (Denmark)	–	–	–	–	–
88	Stockholm Environment Institute (Sweden)	–	–	–	–	–
89	World Institute for Development Economics Research (Finland)	–	–	–	–	–
90	Think EUROPA (Denmark)	–	–	–	–	–
91	Action Institute (Italy)	–	–	–	–	–
92	Institut Europeu de la Mediterrània (IEMed) (Spain)	–	–	–	–	–
93	Düsseldorf Institute for Competition Economics (DICE) (Germany)	–	–	–	–	–
94	Austrian Institute of Economic Research (Austria)	–	–	–	–	–
95	ifo Institut (Germany)	–	–	–	–	–
96	Geneva Centre for Security Policy (Switzerland)	–	–	–	–	–
97	European University Institute (Italy)	–	–	–	–	–
98	Economic and Social Research Institute (Ireland)	–	–	–	–	–
99	European Organisation for Security (Belgium)	1	0/1	1	–	–

■ «Фабрики мысли», у которых наличие или отсутствие упоминаний ЕАЭС в 2020 г. аналогично 2019 г.

■ «Фабрики мысли», которые не упоминали Союз в 2019 г., но упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», которые упоминали союз в 2019 г., но не упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», материалы которых анализировались только в данном исследовании

Раздел 1. Контент-анализ материалов с упоминанием ЕАЭС, опубликованных ведущими «фабриками мысли» США и Западной Европы в 2020 г.

№	Название	Кол-во материалов с упоминаниями ЕАЭС	С прямыми/косвенными	С нейтральными	С отрицательными	С положительными
■ 100	Institute of Military Studies (Denmark)	–	–	–	–	–
■ 101	European Stability Initiative (Germany)	–	–	–	–	–
■ 102	Finnish Business and Policy Forum EVA (Finland)	–	–	–	–	–
■ 103	Institut Europeu de la Mediterrània (IEMed) (Spain)	–	–	–	–	–
■ 104	Robert Schuman Foundation (RSF) (France)	1	0/1	–	–	1
■ 105	Momentum Institute (Austria)	–	–	–	–	–
■ 106	Development Initiatives (United Kingdom)	–	–	–	–	–
■ 107	Fundación de Estudios de Economía Aplicada (FEDEA) (Spain)	–	–	–	–	–
■ 108	Institute of Social Studies (Netherlands)	–	–	–	–	–
■ 109	Institute for Advanced Sustainability Studies (Germany)	–	–	–	–	–
■ 110	GenerationLibre (France)	–	–	–	–	–
		91	19/72	42	37	12

■ «Фабрики мысли», у которых наличие или отсутствие упоминаний ЕАЭС в 2020 г. аналогично 2019 г.

■ «Фабрики мысли», которые не упоминали Союз в 2019 г., но упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», которые упоминали союз в 2019 г., но не упоминали в 2020 г.

■ «Фабрики мысли», материалы которых анализировались только в данном исследовании

РАЗДЕЛ 2

ЕАЭС в материалах американских
«фабрик мысли» в 2020 г.

2.1. «Большая Евразия», «Пояс и путь», российско-китайские отношения

Прямые упоминания

В статье *Center for Strategic and International Studies (2)*, посвященной диспаритету российской и китайской экономик, говорится, что Си Цзиньпин и В. Путин пытаются поставить экономику в центр сотрудничества, а их взгляды на экономическую сферу, на первый взгляд, даже кажутся взаимодополняющими. «Инициатива Си “Пояс и путь” дала возможность китайским компаниям построить автомобильные и железные дороги, проложить оптоволокно, реализовать другие инфраструктурные проекты по всему евразийскому суперконтиненту и за его пределами. Путинский Евразийский экономический союз гармонизирует таможенные процессы для создания единого рынка между Россией, Арменией, Беларусью, Казахстаном и Кыргызстаном... Поддерживая свои личные отношения, Си и Путин неоднократно обещали сопряжение «Пояса и пути» и ЕАЭС, но практических деталей представили немного, оставив наблюдателям лишь строить догадки относительно будущего их экономических отношений»²³.

Ниже в тексте идет речь о том, что главы РФ и КНР делают акцент на росте уровня двусторонней торговли — показателе, который подчеркивает прогресс и партнерство — скрывая при этом, насколько Россия стала более зависима от Китая. Также автор пишет, что интересы безопасности России ограничивают более глубокую интеграцию, после чего отмечает: «Россия является локомотивом ЕАЭС и заключила ограниченные торговые соглашения с внешними партнерами, чтобы защитить свои более слабые отрасли промышленности. Торговое соглашение

между ЕАЭС и Китаем, вступившее в силу в прошлом году, не предусматривает снижения пошлин. Российские официальные лица также сопротивляются созданию зоны свободной торговли в рамках Шанхайской организации сотрудничества»²⁴.

Опыт взаимодействия России с проектом «Пояс и путь» показал, что существуют барьеры и для инвестиций. «Обе страны заинтересованы в улучшении инфраструктуры на всем евразийском суперконтиненте. Несмотря на общую границу протяженностью 2600 миль, железнодорожные переходы между Россией и Китаем можно пересчитать по пальцам одной руки, а всего в общей сложности функционирует около 25 пунктов пересечения. Три из шести запланированных в рамках “Пояса и пути” транспортных коридора проходят по территории ЕАЭС. Учитывая амбиции Китая и потребность России в улучшении инфраструктуры, “Пояс и путь” одновременно будет способствовать и увеличению объема инвестиций»²⁵.

Также в статье отмечается, что Россия и Китай прилагают усилия по созданию альтернативы SWIFT. Причем Пекин больше преуспел в продвижении своей версии на международной арене, тогда как к российской Системе передачи финансовых сообщений лишь год назад были подключены члены ЕАЭС²⁶.

По мнению автора, «предложение Путина о “Большом евразийском партнерстве” и предлагаемые варианты “сопряжения” “Пояса и пути” и ЕАЭС служат сиюминутным политическим целям. При этом игнорируются экономические реалии, что может привести к еще большим трениям в ближайшие годы»²⁷.

23. Hillman J. E. China and Russia: Economic Unequals // Center for Strategic and International Studies, 15.07.2020. P. 1. Url: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/200715_ChinaandRussia.pdf

24. Ibid. P. 3.

25. Ibid. P. 4.

26. Ibid. P. 6.

27. Ibid. P. 10.

В целом отмеченные в статье факторы «свидетельствуют о неравноправном партнерстве, которое в будущем станет еще более однобоким, а Китай уже обогнал Россию практически по всем параметрам»²⁸.

Автор статьи, опубликованной *Wilson Center** (8), задается вопросом: существует ли общая внешнеполитическая стратегия России и, если да, то в чем она заключается? И, пытаясь ответить на него, пишет: «В течение многих лет казалось, что президент Путин основывал свою внешнюю политику главным образом на своем заявлении 2005 г. о том, что распад Советской империи “был величайшей геополитической катастрофой века”. Таким образом, задача российской политики состояла в том, чтобы любыми средствами восстановить как можно более полный контроль над бывшими советскими территориями. Это привело к захвату территории Грузии в 2008 г. и Крыма в 2014 г., вооруженным вторжениям в восточную Украину в 2014–2019 гг. Не так давно это привело к тому, что Путин вынудил Кыргызстан присоединиться к своему политически мотивированному Евразийскому экономическому союзу, а также нынешнему буллингу Узбекистана и Таджикистана. На практике внешняя политика России в таких разных местах, как Восточная Европа, Сирия и Африка, похоже, основана скорее на оппортунизме, чем на стратегии»²⁹.

Автор текста обращается к теоретическим основам концепта «Большая Евразия», вспоминает А. Дугина и ссылается на специальный выпуск «Россия в формирующейся Большой Евразии» журнала «Вопросы географии», приводит позиции некоторых авторов статей опубликованных в этом издании (по сути, значительная часть текста, это своего рода рецензия на этот спецвыпуск) и отмечает: «Единственное, с чем согласны все авторы этого номера, — это то, что Большая Евразия возникнет в результате слияния Китайской Шанхайской организации со-

трудничества и российского Евразийского экономического союза. Однако колоссальный демографический и экономический дисбаланс между этими двумя субъектами создает проблему для Москвы. Чтобы “раскачать” свой ЕАЭС, Россия должна убедить, задобрить или запугать суверенные государства Центральной Азии и Кавказа, чтобы они присоединились к союзу, что она собственно и делает. Такие методы “сильной руки” заставляют тех, к кому они применяются, действовать скорее из страха, чем по убеждению. Президент Казахстана Назарбаев, долгое время бывший поборником экономического сотрудничества с Россией, не сообщил даже своим подчиненным о своих намерениях в 2014 г., когда он помчался в Москву для подписания соглашения о ЕАЭС. Президент Кыргызстана в 2015 г. публично заявил, что выбрал “меньшее из двух зол”, но позже сообщил, как Москва его загоняла туда чуть ли не дубиной. У армян, зависящих от военной помощи Москвы в противостоянии с Азербайджаном за Карабах, не было выбора в этом вопросе. Сейчас в поле зрения Москвы находится Узбекистан, он согласился вступить в ЕАЭС со статусом наблюдателя на пять лет. Если Узбекистан станет членом организации, у Таджикистана не останется иного выбора, кроме как последовать его примеру»³⁰.

Автор полагает, что помимо слабости «своего ЕАЭС по сравнению с китайской ШОС», Москву беспокоит растущий военный диспаритет между ней и Пекином³¹. Также, по его мнению, Россия обречена быть младшим партнером в любых отношениях с Китаем. «Энтузиасты Большой Евразии в России (речь о ряде российских экспертов, авторов упомянутого выше спецвыпуска журнала. — *P. T., A. A.*) знают об этом и поэтому начали мечтать о добавлении третьего элемента в структуру, а именно, Индии... Но остается одна небольшая проблема, а именно пропасть между политическими системами Индии и Китая... Очарованные этой грандиозной, но причудливой

28. Ibid.

29. Starr F. S. Kennan Cable No. 46: Greater Eurasia: Russia's Asian Fantasy // *Wilson Center**, January 2020. P. 1. Url: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/KI_200106_cable%2046_v1.pdf

30. Ibid. P. 2–3.

31. Ibid. P. 3.

фантазией, российские эксперты пророчат, что союз между Россией, Китаем и Индией станет мощной силой для мира на земле... Если бы власть измерялась количеством подписанных соглашений, то в этом энтузиазме был бы смысл. Растущий вал формальных документов уже связывает членов ЕАЭС с Россией и друг с другом. Впечатляющие на бумаге, они могут оказаться столь же несущественными, как и документы, которые привели к образованию московского Содружества Независимых Государств в декабре 1991 г. Гораздо более конкретными являются многочисленные инвестиции и гранты из Китая, которые создали связи между Пекином и всеми его евразийскими партнерами, включая Россию»³².

Рассуждая о перспективах Большой Евразии и позиции В. Путина, автор пишет, что было бы серьезной ошибкой полагать, что Путин будет настолько поглощен своей концепцией Большой Евразии, что потеряет интерес к бывшему советскому пространству. «Он рассчитывает на расширение ЕАЭС, чтобы укрепить свои позиции в отношениях с Пекином. Парадоксально, но даже смотря в Азию, Москва будет упорствовать в своих усилиях по расширению влияния в Восточной Европе, на Кавказе и в Центральной Азии. Мы можем ожидать, что Путин останется верен себе»³³.

«Центральная Азия и Южный Кавказ заслуживают особого внимания, поскольку они представляют собой вызов для московского проекта “Большая Евразия”. Как и другие возможные новые члены ЕАЭС, страны Центральной Азии (а также Азербайджан) обладают потенциалом для того, чтобы увеличить размер и “вес” новой торговой зоны и тем самым укрепить переговорные позиции Москвы, поскольку она стремится к большему паритету в отношениях с Пекином и его ШОС. По этой причине Москва вынуждена усилить свое давление на Азербайджан, Таджикистан и Узбекистан, чтобы они присоединились к

ЕАЭС. Ответят ли Америка и Европа на эти провокации, и если да, то как?»³⁴ — говорится в документе.

В целом же автор достаточно скептически относится к перспективам успешной реализации «модной российской стратегии Большой Евразии» и считает, что пропасть между Китаем и Россией будет расширяться. В тоже время «члены ЕАЭС будут продолжать преследовать свои собственные политические и экономические интересы, даже присутствуя на заседаниях ЕАЭС и принимая резолюции. И, что важно, даже в рамках Большой Евразии они будут стремиться к сбалансированным отношениям между мировыми державами, которые лежат в основе их стратегии в течение первых двух десятилетий нового столетия»³⁵.

В докладе *Foreign Policy Research Institute (45)* о «тихом соперничестве» России и Китая в Центральной Азии отмечается, что до того как регион был «советизирован», более 2000 лет между Китаем и Центральной Азией время от времени вспыхивали конфликты, но с 1992 г. Пекин начал налаживать сотрудничество со странами региона. В 1990-х годах Китай не хотел открыто бросать вызов российской гегемонии в регионе и признавал, что любые отношения со странами Центральной Азии должны включать Россию³⁶. К 2000-м годам у Китая появилась потребность в ШОС.

«Создание Россией ЕАЭС в 2014 г., после многолетних переговоров, произошло как раз вовремя, чтобы предложить москвоцентричные механизмы противодействия инициативе Си Цзиньпина “Пояс и путь”. Благодаря такой политике, как унификация тарифов, ЕАЭС сделал продукцию, производимую государствами-участниками, более конкурентоспособной, чем продукция, производимая за пределами ЕАЭС»³⁷. При этом «оставленная без внимания» Москвы, торговля Китая с пятью центральноазиатскими

32. Ibid.

33. Ibid. P. 7.

34. Ibid.

35. Ibid. P. 9.

36. Yau N. Russia and China's quiet rivalry in Central Asia // Foreign Policy Research Institute, September 2020. P. 3. Url: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2020/09/cap-1-yau.pdf>

37. Ibid. P. 4.

республиками выросла в среднем в 93 раза, а на сегодняшний день Китай прочно занимает место главного торгового партнера стран Центральной Азии, за исключением Казахстана, где Китай занимает второе место³⁸. «Быстрое решение ЕАЭС о сопряжении с Экономическим поясом Шелкового пути (частью “Пояса и пути”, которая связана с Центральной Азией) продемонстрировало готовность России к компромиссу. В конце концов, ЕАЭС больше политический блок, чем экономический»³⁹.

Администрация Си, по мнению автора, использовала ШОС как способ продвижения своих интеграционных инициатив в регионе. В свою очередь Россия в мае 2015 г. «пошла на компромисс и позволила ШОС стать основной платформой для переговоров о сопряжении “Пояса и пути” с ЕАЭС»⁴⁰.

Также в докладе в качестве одного из стимулов для создания и развития ЕАЭС называется «растущее экономическое присутствие Китая», который благодаря инициативе «Пояс и путь» мог бы «устанавливать правила в сфере торговли на территории

бывшего СССР». Кроме того, Москва неоднократно выдвигала предложения по созданию торгового блока, члены которого были бы ограничены в заключении торговых соглашений с третьими странами. Однако Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев является «принципиальным противником этой российской инициативы, называя ее “ограничением суверенных прав”».

Сравнивая влияние ШОС и ЕАЭС на транспортную инфраструктуру региона, автор отмечает, что в отличие от Евразийского экономического союза, оказавшего незначительное влияние на эту сферу, Соглашение о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, заключенное в рамках ШОС привело к значительной модернизации транспортной инфраструктуры⁴¹.

Еще раз в этом тексте ЕАЭС упоминается в связи с отказом Узбекистана, «отдавшего предпочтение более тесным связям с Китаем, а не с Россией», от полноправного членства в Евразийском экономическом союзе⁴².

Косвенные упоминания

В выступлении перед американо-китайской комиссией при конгрессе США, стенограмма которого опубликована на сайте *Center for Strategic and International Studies* (2), руководитель одного из азиатских проектов этого аналитического центра Дж. Хиллман отметил, что в последние годы Китай пытается расширить экономическую повестку дня ШОС. «Москва же хочет защитить свои интересы в возглавляемом Россией Евразийском экономическом союзе и настороженно относится к более глубокой экономической интеграции, несмотря на официальные обещания “сопряжения” с китайской инициативой “Пояс и путь”»⁴³.

В статье директора Московского центра Карнеги Д. Тренина для *Carnegie Endowment for International Peace* (3), посвященной взаимодействию России и Китая в Арктике, отмечается, что «российская арктическая стратегия вписана в более широкую концепцию Большой Евразии, которая в середине 2010-х годов сменила концепцию Большой Европы... Москва, создавшая и возглавившая Евразийский экономический союз нескольких бывших республик СССР, в 2015 году договорилась с Пекином о сопряжении ЕАЭС и инициативы “Пояса и пути”. Она также предлагает другим объединениям от АСЕАН до ЕС “интегра-

38. Ibid.

39. Ibid. P. 4–5.

40. Ibid. P. 5.

41. Ibid. P. 6.

42. Ibid. P. 7.

43. Hillman J. E. A ‘China Model?’ Beijing’s Promotion of Alternative Global Norms and Standards Relations // Center for Strategic and International Studies, 13.03.2020. Url: <https://www.csis.org/analysis/china-model-beijings-promotion-alternative-global-norms-and-standards>

цию интеграций”, так называемое Большое евразийское партнерство»⁴⁴.

А в интервью Д. Тренина изданию *The Diplomat*, републикованному на сайте *Carnegie Endowment for International Peace* (3) был задан вопрос: «Как растущее присутствие Китая в Центральной Азии повлияло на роль России в регионе? Можно ли сказать, что Центральная Азия больше не является российской “сферой влияния”?» На что глава российского филиала этого think tank’a ответил следующим образом: «Все страны Центральной Азии придерживаются “многовекторной” внешней политики. Несмотря на то, что Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан являются членами Организации договора о коллективной безопасности с Россией, а первые два государства присоединились к Евразийскому экономическому союзу, они ценят свои связи с Китаем, Соединенными Штатами, Европой и другими странами и поддерживают Москву лишь выборочно во время голосования в ООН. Они в значительной степени дерусифицированы культурно и лингвистически. Это не сфера российского влияния, а лишь остатки исторически сложившегося российского присутствия»⁴⁵.

Один из материалов Московского центра Карнеги и *Carnegie Endowment for International Peace* (3), посвящен расширению влияния Китайского мира (Pax Sinica), анализируется рост китайского присутствия в Центральной Азии. Автор полагает что с «идеологической точки зрения проект “Пояс и путь” пришелся как нельзя кстати: историческая роль региона в развитии всего Евразийского континента — важная составляющая национальной политической культуры каждой из стран Центральной Азии»⁴⁶.

При этом в регионе общество не желает видеть свое государство в слишком сильной зависимости от Китая, а в Центральной Азии есть и другие важные внешние игроки. «Многие рассматривают Россию как главного соперника Китая в регионе. Политическое влияние Москвы, действительно, велико, и она не раз демонстрировала это — местные элиты как минимум держат Кремль в курсе происходящих событий или обращаются за помощью во время конфликтов внутри руководства. Не стоит сбрасывать со счетов и российское экономическое влияние: Казахстан и Киргизия входят в Евразийский экономический союз, а совокупный товарооборот России с регионом превышает \$25 млрд»⁴⁷. В то же время автор полагает, что в экономической сфере Москва не сможет конкурировать с Пекином, поэтому России «отводится роль военного балансира в регионе».

В статье есть рекомендации, в одной из них упоминается ЕАЭС: «Со стороны России — укрепление связей внутри Евразийского экономического союза. Это поможет воспрепятствовать попаданию стран Центральной Азии в большую зависимость от Китая. Надо продолжать институционализацию ЕАЭС. Союз должен существовать по прописанным на бумаге правилам и не зависеть от доминирующего положения России в ЕАЭС. Только тогда страны-участницы увидят в нем выгодную альтернативу китайскому присутствию»⁴⁸.

В статье российского автора для *The Berlin Pulse*, републикованном *Carnegie Endowment for International Peace* (3) анализируются возможные вызовы интересам ЕС, в том числе в сфере безопасности, в связи с появлением «китайско-российской оси», в которой, по мнению автора, Россия является «младшим партнером». В тексте также отмечается: «И Пекин, и Москва

44. Тренин Д. Россия и Китай в Арктике: сотрудничество, соперничество и последствия для евразийской безопасности // Московский центр Карнеги, 31.03.2020. Url: <https://carnegie.ru/commentary/81384>; англ. версия: Trenin D. Russia and China in the Arctic: Cooperation, Competition, and Consequences // Carnegie Endowment for International Peace, 31.03.2020. Url: <https://carnegieendowment.org/publications/81407>

45. Russia, China, and the Indo-Pacific: An Interview With Dmitri Trenin // Carnegie Endowment for International Peace, 21.09.2020. Url: <https://carnegieendowment.org/publications/82756>

46. Умаров Т. На пути к Pax Sinica: что несет Центральной Азии экспансия Китая // Московский центр Карнеги, 25.03.2020. Url: <https://carnegie.ru/commentary/81265>; англ. версия: Umarov T. China Looms Large in Central Asia // Carnegie Endowment for International Peace, 30.03.2020. Url: <https://carnegieendowment.org/publications/81402>

47. Там же.

48. Там же.

находятся в конфронтации с Западом. После войны на Украине и введения западных санкций, Россия все чаще смотрит в сторону Китая в поиске рынков, технологий и денег. В то же время, Пекин пользуется поддержкой Москвы при модернизации Народно-освободительной армии и рассматривает возглавляемый Россией Евразийский экономический союз в качестве испытательного полигона для геоэкономического порядка, в котором доминируют китайские технические стандарты. Экономические успехи Китая в России обусловлены западными санкциями. По иронии судьбы они происходят за счет европейского, в частности немецкого бизнеса»⁴⁹.

Автор подчеркивает, что «укрепление китайско-российской оси противоречит интересам Запада». Т. к. Китай, заручившись российскими ресурсами, такими как новейшие вооружения или помощь в фундаментальных исследованиях, повышают напористость Пекина. Кроме того, зависимость России от Китая приведет к тому, что эти два государства будут работать в тандеме в таких регионах, как Восточная Европа или Арктика. И, наконец, «Россия и ЕАЭС, прочно встроенные в Pax Sinica, помогут Пекину расширить сферу своего влияния на континентальную Евразию — и это снизит способность России обеспечивать свою стратегическую автономию и, тем самым, сократит ее шансы на постепенную политическую трансформацию в будущем»⁵⁰.

Одна из публикаций *Wilson Center** (8) в серии *Kennan Cable* посвящена борьбе России и Китая за влияние в Центральной Азии. Завершает этот текст раздел с подзаголовком «Трещины в китайско-российском альянсе?», где отмечается, что Россию и Китай объединяет общее желание ограничить деятельность США в собственных сферах влияния, благодаря чему им удалось наладить относительно прочное сотрудничество, хотя и все более асим-

метричное в пользу Китая. Однако прочность их отношений должна пройти проверку в Центральной Азии, где Пекин играет все более значительную роль.

По мнению авторов, хотя Китай конкурирует с Россией в ряде областей в этой части мира, китайско-российское сотрудничество продвигается вперед активнее, чем когда-либо прежде. В качестве примеров такого сотрудничества приведены совместные военные учения, а также отмечено, что партнерство двух держав «укоренилось» и в Центральной Азии. На форуме «Пояс и путь» в Пекине в 2019 г. президент России В. Путин выступил с речью, в которой заявил, что «китайский проект “Пояс и путь” хорошо коррелирует с целями возглавляемого Россией Евразийского экономического союза». Но авторы текста полагают, что хотя в краткосрочной перспективе у России и Китая общая стратегия в регионе и они не будут враждебно реагировать на действия друг друга, в среднесрочной перспективе, по мере усиления Китая в регионе, их отношения подвергнутся проверке⁵¹.

В материале *Council on Foreign Relations (11)* посвященном «масштабной инициативе» Китая «Пояс и путь», анализируется роль третьих стран при реализации этого проекта. Среди них и Россия. Автор текста пишет, что на сегодняшний день Москва является одним из «наиболее полных энтузиазма» партнеров «Пояса и пути», хотя поначалу отнеслась к нему сдержанно, «будучи обеспокоенной тем, что планы Пекина затмят идею Москвы о “Евразийском экономическом союзе” и посягнут на ее традиционную сферу влияния». Однако после деградации отношений с Западом, президент В. Путин пообещал связать свою евразийскую концепцию с китайским проектом. Но «некоторые эксперты скептически относятся к такому альянсу, который был бы экономически асимметричным»⁵².

49. Gabuev A. Pax Sinica: Europe's Dilemma in Facing the Sino-Russian Axis // Carnegie Endowment for International Peace, 24.11.2020.

Url: <https://carnegieendowment.org/publications/83302>

50. Ibid.

51. Jardine B., Lemon E. Kennan Cable No. 52: In Russia's Shadow: China's Rising Security Presence in Central Asia // Wilson Center*, May 2020. Url: wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-52-russias-shadow-chinas-rising-security-presence-central-asia

52. Chatzky A., McBride J. China's Massive Belt and Road Initiative // Council on Foreign Relations, 28.01.2020. Url: <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-massive-belt-and-road-initiative>

В статье *Hudson Institute** (14) о вызовах для США со стороны Китая и России, в том числе с учетом их расширяющегося взаимодействия в разных сферах, отмечается, что сотрудничество между Пекином и Москвой носит разный характер и в отдельных случаях оказывает минимальное влияние на интересы США или даже имеет перспективы для трехстороннего сотрудничества. Например, по вопросам смягчения последствий глобального изменения климата или улучшения здравоохранения во всем мире. Но ряд аспектов китайско-российского сотрудничества угрожает существенным интересам Вашингтона и его союзников. В частности речь идет о сотрудничестве в военной сфере, при блокировании резолюций, направленных против «авторитарных режимов в Сирии и Беларуси», готовности Китая предоставлять России инвестиции и покупать энергоресурсы. «Географическая близость богатых запасов нефти и газа в России и огромного рынка Китая создает естественную синергию. Правительства двух стран согласовывают свои инициативы по евразийской интеграции — инициативу Пекина “Пояс и путь” и Евразийский экономический союз Москвы — в ущерб региональным коммерческим интересам США»⁵³, — отмечает автор нескольких статей с упоминанием ЕАЭС Р. Вейтс.

В одном из материалов *Center for European Policy Analysis** (64) анализируются сходства и различия в подходах России и Китая по распространению своего влияния. Среди различий названы масштабы и перспективы политического сотрудничества. Политика Китая оценивается более комплементарно. Тогда как инициативы России — Евразийское экономическое сообщество, ОДКБ, СНГ — «гораздо слабее», а у «Кремля нет ничего, что могло бы сравниться с китайской платформой 17+1»⁵⁴.

Автор публикации *Arctic Institute* (71), в которой идет речь о сотрудничестве Китая и России, в том числе в Арктике, напоминает, что в 2017 г. Пекин и Москва объявили о планах по развитию, «того, что они назвали “Полярным шелковым путем”, в рамках китайской инициативы “Пояс и путь”». А в 2018 г. был создан финансовый механизм, с кредитной линией со стороны Китая для финансирования совместных проектов между «Поясом и путем» и ЕАЭС, где сотрудничество по Северному морскому пути является приоритетной областью⁵⁵.

Росту китайского присутствия в Арктике и тому, как складывается его сотрудничество с Россией в этом регионе, посвящена еще одна статья *Arctic Institute* (71). В тексте отмечается, что Арктика стала важной составляющей в рамках стратегического партнерства между двумя державами. В этом же контексте сопряжение ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь», с ее полярным ответвлением формирует новую базу для реализации арктических проектов⁵⁶.

М. Хесс — автор нескольких статей на сайте *Foreign Policy Research Institute* (45) с упоминанием ЕАЭС в одном из своих текстов, посвященных анализу вопросов поставки газа в Китай из Центральной Азии пишет, что регион уже давно является полем геополитической схватки, при том что растущей китайской экономической мощи еще только предстоит бросить вызов политическому доминированию России. Поэтому многие страны региона стремятся сбалансировать два единственно возможных варианта для партнерства. Так, в феврале Узбекистан стал наблюдателем в российском Евразийском экономическом союзе под давлением Москвы, хотя до 2019 года он долгое время отказывался рассматривать вопрос о членстве в этой организации⁵⁷.

53. Weitz R. Addressing the Sino-Russian Challenge // *Hudson Institute**, 24.11.2020. Url: <https://www.hudson.org/research/16527-addressing-the-sino-russian-challenge>

54. Going Viral // *Center for European Policy Analysis**, 19.03.2020. Url: <https://cepa.org/going-viral/>

55. Hsiung C. W. The Emergence of a Sino-Russian Economic Partnership in the Arctic? // *Arctic Institute*, 19.05.2020.

Url: <https://www.thearcticinstitute.org/emergence-sino-russian-economic-partnership-arctic>

56. Kobzeva M. A Framework for Sino-Russian Relations in the Arctic // *Arctic Institute*, 05.05.2020. Url: <https://www.thearcticinstitute.org/framework-sino-russian-relations-arctic>

57. Hess M. Central Asian Gas Exports to China: Beijing's Latest Bargaining Chip? // *Foreign Policy Research Institute*, 16.06.2020. Url: <https://www.fpri.org/article/2020/06/central-asian-gas-exports-to-china-beijings-latest-bargaining-chip>

В анонсе мероприятия *Foreign Policy Research Institute (45)* посвященного деятельности великих держав в Центральной Азии среди ключевых направлений дискуссии было указано, что в пяти странах региона идет смена поколений и новое поколение должно считаться с Россией и Китаем, ко-

торые определяют политику и экономику региона, а также продвигают новые интеграционные схемы с помощью ЕАЭС и «Пояса и пути»⁵⁸. Примерно в таких же выражениях написано редакционное введение, предваряющее один из сборников этого think tank'a, к полному тексту которого нет свободного доступа⁵⁹.

2.1. Центральная Азия

Косвенные упоминания

Автор статьи *Wilson Center** (8), анализируя внешнюю политику Казахстана в 2018–2020 годах, отстаивает тезис о возрастающем влиянии Казахстана на международные дела. Он отмечает, что эту страну нельзя рассматривать как «пешку» в игре великих держав. Рассматриваются и отношения с «великими державами», в том числе с Россией, которая была крупнейшим торговым партнером Казахстана в 2018 г. ЕАЭС, по мнению автора, создает «стабильную основу для российско-казахстанских отношений». В то же время автор рассматривает ЕАЭС вместе с ШОС и СНГ в качестве инструментов, используемых Москвой и Пекином для укрепления возглавляемых ими альянсов. А это, по мнению эксперта, одна из угроз самостоятельности внешней политики Казахстана, особенно на фоне низкого интереса западных стран к региону⁶⁰.

Исследователи из Института Европейских, российских и евразийских исследований Университета Джорджа Вашингтона в публикации для *The Wilson Center** (8) рассмотрели степень влияния России, Ки-

тая и США в Центральноазиатском регионе по следующим параметрам: «отношение к стране» (общий параметр), возможности экономического взаимодействия, дружелюбность/недружелюбность в двусторонних отношениях, эффективность мягкой силы (предпочтительный для изучения иностранный язык, желание получать высшее образование за границей, знакомиться с культурной продукцией, вести бизнес, импортировать идеи технологии, осуществлять научный обмен и др.), возможности трудоустройства в одной из рассматриваемых стран-игроков в регионе, проживание родственников в России, Китае, США. Во всех случаях сравнение оказывается в пользу России. Москве приписывается желание оставаться «интеграционным стержнем региона» как механизмом осуществления своего влияния.

Отмечается, что «странами Центральной Азии, наиболее тесно связанными с Россией, являются Казахстан (член Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийского экономического союза), Кыргызстан (ОДКБ и ЕАЭС) и Таджикистан (ОДКБ)»⁶¹. Также приведены результаты опросов,

58. The Great Powers in Central Asia: China, Russia, and the United States // Foreign Policy Research Institute, 11.06.2020.

Url: <https://www.fpri.org/event/2020/the-great-powers-in-central-asia-china-russia-and-the-united-states>

59. Orbis. Guest Editors' Corner Summer 2020 // Foreign Policy Research Institute, 02.07.2020. Url: <https://www.fpri.org/article/2020/07/guest-editors-corner-summer-2020>

60. Sanchez W. A. Kennan Cable No. 51: A Rising Global Player: Kazakhstan's Foreign Policy in the 2020s // Wilson Center*, May 2020.

Url: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-51-rising-global-player-kazakhstans-foreign-policy-2020s>

61. Laruelle M., Royce D. Cable No. 56: No Great Game: Central Asia's Public Opinions on Russia, China, and the U.S. // Wilson Center*, August 2020.

Url: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-56-no-great-game-central-asias-public-opinions-russia-china-and-us>

согласно которым жители Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана на порядок чаще бывают в России, чем в Китае, и тем более США. «Для Кыргызстана и Таджикистана это, безусловно, отчасти является результатом широко распространенной трудовой миграции в Россию. А для Казахстана и Кыргызстана — не вызывающим удивления результатом реальной свободы передвижения, обеспечиваемой членством в ЕАЭС»⁶².

Авторы отмечают, что Китай значительно отстает от России повсюду за исключением, возможно, Узбекистана, но все же опережает США. Однако многие жители Центральной Азии относятся к КНР настороженно. Только в Таджикистане преобладает позитивный взгляд на Китай. Что, вероятно, объясняется тем, что у Душанбе меньше экономических партнеров. «Поскольку Таджикистан не является членом ЕАЭС и не считает экономическую поддержку со стороны России достаточной, он больше ценит китайские инвестиции»⁶³.

В обзоре *Freedom House (20)*, посвященном ситуации с демократическими свободами в Узбекистане отмечено: «Идеологии политических партий, борющихся за голоса избирателей, было сложно дифференцировать, при этом позиции партийных лидеров по ключевым вопросам, таким как вступление в Евразийский экономический союз или строительство атомных электростанций, были поразительно схожи»⁶⁴. По мнению автора текста, по-настоящему оппозиционных партий в стране нет.

Один из материалов *Middle East Institute (31)*, опубликованный⁶⁵ *Hudson Institute* (14)*, посвящен политике Соединенных Штатов в отношении Каспийского региона. В его части, где анализируются вызо-

вы, с которыми сталкиваются США в регионе отмечено: «Центральная Азия и Южный Кавказ являются одновременно буферной зоной и транзитной зоной для соседних регионов: России и Евразии, Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии. География, история и экономика в значительной степени благоприятствуют Китаю и России в любом соперничестве с Соединенными Штатами за влияние на этих геополитических перекрестках. Кремль полон решимости сохранить за собой статус ведущего игрока в этих регионах благодаря сочетанию двусторонних и многосторонних инициатив, включая продажу оружия, в то время как Китай стал важным экономическим партнером для всех стран региона». В свою очередь, из-за ограниченного интереса западного бизнеса к своим рынкам страны Центральной Азии «прилагают усилия к тому, чтобы привлечь инвестиции, присоединившись к контролируемой Пекином инициативе “Пояс и путь”, возглавляемому Москвой Евразийскому экономическому союзу или другим китайским и российским структурам. Отношения с этими блоками неизбежно делают страны региона более зависимыми от Китая и России в области торговли и инвестиций, что ставит под угрозу их экономическую самостоятельность»⁶⁶.

Публикация *Foreign Policy Research Institute (45)* посвящена ситуации в Центральной Азии, ее автор полагает что «Узбекистан дал понять, что не желает полностью связывать свою судьбу с двумя доминирующими игроками региона... Январское решение президента Ш. Мирзиёева не стремиться к полноправному членству в возглавляемом Россией Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), а вместо этого ограничиться статусом наблюдателя, вероятно, вызвало раздражение в Москве»⁶⁷.

62. Ibid.

63. Ibid.

64. Uzbekistan: Nations in transit 2020 // Freedom House, 2020. URL: <https://freedomhouse.org/country/uzbekistan/nations-transit/2020>

65. Weitz R. Continuity and Change in US Policies towards the Caspian Region // Hudson Institute*, 02.04.2020. URL: <https://www.hudson.org/research/15898-continuity-and-change-in-us-policies-towards-the-caspian-region>

66. Weitz R. Continuity and Change in US Policies towards the Caspian Region // Middle East Institute, 02.04.2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/continuity-and-change-us-policies-towards-caspian-region>

67. Hess M. Central Asia's Force Majeure Fears: Impact of COVID-19 Outbreak on China's Natural Gas Supply Demands // Foreign Policy Research Institute, 16.03.2020. URL: <https://www.fpri.org/article/2020/03/central-asias-force-majeure-fears-impact-of-covid-19-outbreak-on-chinas-natural-gas-supply-demands>

В докладе *EastWest Institute (49)*, анализируются террористические угрозы, вооруженный конфликт в Афганистане и связанные с ними угрозы безопасности для Соединенных Штатов, России и других стейкхолдеров с позиций сотрудничества между ними. Среди авторов доклада ряд экспертов из России. В разделе, посвященном деятельности Москвы и российским интересам в области региональной безопасности, отмечается, что заинтересованность России в борьбе с терроризмом в Афганистане является отражением российских интересов в Центральной Азии. В частности в докладе отмечено: «Два государства Центральной Азии — Казахстан и Кыргызстан — входят в Евразийский экономический союз наряду с Россией. Поскольку у государств — членов ЕАЭС открытые границы, обеспечивающие свободное перемещение товаров и людей, любая дестабилизация в странах Центральной Азии, связанная с ситуацией в Афганистане, может вызвать волны беженцев и другие серьезные проблемы на территории России»⁶⁸.

Congressional Research Service (78) опубликовал несколько кратких обзоров с анализом политической и экономической ситуации в странах Центральной Азии. Один из них посвящен Кыргызстану. В разделе, где рассматриваются внешнеторговые отношения Кыргызстана, автор отмечает следующее: «Вступление Кыргызстана в ВТО в 1998 г. способствовало тому, что страна смогла стать хабом для реэкспорта китайских товаров. Золото является основным экспортным товаром Кыргызстана и в основном производится на принадлежащем Канаде месторождении золота “Кумтор”, на его долю в 2019 г. приходилось около одной десятой ВВП. По оценкам, объем теневого сектора экономики составляет до 24% ВВП. Кыргызстан является членом возглавляемого Россией Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с 2015 г., однако вступление в организацию вызвало внутриполитические дискуссии в стране, поскольку

членство в ЕАЭС создало новые регуляторные препоны и не принесло ожидаемых выгод»⁶⁹.

Еще два обзора *Congressional Research Service (78)* с упоминанием ЕАЭС, посвящены Узбекистану. В одном из них, в разделе «Внешняя политика и отношения с США», отмечается, что Узбекистан при Каримове проводил в основном изоляционистскую внешнюю политику. С 2016 г. Узбекистан восстановил взаимодействие с международным сообществом и приступил к нормализации в прошлом напряженных отношений со своими соседями. В апреле 2020 г. парламент Узбекистана проголосовал за получение статуса наблюдателя в возглавляемом Россией Евразийском экономическом союзе. Узбекистан также стремится к вступлению во Всемирную торговую организацию, данный шаг был поддержан администрацией Трампа. Узбекистан является членом Шанхайской организации сотрудничества, возглавляемой Китаем, и получил значительные инвестиции от Китая в рамках инициативы “Один пояс, один путь”»⁷⁰.

Во втором, посвященном реформам в Узбекистане, автор приводит примеры развития отношений между США и Узбекистаном в военной и экономической сферах, отмечает удвоение товарооборота между странами в 2018 г. и перспективы дальнейшего развития отношений. При этом подчеркнув, что «Соединенные Штаты поддерживают усилия Узбекистана по вступлению во Всемирную торговую организацию (ВТО), однако администрация Трампа раскритиковала перспективу присоединения Узбекистана к возглавляемому Россией Евразийскому экономическому союзу как потенциально препятствующему процессу вступления страны в ВТО»⁷¹.

Автор статьи в *American Foreign Policy Council (100)*, посвященной роли, которую играют сегодня Россия и Китай в Центральной Азии, напоминает о

68. Terrorism in Afghanistan: A Joint Threat Assessment // EastWest Institute, 2020. P. 45. Url: https://www.eastwest.ngo/sites/default/files/ideas-files/ewi-terrorism-in-afghanistan-joint-threat-assessment-202005_0.pdf

69. Kyrgyz Republic // Congressional Research Service, 03.08.2020. Url: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10304/9>

70. Uzbekistan // Congressional Research Service, 22.09.2020. Url: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10302/7>

71. Reforms in Uzbekistan // Congressional Research Service, 15.01.2020. Url: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11408>

том, что «после окончания холодной войны» сохранились экономические связи России с государствами Центральной Азии. А также о том, какое значение имеют денежные переводы от «гастарбайтеров» из этих стран, работающих в России, для экономик среднеазиатских государств. В частности для Таджикистана и Кыргызстана такие поступления составляют более 30% их ВВП. По мнению автора, «Москва основала Евразийский экономический союз в январе 2015 года, чтобы извлечь выгоду из этих связей и продолжить интеграцию ряда стран с Россией. В настоящее время Казахстан и Кыргызстан являются членами ЕАЭС, Таджикистан находится на пути к членству. Туркменистан и Узбекистан — нет. Хотя некоторые специалисты полагают, что президент Узбекистана Ш. Мирзиев заинтересован в том, чтобы его страна присоединилась к Союзу»⁷².

Также в статье говорится, что страны Центральной Азии склонны рассматривать взаимодействие Китая и России не как препятствие для расширения сотрудничества с другими странами, а как дополнительную возможность. «Такой “многовекторный” подход стал популярен благодаря бывшему Президенту Казахстана Н. Назарбаеву и предполагает систему, в рамках которой страна взаимодействует с множеством партнеров и участвует в международных организациях, которые являются открытыми и расширяющимися, а не ограничивающими. То есть Казахстан рассматривает ЕАЭС как базовую организацию, которая не ограничивает его возможности вести торговлю со странами не входящими в Союз. В принципе, в этом смысле “многовекторность” можно применить и к членству Казахстана в ШОС и ОДКБ».

2.3. Южный Кавказ, Каспийский и Черноморский регион

Прямые упоминания

По мнению автора доклада *Carnegie Endowment for International Peace (3)*, посвященного политике России на Южном Кавказе, Россия рассматривает международную арену как совокупность различных лагерей, в центре каждого из них находится держава, величие которой подтверждается наличием собственного лагеря. Изначально для этой цели Россия планировала использовать СНГ, однако из-за малого влияния Содружества, для выполнения этой задачи Россия сделала ставку на два других института — ОДКБ и ЕАЭС, «задуманный как зеркальное отражение ЕС». А «продолжающиеся попытки Москвы

поставить эти организации на один уровень оказали значительное влияние на Кавказ»⁷³.

В части доклада, посвященной Армении, автор напоминает об истоках украинского кризиса в 2013–2014 годах, который «начался с давления Путина на украинского и армянского президентов В. Януковича и С. Саргсяна с тем, чтобы они отказались от уже подписанных Соглашений об ассоциации с Европой и присоединились к формирующемуся россиецентричному ЕАЭС». При этом «уступка Путину» привела Януковича к краху, Саргсян же не сразу столкнулся с аналогичными последствиями. «Он объяснил на-

72. Kangas R. Understanding Russia and China in Central Asia // American Foreign Policy Council, 08.07.2020. Url: <https://www.afpc.org/publications/articles/understanding-russia-and-china-in-central-asia>

73. Remler P. Russia's Stony Path in the South Caucasus // Carnegie Endowment for International Peace, October 2020. P. 6. Url: https://carnegieendowment.org/files/Remler_Caucasus_v2.pdf

роду, что соображения безопасности требуют вступления в организацию, возглавляемую Россией, что только Россия может защитить Армению от ее соседей». Армяне после немногочисленных протестов «смирились с капитуляцией Саргсяна перед Путиным»⁷⁴. Кроме того, отмечается, что после прихода к власти Пашинян приложил усилия для того, чтобы успокоить Путина, поскольку «он, как и все армянские избиратели, понимал, что Россия остается гарантом безопасности Армении». Он также понимал и то, что любая размолвка с Россией создаст уязвимость, которую Азербайджан сможет использовать против Армении, поэтому он «оставил Армению в ЕАЭС и ОДКБ»⁷⁵.

В разделе, посвященном Азербайджану, ЕАЭС также упоминается. В частности отмечено, что хотя Баку в известной степени идеологически сблизился с Москвой после начала украинского кризиса, так как в обеих странах считали себя «атакованными пятой колонной гражданского общества и неправительственных организаций, поддерживаемых Западом». Однако идеологические соображения никогда не перевешивали прагматический подход Азербайджана к России. Кроме того, «руководство Азербайджана всегда оценивает действия всех остальных стран сквозь призму Карабахского конфликта» и отвергает практически все форматы многостороннего сотрудничества с участием Армении, поэтому Баку не присоединился ни к ОДКБ, ни к ЕАЭС. «Присоединение к ЕАЭС ограничило бы возможности Азербайджана использовать экономические рычаги для мобилизации международной поддержки Карабаха, а также противодействовать влиянию армянской диаспоры на Западе, особенно в Соединенных Штатах и Франции»⁷⁶.

В докладе *RAND Corporation** (9) рассматривается американо-турецкое партнерство, которое «стало

в последние годы напряженным». В одной из глав этой работы, посвященной отношениям Турции с Кавказом и Центральной Азией, отмечается, что после окончания холодной войны в Черноморском и Кавказском регионе появилось несколько частично дублирующих диалоговых платформ высокого уровня, наиболее заметной среди них авторы считают Организацию черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). Однако ряд причин, среди которых «гетерогенность региональных экономик, неурегулированные конфликты и конкурирующие действия России по экономической интеграции»⁷⁷ препятствуют развитию этого проекта. «Россия стремилась использовать Содружество Независимых Государств и Евразийский экономический союз для содействия региональной экономической интеграции с постсоветскими государствами и восстановления доминирующей сферы влияния в регионе. ОДКБ, военный союз шести постсоветских государств... также использовалась Москвой в качестве инструмента продвижения своей повестки дня в области безопасности, в том числе для региональных миссий по поддержанию мира»⁷⁸.

«Экономическая и политическая изоляция Армении в регионе после Нагорно-Карабахского конфликта привела к значительной зависимости от России в области торговли, энергетики и безопасности. И эта зависимость усугубилась, о чем свидетельствует участие Армении в Евразийском экономическом союзе и ОДКБ»⁷⁹. Армения остается стратегически уязвимой. «Эта уязвимость усиливается не только потому, что Евразийский экономический союз и членство в ОДКБ призваны исключить более глубокую интеграцию с Западом, но и потому, что Армения с момента окончания войны с Азербайджаном в 1994 г., когда были закрыты турецкие и азербайджанские границы, находится в условиях частичной экономической блокады. Границы открыты лишь с

74. Ibid. P. 9.

75. Ibid. P. 11.

76. Ibid. P. 12.

77. Turkey's Nationalist Course: Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the U.S. Army // RAND Corporation*, 2020. P. 137. Url: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR2500/RR2589/RAND_RR2589.pdf

78. Ibid.

79. Ibid. P. 142.

Ираном на юге и Грузией на севере. Хотя двусторонняя торговля Армении с обеими странами в последние годы выросла, ее объем по-прежнему невелик. Ереван стремится стать посредником в транзитной торговле Ирана с Евразийским экономическим союзом; однако он сталкивается с конкуренцией со стороны Баку, а Тбилиси хочет уступок от России по вопросам отколовшихся территорий, прежде чем помогать Армении развивать этот коридор»⁸⁰.

В свою очередь, отношения Турции с государствами Центральной Азии колебались в ответ на отношения Анкары с Москвой. «Во время кризиса 2015–2016 гг. в турецко-российских отношениях, вызванный тем, что Турция сбивла российский самолет, правительства стран Центральной Азии, похоже, были обеспокоены тем, что и они могут подвергнуться санкциям. К большому разочарованию Анкары, на саммите СНГ в декабре 2015 г. в Москве правительства стран Центральной Азии присоединились к другим членам, призвав Турцию принести России извинения за этот инцидент. Москва предприняла другие действия, чтобы подорвать отношения Турции со странами Центральной Азии, в частности приостановила переговоры с Анкарой о создании зоны свободной торговли с Евразийским экономическим союзом и заморозила разрешения на транзит турецким дальнебойщикам, что стало препятствием для турецкого экспорта в Центральную Азию»⁸¹.

А в прогнозе относительно действий Турции на ближайшее десятилетие в одном из сценариев, наряду с блокировкой политики союзников по вступлению или выходу из НАТО, выходом из миссий в Афганистане и Сирии, закрытием турецких проливов для США и НАТО, указаны «новые связи с ЕАЭС и ШОС»⁸².

Еще один доклад *RAND Corporation** (9) посвящен стратегии России в Черноморском регионе, который назван «главным очагом соперничества между

Россией и Западом за будущее Европы»⁸³. Уже во введении, где рассматривается ситуация в регионе в политической сфере и в сфере безопасности, в разделах, посвященным разным группам стран идет речь о ЕАЭС. В подразделе «Украина и Молдова» отмечается, что эти страны «де-факто стали буферной зоной между Россией и членами НАТО и ЕС», но «такая геостратегическая ситуация становится все более опасной». «Попытки России восстановить контроль над своей периферией были наиболее решительными на Украине, которая остается крайне болезненной темой для внутренней политики России. Так как Украина является вторым по величине торговым партнером России и имела военно-промышленный комплекс, связанный с Россией, Москва предприняла усилия, направленные на то, чтобы остановить шаги по интеграции Украины с ЕС, которые с переменным успехом делали различные украинские правительства, и чтобы вместо этого Киев искал поддержку в Евразийском экономическом союзе»⁸⁴. Ниже, в части введения, посвященной Грузии, Азербайджану и Армении, сказано: «Азербайджан прагматично подходит к военному, политическому и экономическому влиянию Москвы на Южном Кавказе. Хотя Россия находится в союзе с Арменией, Москва является важнейшим поставщиком оружия для Баку, благодаря чему между ними установились дружественные, но настороженные двусторонние отношения». А собственно «долгосрочный конфликт Армении с Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха и экономическая и транспортная блокада Турции помогли подтолкнуть Ереван к вступлению в союз с Москвой в качестве члена ОДКБ и возглавляемого Россией ЕАЭС»⁸⁵.

Во второй главе рассматривается место Черноморского региона в российской картине мира. Авторы этой главы обращают внимание на Концепцию внешней политики РФ 2016 г., в которой «выделены

80. Ibid.

81. Ibid. P. 146.

82. Ibid. P. 199.

83. Russia, NATO, and Black Sea Security // RAND Corporation*, 2020. P. ix. Url: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RRA300/RRA357-1/RAND_RRA357-1.pdf

84. Ibid. P. 3.

85. Ibid. P. 5.

многосторонние институты, которыми Россия эффективно управляет — Евразийский экономический союз, ОДКБ и СНГ, — чтобы подчеркнуть их ключевую роль и легитимность в продвижении своих региональных приоритетов»⁸⁶.

В четвертой главе, где анализируются военные аспекты российской стратегии в регионе, отмечено: «Долгосрочной угрозой для российской региональной концепции является возможная интеграция Украины и Грузии в ЕС, НАТО или в обе эти организации. Такая интеграция нанесет ущерб интересам России во всех ключевых областях. Москва будет рассматривать членство этих стран в ЕС как дальнейшее “усечение” своего Евразийского экономического союза и углубление политического влияния Запада на периферии России. И Москва будет рассматривать членство этих стран в НАТО как неприемлемое и несущее прямую угрозу национальной безопасности России; в пользу этой точки зрения говорят российские военные интервенции в обеих этих странах»⁸⁷.

Немного ниже подчеркивается, что «бывшие советские республики представляют особый интерес для России». В 2013 г. Россия предприняла целенаправленные усилия, чтобы отговорить Украину и Грузию (а также Армению и Молдову) от подписания соглашений об ассоциации с ЕС. «Армения неожиданно отказалась от стремления заключить соглашение об ассоциации и присоединилась к Евразийскому экономическому союзу после встречи Путина с президентом Армении С. Саргсяном. Россия, вероятно, стремилась добиться аналогичного изменения курса от Киева и Тбилиси, но не смогла достичь этой цели. В интервью 2015 г. Путин утверждал, что, по его мнению, Запад намеренно пытается подорвать так называемые усилия России по евразийской интеграции». При этом, по мнению авторов, «с точки зрения Грузии, Молдовы и Украины, сближение с богатым и динамичным ЕС было более привлекательным, чем вступление в относи-

тельно бедный Евразийский экономический союз, в котором Россия стремилась доминировать в своих собственных интересах»⁸⁸.

В шестой главе идет речь о «партнерах Запада на северо-западном побережье Черного моря — Украине и Молдове». Ее автор пишет: «И украинские официальные лица, и украинская общественность четко осознают, что Кремль и многие граждане России сожалеют о распаде Советского Союза и о появлении после этого ряда независимых государств, в частности Украины». При этом В. Путин неоднократно говорил о том, что русские и украинцы — «один народ», а в выступлении на Совете Россия — НАТО в апреле 2008 г. в Бухаресте назвал Украину «искусственной» страной. «Такие заявления, наряду с действиями России на Украине и в соседних государствах усилили опасения украинцев относительно того, что Москва стремится восстановить политический контроль над бывшими советскими странами и удержать их в своей сфере влияния России, в том числе с помощью принудительных средств. Хотя Путин и охарактеризовал создание СНГ в декабре 1991 г. как “механизм цивилизованного развода”, это уже была первая попытка России сохранить влияние в 11 из 14 присоединившихся бывших советских государств. Таможенный союз СНГ, а затем Евразийский экономический союз — или “российский ответ Европейскому союзу” — это два недавних свидетельства заинтересованности Москвы в осуществлении влияния и контроля над близлежащими странами»⁸⁹. Также в тексте отмечается: «Этот кризис высветил “столкновение с нулевой суммой между западными и российскими интеграционными схемами”. Соглашение о свободной торговле ЕС исключает членство в любом другом таможенном союзе, поэтому, если бы Россия смогла запереть Украину в Таможенном союзе ЕАЭС, это помешало бы Украине воспользоваться предложением ЕС... Янукович столкнулся с бинарным выбором между Россией и ЕС и хотя “Киев ясно дал

86. Ibid. P. 22.

87. Ibid. P. 51.

88. Ibid. P. 52.

89. Ibid. P. 99.

понять, что не хочет выбирать”, это было проигнорировано и ЕС, и Россией»⁹⁰.

В свою очередь Президент Молдовы И. Додон в ходе избирательной кампании взял на себя обязательства восстановить полноценные отношения с Россией, а в качестве альтернативы соглашению об ассоциации с ЕС Додон выступал за присоединение к возглавляемому Россией Евразийскому экономическому союзу»⁹¹. Однако позже изменил свою позицию на то, «что он называет про-молдавским подходом, при котором страна сохраняет нейтралитет, не присоединяется ни к пророссийскому, ни к прозападному лагерю и балансирует между двумя сторонами таким образом, чтобы это отвечало национальным интересам Молдовы»⁹².

В седьмой главе анализируется ситуация на Южном Кавказе. Позицию Азербайджана авторы видят так: «Баку тщательно калибрует свои дипломатические и экономические связи. Так, руководство страны не подписало предложенное соглашение о стратегическом партнерстве с ЕС в мае 2019 г., вместо этого согласившись просто на “приоритетные” области сотрудничества, возможно, потому, что предложенные условия были недостаточно привлекательными, чтобы компенсировать издержки недовольства России этим соглашением. В качестве альтернативы, вступление в Евразийский экономический союз, при определенных обстоятельствах, представляется возможным. Азербайджанские элиты, вероятно, были бы открыты, по крайней мере, для определенных вариантов членства, если бы Союз вышел за пределы бывших советских стран и можно было бы договориться о соглашениях о свободной торговле, и особенно если бы Турция тоже каким-то образом приняла в этом участие. Но в обозримом будущем такие условия не сложатся»⁹³.

В качестве еще одного источника российского влияния в Азербайджане, как и в других государствах Южного Кавказа и Молдове, авторы называют трудовую миграцию. «В 2013–2014 гг. Москва давила на Баку, с тем чтобы он присоединился к ЕАЭС и отказался от подписания соглашения об ассоциации, которое углубило бы связи Азербайджана с ЕС, Москва угрожала выслать азербайджанцев, работающих в России. Такая тактика является эффективной, поскольку возможность для азербайджанцев мигрировать в поисках работы обеспечивает политический предохранительный клапан для непопулярного режима в Баку»⁹⁴.

Позиция Еревана объясняется следующим образом: «Острое чувство уязвимости Армении перед Турцией и Азербайджаном способствует ее высокой степени координации с Россией, вынуждая Ереван принимать различные условия, идущие в пакете с российской помощью, и подталкивая его к членству в таких организациях, как ОДКБ (несмотря на его разочарование и Москвой, и альянсом) и Евразийский экономический союз»⁹⁵.

Статья *Middle East Institute (31), опубликованная Hudson Institute* (14)*⁹⁶, посвящена «южной стратегии» России. В тексте отмечается, что, несмотря на распад СССР, экономика, культура и вопросы безопасности России и новых независимых государств Каспийского региона по-прежнему тесно переплетены. А В. Путин сделал восстановление влияния Москвы в регионе национальным приоритетом.

«Одним из его главных проектов стало включение этих государств в более сильные, подконтрольные Москве экономические структуры и структуры безопасности, чем образовавшееся после распада Советского Союза в 1991 г. слабое Содружество Независимых Государств. Главной многосторонней

90. Ibid. P. 100.

91. Ibid. P. 121.

92. Ibid. P. 122.

93. Ibid. P. 137.

94. Ibid. P. 139.

95. Ibid. P. 144.

96. Weitz R. Moscow's Evolving Southern Strategy // Hudson Institute*. Url: <https://www.hudson.org/research/16205-moscow-s-evolving-southern-strategy>

структурой безопасности России является Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), оборонительный альянс, созданный по образцу НАТО. Основной экономической структурой стал Евразийский экономический союз (ЕАЭС), вольно смоделированный по образцу ЕС»⁹⁷.

Прикаспийские страны и после распада Советского Союза опираются на коммуникации, цепочки поставок и другие сети, которые либо пересекают территорию России, либо находятся под российским контролем. Многие граждане государств Кавказа и Центральной Азии продолжают работать в Российской Федерации (или в российских компаниях в других странах), а граждане России также занимают важные посты в каспийских компаниях. «Однако, по данным Евразийской комиссии ЕАЭС, внутренняя торговля в ЕАЭС в первые четыре месяца 2020 г. сократилась, составив всего 15,8 млрд долларов, что на 16,3% меньше в сравнении с первыми четырьмя месяцами 2019 г. Для сравнения, товарооборот ЕАЭС с государствами, не являющимися членами Союза, с января по апрель 2020 г. составил 203 млрд долларов, из которых почти 40 млрд приходится на товарооборот с Китаем»⁹⁸.

В одном из разделов статьи, где рассматриваются сценарии развития ситуации, отмечается: «Учитывая неспособность Москвы противостоять экономической экспансии Китая, российские официальные

лица предложили увязать его усилия с другими незападными региональными интеграционными инициативами в рамках амбициозного плана по формированию Большого Евразийского партнерства. В мае 2018 г. ЕАЭС подписал соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве с Китаем. Лидеры КНР публично поддержали такое укрепление связей, хотя свидетельства фактического сотрудничества по конкретным проектам остаются минимальными.

Наряду с увеличением числа членов ЕАЭС и повышением уровня их взаимодействия Москва также развивает связи между ЕАЭС и другими важными странами-нечленами кроме Китая, включая Индию. В декабре 2019 г. посол России в Индии Н. Кудашев сообщил, что Москва стремится заключить соглашение о свободной торговле между Индией и ЕАЭС. Ранее Москва успешно пролоббировала повышение статуса Индии до полноправного членства в Шанхайской организации сотрудничества, что может ослабить ведущие позиции Пекина в этой организации»⁹⁹.

При этом Россия не воспринимает Иран как крупного соперника в Каспийском регионе. Москва и Тегеран смогли договориться о границах и коммерческом использовании Каспийского моря. Также автор напоминает, что в 2019 г. ЕАЭС и Иран подписали соглашение о свободной торговле, а Россия рассчитывает снова стать ведущим поставщиком оружия в Иран после истечения срока запрета ООН.

Косвенные упоминания

В докладе *Freedom House (20)*, который сами авторы охарактеризовали как «руководство» или «набор опций для поддержки новых идей по проведению информационно-пропагандистской работы в сложных условиях»¹⁰⁰ в качестве одного из кейсов была рассмотрена деятельность армянских НКО по-

сле того как «Президент Армении С. Саргсян резко отошел от Европейского союза, чтобы присоединиться к Евразийскому экономическому союзу, который координируется Россией. Группы гражданского общества опасались, что этот шаг приведет к кампании против организаций гражданского общества,

97. Weitz R. Moscow's Evolving Southern Strategy // Middle East Institute, 01.07.2020. Url: <https://www.mei.edu/publications/moscows-evolving-southern-strategy>

98. Ibid.

99. Ibid.

100. Advocacy in restricted spaces: a toolkit for civil society organizations // Freedom House, June 2020. Url: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-06/FINAL_COMPLETE_Lifeline_Toolkit_for_CS_O_Advocacy_in_Restrictive%20Spaces_June_2020.pdf

которые не одобряют российскую политику, как это было в России, Беларуси и Казахстане». В качестве возможного тактического решения были приведены в пример действия одной из армянских НКО, которая провела кампанию против поправок в закон, регулирующий деятельность некоммерческих организаций. В частности эта НКО «определила потенциальных союзников, чьи ценности совпадали с их работой, — двух оппозиционных депутатов, которые проголосовали против решения о вступлении в ЕАЭС»¹⁰¹.

В одном из серии материалов *Center for Strategic and International Studies* (2), посвященных политике России в «постсоветской Евразии», ЕАЭС упоминается в рамках анализа ситуации в Нагорном Карабахе в качестве одного из факторов, обеспечивающих влияние Москвы на Ереван. В частности, автор отмечает: «Поскольку Армения остается в сфере влияния России не только благодаря членству этой страны в ОДКБ и ЕАЭС, но и размещенным там российским войскам, а также значительному экономическому присутствию России, улучшение отношений между Москвой и Баку позволило России укрепить свои позиции в качестве главного арбитра конфликта». И во время «четырёхдневной войны» 2016 г., и в ходе масштабной войны 2020 г. именно России в конечном итоге удалось добиться прекращения огня, отмечается в материале¹⁰².

В статье для *Carnegie Endowment for International Peace* (3) С. Маркедонов напоминает: «Границы Армении армянские пограничники охраняют совместно с коллегами из России. Не говоря уже о том, что Армения входит в ОДКБ и Евразийский экономический союз, а на ее территории в Гюмри находится российская военная база. Азербайджан воздерживается

от участия в интеграционных проектах, но и у него есть влиятельные союзники — прежде всего Турция, которая последовательно поддерживает территориальную целостность Азербайджана и осуждает действия Армении в Нагорном Карабахе». Интересно, что в англоязычной версии материала есть более жесткий пассаж с упоминанием «армянских сепаратистов», отсутствующий в русскоязычном варианте. Также автор отмечает, что «Баку скептически относится к перспективе вступления в ОДКБ или Евразийский союз, но и в НАТО с ЕС, в отличие от Грузии, не стремится и даже открыто осуждает многие западные политические и бытовые стандарты. Конечно, в Азербайджане есть и те, кто симпатизирует “грузинскому выбору”, но их влияние невелико»¹⁰³.

Т. де Ваал в своей статье на сайте *Middle East Institute* (31), опубликованной *Carnegie Endowment for International Peace* (3)¹⁰⁴, посвященной конфликту между Арменией и Азербайджаном, напоминает, что у России есть интересы с обеих сторон. Армения входит в ОДКБ и ЕАЭС, а также у России есть база в Гюмри, при этом «путинский режим поддерживает тесные взаимоотношения с азербайджанскими правящими элитами, родственными ему по духу», а Азербайджан назван «нефтегосударством, которое во многом походит на Россию»¹⁰⁵.

В статье *Wilson Center** (8) о российско-турецких отношениях среди прочего идет речь и о ситуации на Южном Кавказе. В частности отмечается, что «во время обострения отношений между Арменией — союзником Москвы, и Азербайджаном — партнером Москвы», Россия объявила о массовых учениях в своих западных и южных регионах «через возглавляемые Москвой ОДКБ и ЕАЭС». Хотя Россия завершила,

101. Ibid. P. 23.

102. Mankoff J. A Kinder, Gentler Bear? Why Rumors of Russia's Post-Soviet Retreat Are Premature // Center for Strategic and International Studies, 17.12.2020. Url: <https://www.csis.org/analysis/kinder-gentler-bear-why-rumors-russias-post-soviet-retreat-are-premature>

103. Маркедонов С. Совмещая роли. Что означает для России новая армяно-азербайджанская эскалация // Московский центр Карнеги, 21.07.2020. Url: <https://carnegie.ru/commentary/82333>; англ. версия: Markedonov S. Can Russia Mediate New Clashes Between Armenia and Azerbaijan? // Carnegie Endowment for International Peace, 23.07.2020. Url: <https://carnegieendowment.org/publications/82350>

104. Waal de T. New Old Dynamics at Play in the Armenia-Azerbaijan Conflict // Carnegie Endowment for International Peace, 17.07.2020. Url: <https://carnegieendowment.org/publications/82443>

105. Waal de T. New Old Dynamics at Play in the Armenia-Azerbaijan Conflict // Middle East Institute, 17.07.2020. Url: <https://www.mei.edu/publications/new-old-dynamics-play-armenia-azerbaijan-conflict>

что эти учения не направлены против Азербайджана, Москва и Ереван позже провели совместные учения, в рамках которых отрабатывались действия по противодействию беспилотникам. Позже совместные учения, которые стали явным ответом на эти действия, провели и Турция с Азербайджаном¹⁰⁶.

В статье *The Moscow Times*, републикованной *Belfer Center for Science and International Affairs* (12), с анализом действий России во время войны между Арменией и Азербайджаном автор предположил, что заключение мира может вынудить Пашиняна отказаться от власти и «такое развитие событий понравилось бы Путину». Однако в долгосрочной перспективе это «не компенсирует тот ущерб, который решение не принуждать воюющие стороны к миру на раннем этапе, нанесло попыткам России обеспечить постоянное и расширяющееся участие ее соседей из бывшего СССР в возглавляемых Москвой интеграционных проектах, таких как ОДКБ и ЕАЭС». Такое решение России, по мнению автора «произвело неизгладимое впечатление на ее союзников по ОДКБ», и многие уже задаются вопросом: «почему участие во всех возглавляемых Кремлем многосторонних интеграционных инициативах в постсоветской Евразии, как это делает Армения, не мешает России быть “равноудаленной” и от вас, и от вашего противника, даже если последний начал военные действия против вас и, в отличие от вас, не является военным союзником России»¹⁰⁷.

Также, по мнению автора, руководство России стремится продолжать играть ведущую роль в мировых делах. Для этого ей необходимо, чтобы страны бывшего СССР сохраняли интерес к российским военным и экономическим интеграционным проектам.

«Если бы Россия объединила все бывшие советские республики — за исключением Прибалтики, Грузии и Украины, которые рассматриваются как “потерянные” — в Евразийский союз, экономический и демографический вес России увеличились бы на 32% и 69% соответственно»¹⁰⁸, — пишет он.

В статье *American Enterprise Institute for Public Policy Research* (17) о войне между Арменией и Азербайджаном автор дает такую характеристику ситуации: «Заманчиво рассматривать это столкновение как прокси-войну между США и Россией, учитывая, что Турция, один из союзников Америки по НАТО, поддерживает Азербайджан, в то время как армяне имеют тесные связи с Москвой (Россия также поддерживает хорошие отношения с Азербайджаном, но более дружественна Армении, которая является членом возглавляемого Кремлем Евразийского экономического союза)»¹⁰⁹.

Freedom House (20) анализирует деятельность ультраправых групп на Украине, в Грузии и Армении. ЕАЭС упомянут в одной из сносок к тезису о том, что Армения борется против «захлестывающего потока российского влияния мягкой силы»¹¹⁰, в которой сказано: «При Пашиняне Армения сохранила формальную связь с Россией через ОДКБ и ЕАЭС, но придерживается нейтральной внешней политики, которая ставит во главу угла суверенитет Армении»¹¹¹.

Авторы анализа перспектив столкновения России и Турции на Южном Кавказе, опубликованного *Middle East Institute* (31), отмечают, что в сложившейся ситуации у России было больше козырей, чем у Турции. «Россия является официальным союзником Армении в рамках ОДКБ и имеет военные объекты и

106. Rahimov R. Russia Versus Turkey: Drone Battles and Gas Disputes // Wilson Center*, 03.09.2020. Url: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/russia-versus-turkey-drone-battles-and-gas-disputes>

107. Saradzhyan S. Putin's Nagorno-Karabakh Calculus Can Undermine Russian Clout in FSU // Belfer Center for Science and International Affairs, 19.11.2020. Url: <https://www.belfercenter.org/publication/putins-nagorno-karabakh-calculus-can-undermine-russian-clout-fsu>

108. Ibid.

109. Brands H. Little war in the Caucasus has big lessons for US and Russia // American Enterprise Institute for Public Policy Research, 08.10.2020. Url: <https://www.aei.org/op-eds/little-war-in-the-caucasus-has-big-lessons-for-u-s-and-russia>

110. Gordon A. A New Eurasian Far Right Rising: Reflections on Ukraine, Georgia, and Armenia // Freedom House, January 2020. P.7. Url: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/FarRightEurasia_FINAL_.pdf

111. Ibid. P. 14.

воинские контингенты на ее территории... Армения входит в ЕАЭС... Но несмотря на тесные связи России с Арменией, Москва стремится играть сбалансированную роль и не становиться на чью-либо сторону, поскольку у нее также очень теплые отношения с Азербайджаном. Страны сотрудничают в ряде областей, включая военное партнерство, энергетику и трансграничную безопасность. Азербайджанцы избегают многосторонних структур, в которых доминирует Россия, таких как ОДКБ и ЕАЭС, отдавая предпочтение двустороннему сотрудничеству. При этом президент Азербайджана Ильхам Алиев в своих заявлениях позитивно оценивает роль Москвы в конфликте с Арменией»¹¹².

Еще в одной статье на ту же тему *Middle East Institute (31)* сказано: «Это правда, что интересы Анкары и Москвы вступают в противоречие, когда речь заходит об азербайджано-армянских отношениях. Турция рассматривает Азербайджан как этнически родственное государство и союзника в области безопасности и энергетики. Россия же занимает сбалансированную позицию, предполагающую связи как с Арменией, членом ОДКБ и ЕАЭС, так и с Азербайджаном. Москва извлекает выгоду из статус-кво не в последнюю очередь потому, что замороженный конфликт предоставляет России серьезные политические рычаги в этой части бывшей советской империи»¹¹³.

В рамках одного из мероприятий *Middle East Institute (31)* в апреле 2020 г. обсуждались экономические потрясения, вызванные COVID-19 в странах Каспийского бассейна и Южного Кавказа. Модератор, эксперт этого американского аналитического центра А. Ватанка, часть одного из вопросов о Евразии в целом сформулировал следующим образом: «Евразийская экономическая интеграция,

я имею в виду так называемый Евразийский экономический союз, существует несколько лет, меньше десятилетия. Порой он попадает в заголовки СМИ. Вы с оптимизмом смотрите на интеграцию прикаспийских государств вокруг экономик региональных акторов?» На что один из участников дискуссии, известный грузинский политик и экономист А. Алексишвили ответил, что не видит особых перспектив по сотрудничеству с ЕАЭС для таких стран, как Украина, Грузия или Азербайджан. Так как, по его мнению, это организация «полностью управляемая одной страной». А «условия этого Евразийского экономического союза не настолько привлекательны, чтобы в него входили другие страны, если только они не будут полностью изолированы от остального мира». По его мнению, с этой точки зрения у Казахстана или Кыргызстана не так уж много вариантов, потому что их экономики сильно взаимосвязаны с российской. Тогда как «для таких стран, как Грузия, Украина, Молдова или Азербайджан, притягательной силы у этого Союза нет»¹¹⁴.

В статье *Middle East Institute (31)* о роли России и Турции в конфликте в Нагорном Карабахе автор объясняет значение этого конфликта тем, что, с одной стороны, Москва обеспокоена сохранением своего «привилегированного» влияния на постсоветском пространстве, с другой — тем, что отсутствие стабильности в зоне конфликта мешает странам региона «присоединиться к Западу», а Карабах «служит козырем в более масштабном давлении на Запад со стороны Москвы для обеспечения влияния с нулевой суммой». В подтверждение второго тезиса приведены слова С. Лаврова о том, что если бы Запад согласился с предложенными Москвой рамками безопасности в Европе, то «многие законсервированные конфликты в Европе были бы давно урегулированы... Украинского кризиса вообще бы не было», а также

112. Tol G., Bechev D. Are Turkey and Russia bracing for conflict in the South Caucasus? // Middle East Institute, 29.07.2020. Url: <https://www.mei.edu/publications/are-turkey-and-russia-bracing-conflict-south-caucasus>

113. Bechev D. Turkey, Russia and the escalation in Nagorno-Karabakh // Middle East Institute, 05.10.2020. Url: <https://www.mei.edu/publications/turkey-russia-and-escalation-nagorno-karabakh>

114. Economic shocks of COVID-19: What next for the Caspian Basin and South Caucasus? // Middle East Institute, 23.04.2020. Url: <https://www.mei.edu/events/economic-shocks-covid-19-what-next-caspian-basin-and-south-caucasus>

слова С. Глазьева: «Если мы хотим мира на Кавказе, нам нужно интегрировать весь Кавказ в Евразийский союз»¹¹⁵.

В статье *Foreign Policy Research Institute (45)*, посвященной войне в Нагорном Карабахе, говорится, что с момента прихода к власти Президент Армении Н. Пашинян стремился избегать противостояния с Москвой. «Он не увел Ереван с российской орбиты ни в политической сфере, ни в экономической, несмотря на то, что ранее был скептиком в вопросах связей Армении с возглавляемым Россией Евразийским экономическим союзом. Даже критикуя газовую политику России и продажу оружия Азербайджану, он делал обманные маневры, обязательно напоминая Москве о ее статусе стратегического партнера Армении»¹¹⁶.

В заметке *Atlas Network (54)*, посвященной переводу на армянский язык книги Т. Г. Палмера «Почему свобода», Л. Закалшвили, которая перевела книгу, заявила: «В ходе обсуждения книги во всех регионах Армении люди пришли к пониманию того, что Армения далеко не уйдет без экономической свободы. Вызовы, с которыми мы сталкиваемся в настоящее время, напрямую связаны с Евразийским экономическим союзом, но мы продолжаем верить в то, что выход есть и однажды мы сможем достичь экономической независимости и свободы»¹¹⁷.

Статья *Center for European Policy Analysis* (64)*, посвященная войне в Нагорном Карабахе, была написана еще до ее окончания. В ней отмечается, что военный успех Азербайджана уничтожил статус-кво в зоне конфликта, что ограничило возможности России сохранять геополитический баланс в регионе, Москва столкнулась с новой реальностью,

в которой она «оказалась на обочине» и больше не может легко влиять на будущее региона. Автор пишет, что, позволив Азербайджану отвоевать все территории, которые он считал своими, Россия теряет один из своих главных рычагов влияния на обе страны, и именно это, вероятно, является причиной, по которой глава российского МИД предложил разместить миротворцев в регионе. «По мере изменения баланса сил на Южном Кавказе определенные силы в Москве питают надежды, что в конечном итоге победивший Баку будет благодарен своему северному соседу за поддержку. При этом они полагают, что смогут сохранить зависимость Армении, одновременно укрепляя связи с Азербайджаном, рассчитывая, что азербайджанцы, возможно, даже станут полноправными членами ЕАЭС и ОДКБ». Однако, по мнению автора, такие оптимистичные ожидания сталкиваются с политикой Турции, чья открытая и активная поддержка Баку подрывает самые основы роли России как регионального арбитра¹¹⁸.

Материал *Middle East Institute (31)* посвящен влиянию добычи и поставок газа в Черноморском регионе, к которому автор относит шесть прибрежных государств — Болгарию, Румынию, Украину, Россию, Грузию и Турцию, а также соседние с Грузией Армению и Азербайджан, и Молдову, зажатую между Румынией и Украиной.

По мнению автора, институциональная структура Черноморского региона отражает его разнообразие и отсутствие четкой геополитической принадлежности. «Возьмем Европейский союз: Румыния и Болгария являются членами ЕС; Украина, Молдова, Армения, Азербайджан и Грузия являются частью Восточного партнерства ЕС; хотя формально Турция является кандидатом на членство, де-факто она от-

115. Borshchevskaya A. Russia and Turkey in Nagorno-Karabakh: A recipe for long-term instability // Middle East Institute, 30.10.2020.

Url: <https://www.mei.edu/publications/russia-and-turkey-nagorno-karabakh-recipe-long-term-instability>

116. Hess M. The Realist Victory in Nagorno-Karabakh // Foreign Policy Research Institute, 13.11.2020. Url: <https://www.fpri.org/article/2020/11/the-realist-victory-in-nagorno-karabakh>

117. “Why liberty” finds audience in Armenia // Atlas Network, 23.03.2020. Url: <https://www.atlasnetwork.org/news/article/why-liberty-finds-audience-in-armenia>

118. Avdaliani E. Russia's Limited Options Around Nagorno-Karabakh // Center for European Policy Analysis*, 28.10.2020. Url: <https://cepa.org/russias-limited-options-around-nagorno-karabakh>

казалась от своей заявки на вступление; Россия рассматривает ЕС как политического и экономического конкурента. И даже в этих категориях существует разнообразие. Украина, Молдова и Грузия решительно выступают за членство в ЕС, авторитарная форма правления Азербайджана, по сути, исключает его вступление в ЕС; а членство Армении в Евразийском экономическом союзе, в котором доминирует Россия, препятствует ее вступлению в ЕС».

Ниже в этом тексте отмечено, что членство Армении в ОДКБ, в которой также доминирует Россия, и которую иногда называют «Евразийским НАТО», не позволяет ей присоединиться к «настоящему НАТО»¹¹⁹.

Автор одного из материалов *Middle East Institute* (31) задается вопросом: можно ли объединять госу-

дарства находящиеся по периметру Черного моря и в непосредственной близости от него в один регион? По его мнению, «было время, когда регион обладал зачатками экономической идентичности, и такие времена могут вернуться». Однако это пространство «сопротивляется регионализации», в том числе и в экономике. «По ряду аспектов экономическая составляющая демонстрирует аналогичную фрагментированную картину с перекрывающимися друг друга противоборствующими сферами, соперничающими за влияние и институциональными приобретениями. Евросоюз и его институциональные филиалы в Таможенном союзе ЕС и Углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли; Евразийский экономический союз; и пестрая палитра двусторонних соглашений с их собственными особенностями и новеллами»¹²⁰.

2.4. Беларусь и Союзное государство

Косвенные упоминания

Статья директора Московского центра Карнеги Д. Тренина с анализом российско-американских отношений на фоне выборов в США, впервые опубликованная в журнале «Россия в глобальной политике», была републикована *Carnegie Endowment for International Peace* (3). Автор предлагает свое видение урегулирования украинского кризиса, приднестровского конфликта и напряженности вокруг Южной Осетии и Абхазии, после чего отмечает: «Что касается Белоруссии, то она оставалась бы независимым государством, тесно связанным экономическими, политическими, военными и гуманитарными

узлами с Россией в рамках Союзного государства, ОДКБ и ЕАЭС, и при этом имела бы возможность развивать отношения с Евросоюзом»¹²¹.

В материале *Carnegie Endowment for International Peace* (3), посвященном разногласиям между Россией и Белоруссией по вопросам поставок нефти, отмечается: «Беларусь, член возглавляемого Россией Евразийского экономического союза, хочет, чтобы Россия компенсировала белорусским нефтеперерабатывающим заводам понесенные убытки и продавала газ по внутренним российским ценам. Минск

119. Hamilton R. E., Mikulska A. Natural gas in the Black Sea: Strengthening cooperation and balancing power // Middle East Institute, 26.05.2020.

Url: <https://www.mei.edu/publications/natural-gas-black-sea-strengthening-cooperation-and-balancing-power>

120. Cecire M. The Black Sea: Economic Region or Intersection? // Middle East Institute, 11.08.2020. Url: <https://www.mei.edu/publications/black-sea-economic-region-or-intersection>

121. Тренин Д. Выборы в США и российско-американские отношения // Московский центр Карнеги, 04.02.2020. Url: <https://carnegie.ru/2020/02/04/ru-pub-80958>; англ. версия: Trenin D. U.S. Elections and Russia-U.S. Relations // Carnegie Endowment for International Peace, 02.04.2020. Url: <https://carnegie.ru/2020/04/02/u.s.-elections-and-russia-u.s.-relations-pub-81428>

полагает, что в течение многих лет его водили за нос в вопросах нефти. С точки зрения Белоруссии Москва вывела рынок нефти за рамки Евразийского экономического союза, пообещав не облагать пошлинами поставки сырья белорусским переработчикам. Однако потом она не только отменила эти льготы в рамках налогового маневра, но и начала выдвигать политические условия для компенсации этих потерь»¹²².

В статье А. Шрайбмана, опубликованной на сайтах Московского центра Карнеги и *Carnegie Endowment for International Peace (3)*, сказано: «Минск считает, что нынешний уровень интеграции должен гарантировать равные условия покупки энергоносителей российским и белорусским потребителям. Москва считает это льготой, которую надо заслужить намного более тесным союзом. Россия теперь взяла на вооружение эту позицию и в Евразийском союзе. Москва поняла, что выставлять политические условия — это удобный способ отбиваться от надоедливых экономических запросов меньших партнеров.

На недавнем видеосаммите ЕАЭС Путин заявил, что для выхода на единый тариф на транспортировку газа — это основной компонент его конечной цены — странам — членам ЕАЭС нужно создать единую налоговую систему и бюджет. Это же условие Москва ранее выставляла Лукашенко в двустороннем формате для нефтяных уступок.

Такой уровень интеграции не достигнут даже в Евросоюзе, где между странами-участницами куда меньше подозрений в желании подорвать независимость друг друга. Среди постсоветских автократов вообще не принято делиться властью. Белорусские власти не станут отказываться от суверенитета ради конъюнктурных предпочтений. А Москва не готова размыкать свой в пользу меньших партнеров»¹²³.

Тот же автор в публикациях на сайтах Московского центра Карнеги и *Carnegie Endowment for International Peace (3)* прогнозировал, что ситуация в политической и экономической сфере будет подталкивать Лукашенко с новой энергией балансировать во внешней политике. «В обозримой перспективе это не несет очевидных рисков интеграционным союзам с Россией. Выход из ЕАЭС, ОДКБ или Союзного государства — все еще слишком радикальные шаги для Минска, которые могут только усугубить экономические проблемы дома.

Налаживать отношения на западном направлении Минску тоже будет нелегко. Можно сколько угодно рассуждать про геополитику и цинизм западных политиков, но пока Белоруссия жестко авторитарная страна, дверь на Запад ей закрыта... [но] вполне возможно, что в течение нескольких лет Минск выстроит такие же отношения с Западом, как Армения или Казахстан. Обе страны, хоть и входят в ОДКБ и ЕАЭС, в комфортном для себя режиме сотрудничают и с Вашингтоном, и с Брюсселем, опережая Минск по уровню подписанных соглашений и глубине контактов»¹²⁴.

В статье *Foreign Policy Research Institute (45)* с анализом протестов в Беларуси отмечается, что, стремясь сохранить власть, А. Лукашенко пытался представить оппозицию в качестве агентов Запада. «Он утверждал, не приводя каких-либо конкретных доказательств, что лидеры протестов хотели бы, чтобы Беларусь вышла из Евразийского экономического союза, в котором доминирует Россия, вновь ввела бы пограничный контроль с Россией и ограничила публичное использование русского языка. До выборов Лукашенко сам открыто критиковал Россию, однако сейчас он пытается представить себя единственным кандидатом для тех белорусов, ко-

122. Shraibman A. Oil Spoils the Russia-Belarus Romance // Carnegie Endowment for International Peace, 28.01.2020. Url: <https://carnegieendowment.org/publications/?fa=80905>

123. Шрайбман А. Ров по периметру. Как выборы изменят белорусскую внешнюю политику // Московский центр Карнеги, 29.06.2020. Url: <https://carnegie.ru/commentary/82195>; англ. версия: Shraibman A. Embattled Lukashenko Loses Friends in East and West // Carnegie Endowment for International Peace, 06.07.2020. Url: <https://carnegieendowment.org/publications/82245>

124. Шрайбман А. Каша на воде. К чему приведет то, что Москва посадила Минск на рыночную диету // Московский центр Карнеги, 10.02.2020. Url: <https://carnegie.ru/commentary/81012>; англ. версия: Shraibman A. Oatmeal and Water: The Thinning Belarus-Russia Relationship // Carnegie Endowment for International Peace, 11.02.2020. Url: <https://carnegieendowment.org/publications/81038>

торые видят преимущества в поддержании тесных отношений с Кремлем»¹²⁵.

Материал *Center for European Policy Analysis** (64) посвящен реакции белорусских властей на ситуацию с коронавирусом, которая значительно отличалась от реакции на пандемию большинства других стран. В то время как остальной мир пытался отреагировать на недавнюю вспышку нового коронавируса, Беларусь применяла другой подход. В частности, Минск оставил границу открытой и не стал отменять ежегодный военный парад 9 мая. Лукашенко и его сторонники стремятся взять под контроль информационное поле, пытаясь представить себя здоровыми руководителями, в сравнении с якобы панической реакцией в России. Основным пунктом в этой повестке является решение Москвы о закрытии границы с Беларусью. «14 апреля Лукашенко использовал свое выступление в ЕАЭС — торговым объединением, в котором доминирует Кремль, как завуалированную атаку на Россию за закрытие границ, подчеркивая, что транзит через границы является одной из базовых функций блока и без него пострадают экономики всех государств-членов»¹²⁶.

В публикации *Center for European Policy Analysis** (64) рассматривается влияние России в Беларуси сквозь призму событий последовавших за выборами президента этой страны. Автор отмечает, что экономический и энергетический секторы Беларуси зависимы от России, а российское руководство без колебаний использует свое экономическое влияние в энергетическом, сельскохозяйственном и промышленном секторах Беларуси. «Россия является основным торговым партнером Беларуси, на ее долю приходится около 50% от общего объема внешней торговли и 56% от общего объема импор-

та. Так как внешние рынки сбыта Беларуси ограничены, она торгует в основном с Россией либо под эгидой Евразийского экономического союза, где таможенные тарифы устанавливает Москва. Россия также является основным кредитором Беларуси... Также интересно отметить, что Беларусь стала хабом по реэкспорту в Россию европейских и западных товаров, подпадающих под действие контрсанкций Кремля»¹²⁷.

В одном из обзоров *Congressional Research Service* (78) рассматривалась Беларусь, в частности сотрудничество страны с Россией. Автор отмечает: «Беларусь — один из ближайших партнеров России в сфере безопасности и экономики. Страна является членом Организации Договора о коллективной безопасности, возглавляемой Россией, и разделяет с Россией систему противовоздушной обороны, хотя Беларусь отказывается разместить у себя российскую военную авиабазу, по поводу которой Москва давно обращалась с просьбой. Беларусь также является членом возглавляемого Россией Евразийского экономического союза и сильно зависит от российских субсидий на природный газ и нефть, а также российских (и китайских) займов.

Кроме того, Беларусь и Россия являются членами двустороннего Союзного государства, которое начало функционировать в 2000 г. На практике данный союз во многом остается лишь на бумаге. Общий рынок труда — главная характеристика, отличающая его от экономической интеграции Беларуси и России, которая реализуется в рамках ЕАЭС»¹²⁸.

Institute for the Study of War (92), публикует целую серию материалов в рамках проекта “Belarus warning update”. В некоторых из них упоминается и ЕАЭС. Так, в тексте, посвященном давлению России на Беларусь по вопросам интеграции, автор отмечает: «Вполне

125. Kojala L. Protests in Belarus: Geopolitical Considerations and the Future of Lukashenko // Foreign Policy Research Institute, 27.08.2020.

Url: <https://www.fpri.org/article/2020/08/protests-in-belarus-geopolitical-considerations-and-the-future-of-lukashenko>

126. Ferris E. Borders, Blunders, and Bluster // Center for European Policy Analysis*, 17.04.2020. Url: <https://cepa.org/borders-blunders-and-bluster/>

127. Boulègue M. Russia's assets and liabilities in Belarus // Center for European Policy Analysis*, 2020. P. 6. Url: <https://cepa.org/wp-content/uploads/2020/11/Russian-Assets-and-Liabilities.pdf>

128. Belarus: An Overview // Congressional Research Service, 19.05.2020. Url: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10814/8>

вероятно, что Путин будет оказывать давление на Беларусь с целью добиться уступок в области экономической интеграции на предстоящей встрече 11 декабря 2020 г. Лукашенко заявил, что Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Беларусь договорились «окончательно решить» проблему единого рынка природного газа на этой встрече. Премьер-министр Беларуси Роман Головченко утверждает, что Беларусь стремится расширить сотрудничество в области ядерной энергетики совместно с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). И ЕАЭС, и ШОС, как известно, являются средствами, которые Кремль использует для укрепления контроля над бывшими советскими республиками»¹²⁹

Автор еще одной публикации *Institute for the Study of War (92)* в этой серии предупреждает, что очередная встреча российского и белорусского президентов может завершиться тем, что А. Лукашенко «уступит еще больше белорусского суверенитета России». В этом контексте анализируется и встреча глав внешнеполитических ведомств России и Беларуси, в рамках которой России стремится создать условия, для того чтобы использовать уязвимое положение А. Лукашенко при его встрече с В. Путиным. «Министр иностранных дел Беларуси Владимир Макей 2 сентября встретился с главой МИД России Сергеем Лавровым в Москве. Лавров сформулировал то, что скорее всего потребует Кремль, выразив поддержку дальнейшему документальному закреплению взаимодействия России и Беларуси в Союзном государстве, Организации Договора о коллективной безопасности, Евразийском экономическом союзе и Содружестве Независимых Государств. Все эти международные организации, в которых доминирует Кремль, Москва использует для восстановления контроля над постсоветским пространством»¹³⁰.

В очередной статье *Institute for the Study of War (92)* вновь поднимается тема давления России на Беларусь для того, чтобы добиться более глубокой интеграции на фоне продолжающихся протестов. Автор отмечает: «Путин добился существенного прогресса в интеграции белорусского государства и белорусской экономики с Россией. В декабре 2020 г. 7 декабря Лукашенко подписал закон о взаимном признании виз с Россией. Министры образования России и Беларуси выразили заинтересованность в создании «единого образовательного пространства». 8 декабря премьер-министры России и Беларуси обсудили укрепление интеграции в рамках Союзного государства и Евразийского экономического союза — таможенного союза, в котором доминирует Кремль, целью которого является интеграция экономик бывших советских республик. 11 декабря Лукашенко принял участие в заседании ЕАЭС, на котором обсуждались планы по созданию общего рынка газа и гармонизации правил, действующих в странах-членах в нефтяной сфере. Кремль в течение многих лет использовал структурную зависимость экономики Беларуси от российских субсидий на нефть, чтобы оказывать давление на Лукашенко по вопросам интеграции в Союзное государство, и, вероятно, будет продолжать данный курс»¹³¹.

Далее автор рассуждает следующим образом: «Вероятно Путин продолжит интеграцию экономик Беларуси и России в рамках предстоящего в 2021 г. председательства Беларуси в Содружестве Независимых Государств. При обсуждении приоритетов предстоящего председательства Беларуси в СНГ в 2021 г., Лукашенко заявил, что углубление интеграции между бывшими советскими республиками через СНГ и ЕАЭС является «неизбежной необходимостью». Страна — председатель Содружества меняется ежегодно, и Беларусь возьмет на себя обя-

129. Barros G. Belarus warning update: Putin pressures Lukashenko to implement his previous integration concessions // Institute for the Study of War, 30.11.2020. Url: <http://www.understandingwar.org/backgroundunder/belarus-warning-update-putin-pressures-lukashenko-implement-his-previous-integration>

130. Barros G. Belarus warning update: the Kremlin prepares to further integrate Belarus // Institute for the Study of War, 02.09.2020. Url: <http://www.understandingwar.org/backgroundunder/belarus-warning-update-kremlin-prepares-further-integrate-belarus>

131. Barros G. Belarus warning update: Putin will increase pressure on Lukashenko to integrate Belarus in 202 // Institute for the Study of War, 18.12.2020. Url: <http://www.understandingwar.org/backgroundunder/belarus-warning-update-putin-will-increase-pressure-lukashenko-integrate-belarus-2021>

занности председателя с 1 января 2021 г. Последний раз Беларусь председательствовала в СНГ в 2014 г. и 2012 г.»

Еще один материал *Institute for the Study of War (ISW) (92)* из этой серии посвящен российско-белорусским отношениям и в частности визиту руководителя СВР в Минск на фоне протестов в октябре 2020 г. Его автор отмечает: «Визит Нарышкина совпал с объявлением о том, что планируется создание новой партии, открыто выступающей за Союзное государство, которая могла бы оказать давление на сопротивляющегося Москве Лукашенко, с тем, чтобы он пошел на уступки. Ранее неизвестная белорусская общественная организация, поддерживающая интеграцию в Союзное государство, под названием

“Союз” объявила 19 октября о планах создания политической партии. “Союз” стремится к глубокой интеграции Беларуси и России посредством Союзного государства, Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийского экономического союза. Несколько членов президиума “Союза” связаны с Кремлем, а их публичная позиция, совпадает с Кремлевской по широкому спектру внешнеполитических вопросов. “Союз” прямо поддерживает конституционную реформу в Беларуси и досрочные президентские выборы в качестве “выхода из кризиса”. У *Institute for the Study of War* нет доказательств того, что “Союз” был создан Кремлем, но выбор времени для заявления о создании партии 19 октября, на фоне визита Нарышкина 22 октября в Минск позволяет предположить определенную взаимосвязь»¹³².

2.5. Украина

Косвенные упоминания

В одном из серии материалов *Middle East Institute (31)*, посвященных Черноморскому региону, отмечается, что для него характерен «серьезный политический и экономический раскол между ориентированными на ЕС странами и Россией (членами ЕС в регионе являются Греция, Болгария и Румыния; кандидатами — Албания, Северная Македония, Сербия и Турция; ассоциированными странами — Грузия, Молдова, Украина). Армения хотела бы активно сотрудничать как с ЕС, так и с Россией, особенно по вопросам торговли, однако была вынуждена пожертвовать более тесными связями с ЕС и отказаться от переговоров по Соглашению об Ассоциации, для того чтобы присоединиться к возглавляемому Россией Евразийскому экономическому союзу в 2015 г.

Украина же, напротив, предпочла отказаться от традиционных торгово-экономических отношений с Россией и связать свою экономику с гораздо более технологически развитым ЕС... Оказавшись не в состоянии привлечь Украину в ЕАЭС и проиграв геоэкономическую конкуренцию с ЕС, Россия, вероятно, сочла, что ее геополитические интересы оказались под угрозой. Это могло стать катализатором ее агрессии в Крыму и восточных областях Украины»¹³³.

В докладе *Carnegie Endowment for International Peace (3)* «Россия в ООН: право, суверенитет и легитимность» в одном из разделов приведена авторская трактовка того, как Россия понимает «суверенитет» и как с ним связана многополярность. Среди прочего

132. Barros G. Belarus warning update: Putin likely disrupts Lukashenko's plan for defusing protests // *Institute for the Study of War*, 23.10.2020. Url: <http://www.understandingwar.org/backgrounder/belarus-warning-update-putin-likely-disrupts-lukashenko%E2%80%99s-plan-defusing-protests>

133. Zhelev P. Challenges of economic integration in the Black Sea // *Middle East Institute*, 27.09.2020. Url: <https://www.mei.edu/publications/challenges-economic-integration-black-sea>

отмечен присущий Москве «пережиток времен Советского Союза» — «привычка думать о мире как о разделенном на разные сферы влияния, используя термин “лагеря” (в тексте наряду со словом *camp*, использовано слово *lager*’ — *P. T., A. Ю.*)». По мнению автора, на определенном этапе Россия стала рассматривать ЕС, как отдельный от США «лагерь», а украинский кризис — в восприятии Москвы — был спровоцирован посягательствами именно ЕС, а не НАТО на российскую зону влияния. «После того как Украина и Армения парафировали соглашения об ассоциации с ЕС в 2013 году, Путин вызвал их президентов в Москву и склонил их к тому, чтобы не оформлять окончательно эти соглашения и вместо этого подписать соглашение с его новоиспеченным Евразийским экономическим союзом. Когда тогдашний президент Украины Виктор Янукович объявил об этом развороте, народное восстание вынудило его уйти, что при-

вело к ответному удару со стороны России в Крыму и Донбассе»¹³⁴.

В статье *Council on Foreign Relations (11)* о ситуации на Украине, которая «пыталась найти свой независимый путь, разрываясь между Европой и Соединенными Штатами на Западе и своими давними узлами с Россией на Востоке». Среди различных интересов РФ на Украине указана и торговля. В частности отмечено: «Россия является крупнейшим торговым партнером Украины, несмотря на то, что в последние годы связи ослабли. До вторжения в Крым Россия надеялась втянуть Украину в общий рынок — Евразийский экономический союз, в который сегодня входят Армения, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан». А отказ Украины от вступления в ЕАЭС и ее связи с Евросоюзом названы среди триггеров украинского кризиса¹³⁵.

2.6. Евросоюз

Косвенные упоминания

«Появились ли новые возможности для сотрудничества между Европейским союзом и Россией с начала эпидемии?» — задает вопрос А. Кортунув в статье, опубликованной *Carnegie Endowment for International Peace (3)*. Среди традиционных направлений двусторонней повестки — наряду с укреплением ОБСЕ, развитием технологий 5G, попытками сохранить иранскую ядерную сделку и сотрудничеством по экологическим вопросам, — он отмечает и «поддержание диалога между ЕС и Евразийским экономическим союзом». По мнению автора, фундаментальная перезагрузка двусторонних отношений

сегодня маловероятна, а обе стороны имеют ограниченные возможности для сотрудничества, однако даже такие относительно скромные возможности не следует игнорировать¹³⁶.

В докладе *Foreign Policy Research Institute (45)*, посвященном вопросам безопасности в восточном Средиземноморье, в разделе посвященном Турции и Ливии, ЕАЭС упоминается в контексте планов расширения Шенгенской зоны, которые были у ЕС в начале 2000-х. «Сегодня же, с точки зрения ЕС, Шенгенская зона оказалась в неблагоприятном геополитическом

134. Remler P. Russia at the United Nations: Law, Sovereignty, and Legitimacy // Carnegie Endowment for International Peace, January 2020. P. 7.
Url: https://carnegieendowment.org/files/Remler_UN_final.pdf

135. Masters J. Ukraine: Conflict at the Crossroads of Europe and Russia // Council on Foreign Relations, 05.02.2020.
Url: <https://www.cfr.org/background/ukraine-conflict-crossroads-europe-and-russia>

136. Kortunov A. How the Pandemic Will Change EU-Russian Relations // Carnegie Endowment for International Peace, 08.07.2020.
Url: <https://carnegieendowment.org/2020/07/08/how-pandemic-will-change-eu-russian-relations-pub-81894>

окружении. На востоке находится “контршенген” (Евразийский экономический союз, где Россия использует зависимость своих соседей от денежных переводов мигрантов для доминирования над ними) и “антишенген” (зона вокруг Ливии — территория,

где де-факто отсутствуют границы и циркулируют оружие, боевики и опасные идеи». При этом в ЕС полагают, что Турция может оказать политическое влияние на передвижения мусульманских рабочих в границах ЕАЭС¹³⁷.

2.7. Балканы

Косвенные упоминания

В статье, подготовленной Дж. Манкоффом и А. Кортунным для *Center for Strategic and International Studies (2)*, анализируются актуальные вызовы в российско-американских отношениях. Среди вызовов, которые могут оказать существенное влияние на отношение между Вашингтоном и Москвой и при этом для которых не хватает ясности относительно намерений обеих сторон, отмечено и стратегическое соперничество на Западных Балканах. В этом контексте встречается упоминание ЕАЭС: «Сербия является единственной страной в мире, подписавшей соглашения как с Европейским союзом, так и с Евразийским экономическим союзом», что позволяет поднять вопрос относительно того, возможен ли «гибрид» двух конкурирующих систем на Западных Балканах. Несмотря на некоторый скепсис, с учетом обязательств, взятых Белградом на пути вступления в ЕС, которым не должны проти-

воречить соглашения с ЕАЭС, авторы отмечают, что «опыт Сербии представляет собой пример, которому могут последовать и другие страны, и которому не должны препятствовать ни Вашингтон, ни Брюссель, ни Москва»¹³⁸.

В кратком обзоре по итогам парламентских выборов в Сербии, подготовленном *Center for Strategic and International Studies (2)*, отмечается, что президенту Вучичу и его политической силе удалось «установить еще более жесткий контроль над политическим ландшафтом страны и государственным аппаратом». В части обзора с подзаголовком «влияние на интересы США» в одном из четырех пунктов указано: «Сербия получила военную помощь от России в виде истребителей МиГ-29, системы ПВО “Панцирь-С1” и в 2019 году подписала соглашение о свободной торговле с Евразийским экономическим союзом»¹³⁹.

137. The East Mediterranean and regional security: a transatlantic dialogue // Foreign Policy Research Institute, December 2020. P. 39.

Url: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2020/12/the-east-mediterranean-and-regional-security.pdf>

138. Mankoff J., Kortunov A. Addressing Unresolved Challenges in U.S.-Russia Relations // Center for Strategic and International Studies, 13.03.2020.

Url: <https://www.csis.org/analysis/addressing-unresolved-challenges-us-russia-relations>

139. Serbia: Parliamentary Elections // Center for Strategic and International Studies, 21.06.2020. Url: <https://www.csis.org/programs/european-election-watch/serbia>

2.8. Большой Ближний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион и Африка

Косвенные упоминания

В статье *Middle East Institute* (31) «Иран и Россия: история о нереализованном экономическом потенциале» среди базовых причин медленного развития экономических отношений между этими странами названы проблемы структурной экономической несовместимости между ними. При этом автор подчеркивает: «Медленный прогресс нельзя объяснить отсутствием творческого мышления, принимая во внимание иранские амбиции по присоединению к возглавляемому Россией Евразийскому экономическому союзу, бартерные соглашения о торговле нефтью в обмен на товары в рублях и риалах, а не в долларах, или механизм прямых финансовых переводов, установленный между иранскими и российскими банками»¹⁴⁰.

В публикации *United States Institute of Peace* (36) с анализом политики США в Афганистане отмечается, что в стратегии США в Южной Азии, одобренной администрацией Трампа в августе 2017 г. рассматривались только Афганистан, Пакистан и Индия. В ней не упоминались Иран, Китай или Россия, которые стали объектами Стратегии национальной безопасности, опубликованной в декабре 2017 г. и «ориентированной на “конкуренцию великих держав” (Россия и Китай) и “диктатуры... решившие дестабилизировать регионы” (Иран и Северная Корея)». По мнению автора, Индо-тихоокеанская стратегия администрации Трампа также не стала основой для необходимого регионального сотрудничества. Так как была ориентирована на конкуренцию великих держав, а не на их сотрудничество. «Этот документ также не затрагивает кон-

тинентальную Азию, которая является основным направлением для инициативы Китая “Пояс и путь”, Евразийского экономического союза, действующего под эгидой России, коммуникационной стратегии Европейского союза в Евразии, Международного транспортного коридора “Север — Юг” (включая иранский порт Чабахар), который соединяет Индию с Россией и Центральной Азией через Иран, газопровода “Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия” (ТАПИ), проекта по поставке электроэнергии в Центральной и Южной Азии мощностью 1000 кВт (CASA-1000) или коридор Лазурита, соединяющий северо-запад Афганистана с Турцией через Центральную Азию и Кавказ»¹⁴¹.

В публикации *Foreign Policy Research Institute* (45) о конкуренции и сотрудничестве России и Ирана отмечено, что за последние пять лет Россия увеличила инвестиции в иранские инфраструктурные проекты. «Наряду с транспортным коридором “Север — Юг”, временное соглашение Ирана о свободной торговле с ЕАЭС встроено в более широкую стратегию России по использованию Ирана в качестве хаба по экспорту своей неуглеводородной продукции. Одним из результатов соглашения о преференциальной торговле стал подписанный в феврале 2019 г. трехсторонний Меморандум о взаимопонимании по вопросу торговли пшеницей, в соответствии с которым Россия и Казахстан могут импортировать пшеницу в Иран для переработки и экспорта в третьи страны без каких-либо таможенных сборов и пошлин. Иран выражал заинтересованность в развитии связей с ЕАЭС еще в 2015 г.

140. Vatanka A. Iran and Russia: A tale of unfulfilled economic potential // Middle East Institute, 17.03.2020. Url: <https://www.mei.edu/publications/iran-and-russia-tale-unfulfilled-economic-potential>

141. Rubin B. R. Reimagining U.S. Asia Policy for a Peaceful Afghanistan // United States Institute of Peace, December 2020. P. 3.

Url: https://www.usip.org/sites/default/files/Afghanistan-Peace-Process_Reimagining_US-Asia-Policy-for-a-Peaceful-Afghanistan.pdf

Однако очередные санкции привели к тому, что Тегеран представил соглашение как возможность, которая сможет смягчить изоляцию Ирана»¹⁴².

В докладе *Carnegie Endowment for International Peace (3)*, посвященном российской политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе, среди прочих вопросов, анализируется динамика отношений Российской Федерации и АСЕАН. По мнению авторов, на этом направлении было анонсировано значительно больше соглашений, чем реализовано на практике, единственным успешным направлением сотрудничества является лишь сфера торговли вооружениями. И хотя продажи российского оружия значительно выросли за последние 15 лет, желания членов АСЕАН покупать оружие, а России его продавать недостаточно, для этого необходимы значимые торгово-экономические связи. «Эти связи еще не получили материального воплощения. Россия не заключила двустороннее соглашение о зоне свободной торговли ни с одним членом АСЕАН, так же, как и возглавляемый Россией Евразийский экономический союз до сих пор не смог подписать его с АСЕАН и заключил только два двусторонних соглашения о свободной торговле — с Вьетнамом и Сингапуром», — отмечают авторы¹⁴³.

В докладе *Foreign Policy Research Institute (45)* посвященном борьбе России за распространение своего влияния в Юго-Восточной Азии. ЕАЭС упоминается в контексте анализа отношений России с Вьетнамом. «Кремль более заинтересован в сотрудничестве с Ханоем, чем с любой другой столицей Юго-Восточной Азии. В частности Вьетнам выделяется тем, что стал первой страной, подписавшей соглашение о свободной торговле с ЕАЭС в 2015 г.»¹⁴⁴.

Кроме того, в разделе, посвященном Сингапуру, отмечается, что это государство, в отличие от мно-

гих других стран региона, слишком богато, чтобы заинтересоваться конкурентоспособными в основном благодаря цене российскими вооружениями. И если Сингапур и проявляет интерес к сотрудничеству с Россией, этот интерес вращается вокруг инвестиций и экспорта в Россию. Поэтому Сингапур подписал в 2019 г. соглашение о свободной торговле с ЕАЭС, что снизило тарифы на экспорт в страны, входящие в этот блок. Однако «кроме доступа на рынки Россия мало чем может соблазнить Сингапур»¹⁴⁵.

Автор статьи, опубликованной *Wilson Center* (8)*, анализирует политику России в отношении стран Африки южнее Сахары, отмечая, что за последнее десятилетие произошел всплеск ранее незначительных двусторонних политических и экономических связей с африканскими странами. Тем не менее Африка занимает последнее место среди стратегических приоритетов России, этот тезис аргументируется в тексте тем, что даже в МИД РФ нет специального заместителя министра иностранных дел, отвечающего за этот регион, — гораздо важнее всегда был Ближний Восток.

По мнению автора, интерес Москвы к Черной Африке, который часто называют новой тенденцией, восходит к концу 2000-х годов и совпадает по времени с формированием внешней политики, представляющей Россию как альтернативу Западу. Эта политика реализовывалась через продвижение региональных организаций, таких как БРИКС, предназначенных для противодействия влиянию Запада.

В последнее десятилетие произошел скачок двусторонних экономических отношений России с африканскими странами. А по данным Евразийской экономической комиссии, товарооборот между ЕАЭС и Африкой за последние восемь лет увеличился в восемь раз, почти до 22 млрд долл. в 2018 г.

142. Grajewski N. Friends or Frenemies? How Russia and Iran Compete and Cooperate // Foreign Policy Research Institute, March 2020. P. 9. Url: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2020/03/rfp-1-grajewski-final.pdf>

143. Rumer E., Sokolsky R., Vladicic A. Russia in the Asia-Pacific: Less Than Meets the Eye // Carnegie Endowment for International Peace, September 2020. P. 31. Url: https://carnegieendowment.org/files/SokolskyRumer_Asia-Pacific_FINAL.pdf

144. Murray B. Russia's struggle to gain influence in Southeast Asia // Foreign Policy Research Institute, August 2020. P. 8. Url: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2020/08/russias-struggle-to-gain-influence-in-southeast-asia.pdf>

145. Ibid. P. 15.

Также автор вспоминает саммит «Россия — Африка» 2019 г. и проводит параллели с другими площадками: «Будущее покажет, даст ли сочинский саммит необходимый долгосрочный импульс российско-аф-

риканским отношениям или же он, как и многие другие саммиты высокого уровня, организованные Россией (БРИКС, Евразийским экономическим союзом), был в основном проявлением доброй воли»¹⁴⁶.

2.9. ЕАЭС как инструмент внешней политики России

Прямые упоминания

В докладе *Carnegie Endowment for International Peace (3)* рассматриваются интеграционные процессы в Евразии и перспективы российских проектов в регионе. Уже в summary этого доклада отмечается, что «с 2014 г. Россия удвоила усилия по созданию собственной сферы влияния, часто действуя под флагом евразийской интеграции», при этом ЕАЭС используется, как официальный канал для развития интеграции в экономической и политической сфере, для чего Москва прилагает все усилия для расширения Союза¹⁴⁷. Автор также напоминает, что несмотря на то, что ЕАЭС является наиболее влиятельной многосторонней организацией в регионе, в которой доминирует Россия, с 2015 г. Москва не смогла привлечь в него ни одного нового члена¹⁴⁸.

В разделе с говорящим стереотипным заголовком “Back to the USSR?” отмечается, что стремление России вновь укрепиться в Евразии — явление не новое. Сразу же после ухода из Восточной Евразии, Южного Кавказа и Центральной Азии Москва начала действовать, чтобы вернуть утраченные позиции. Для чего были созданы СНГ, ОДКБ, Союзное государство. Также РФ старалась поддерживать и расширять экономические связи на постсоветском пространстве, начиная с Соглашения о Таможенном

союзе, который положил начало торговой зоны с доминирующей ролью России, постепенно превратившейся в ЕАЭС. «С 2012 г. Путин принял личную ответственность за этот проект, целью которого стало создание торгового блока в противовес Евросоюзу»¹⁴⁹.

По мнению автора, Москве на фоне украинского кризиса и западных санкций была нужна дипломатическая победа, поэтому Кремль добился от Лукашенко и Назарбаева подписания договора о ЕАЭС, к которому позже присоединились Армения и Кыргызстан. «ЕАЭС стал символом амбиций России, которые теперь ни одна бывшая советская республика не может позволить себе игнорировать». Однако Молдова, Узбекистан и «даже Таджикистан», сильно зависящий от денежных переводов трудовых мигрантов, продолжают сопротивляться российскому давлению и остаются лишь наблюдателями в ЕАЭС. При этом «Россия и Казахстан — два политических тяжеловеса ЕАЭС — получили определенные экономические выгоды от Союза, но его другим более бедным членам — Армении, Беларуси и Кыргызстану — повезло меньше». Хотя Москва предложила этим странам скидки на энергоносители, доступ на свой рынок труда и другие экономические стимулы за присоединение к ЕАЭС, однако эти преференции

146. Dreyfus E. Kennan Cable No. 47: Moscow's Limited Prospects in Sub-Saharan Africa // Wilson Center*, February 2020.

Url: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-47-moscows-limited-prospects-sub-saharan-africa>

147. Stronski P. There Goes the Neighborhood: The Limits of Russian Integration in Eurasia // Carnegie Endowment for International Peace, September 2020. P. 1. Url: https://carnegieendowment.org/files/202009-Stronski_-_Russia_Eurasia.pdf

148. Ibid. P. 2.

149. Ibid. P. 5.

были нивелированы коррупцией, что вызвало вопросы о целесообразности членства в Союзе у обществ этих государств. «Российские попытки добиться более тесной интеграции “жесткой рукой” порождают самовоспроизводящиеся циклы сопротивления и проволочек со стороны других членов. Хотя ЕАЭС стал признанным актором в регионе, счастливым этот Союз не назовешь»¹⁵⁰.

Также о Евразийском экономическом союзе идет речь в подразделе, посвященном Армении, которая вынуждена балансировать между Западом и Востоком. Автор отмечает, что решение правительства Армении отвернуться от ЕС и присоединиться к ЕАЭС, в отличие от Украины, не спровоцировало масштабные протесты, так как из-за вопросов безопасности у страны нет иного выбора, кроме как поддерживать прочные связи с Россией. Однако остается и немало разногласий с Россией, в частности по вопросам поставок энергоносителей. Такие противоречия были вызваны требованием Москвы к Еревану покупать газ по ценам, предложенным членам ЕАЭС до пандемии, тогда как мировые цены после начала пандемии резко упали. Армения вместе с Беларусью и Кыргызстаном, которые находятся в аналогичной ситуации, включила этот спорный вопрос в повестку ЕАЭС и стремится диверсифицировать поставки энергоносителей с помощью Китая, а также подключив Иран и Грузию¹⁵¹.

Одним из факторов, ограничивающих амбиции Москвы, названы демографические изменения в Евразии. Автор доклада отмечает, что население в Центральной Азии растет, а его средний возраст составляет 27 лет и для молодого поколения Россия уже не является центром притяжения. «Опрос, проведенный в Армении в 2019 г. показал, что более 60% респондентов (средний возраст которых составляет тридцать шесть лет) положительно относятся к ЕС, ставя его выше ЕАЭС в рейтинге пользующихся наибольшим доверием международных институтов.

Это исследование также показало, что 65% опрошенных в Молдове, где более четверти населения зарабатывают на жизнь в России или ЕС, заявили, что доверяют ЕС. Для сравнения: ЕАЭС доверяют — 35%. Даже в Беларуси доверие к ЕС несколько выше (на 3%), чем к ЕАЭС. Более того, недавние опросы также показали, что лишь 8% респондентов выступают за полное объединение с Россией, а 36% одобряют какие-то общие политические институты»¹⁵².

Еще в одном докладе — *Carnegie Endowment for International Peace (3)* — анализируются подходы России при взаимодействии, интенсифицированном после 2014 г., с региональными институтами. Акцент авторы делают на трех институтах — Евразийском экономическом союзе, Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС. Как отмечают авторы в резюме доклада, в Москве полагают, что эти организации (последняя — в меньшей степени) предоставляют России ряд возможностей, в частности:

- укрепить влияние в условиях изменения баланса сила в мире,
- дать отпор западному влиянию в Евразии,
- выстраивать отношения в более конкурентной среде,
- подчеркнуть важность ООН как легитимного арбитра норм международного права, а также противостоять тому, что она воспринимает как постоянные попытки Запада обойти такие нормы,
- воспрепятствовать усилиям Запада изолировать Россию дипломатическим путем или с помощью санкций,
- повысить ее международный авторитет¹⁵³.

В этом исследовании есть отдельный раздел с названием «Евразийский экономический союз: больше, чем сумма его частей», а всего ЕАЭС упоминается более 80 раз. Авторы пишут, что ЕАЭС «самая свежая» попытка Москвы создать региональную интеграционную организацию для поддержки политиче-

150. Ibid. P. 5–6.

151. Ibid. P. 9.

152. Ibid. P. 14.

153. Stronski P., Sokolsky R. Multipolarity in Practice: Understanding Russia's Engagement With Regional Institutions // Carnegie Endowment for International Peace, January 2020. P. 1. Url: https://carnegieendowment.org/files/Stronski_Sokolsky_Multipolarity_final.pdf

ских и экономических интересов России в ближнем зарубежье и за его пределами. И признают, что это вероятно «самая успешная попытка на постсоветском пространстве». Так как в рамках ЕАЭС был создан работающий таможенный союз, в котором повышается унификация тарифной политики и технических регламентов, а также трудовая мобильность, «подобный успех окажет долгосрочное влияние на возможность других международных организаций и частных компаний вести бизнес в государствах-членах ЕАЭС или торговать с ними»¹⁵⁴.

Однако в то же время планы Москвы на эту организацию значительно шире. «ЕАЭС является ключевым инструментом с точки зрения безопасности России», поскольку географически ориентирован на территорию, которую бывший президент Дмитрий Медведев назвал сферой «приоритетных интересов» России. Ничто лучше, по мнению авторов, не иллюстрирует значимость этой сферы для Кремля, как тот факт, что Россия дважды воевала за нее: в 2008 г. в Грузии и в 2014 г. на Украине. А Кремль использует ЕАЭС для того, чтобы контролировать деятельность внешних сил в непосредственной близости от своих границ, что фактически наполняет ЕАЭС геополитической повесткой. «Высшее руководство России явно обеспокоено западными интеграционными проектами и продвижением демократии, особенно в рамках Восточного партнерства. ЕАЭС же предоставляет авторитарным режимам региона альтернативу западным интеграционным проектам. Кроме того, Россия стремится, хотя и более осторожно, укрепить свое влияние в регионе на фоне роста экономической и политической мощи Китая в Центральной Азии и на Кавказе»¹⁵⁵.

Также Кремль хочет расширить свое глобальное влияние, используя доминирующее положение в ЕАЭС. Для чего стремится к заключению соглашений о свободной торговле со странами за пределами региона, такими как Вьетнам, Иран, Сингапур, Сербия, а также планирует усиление координации меж-

ду ЕАЭС и другими региональными организациями, включая ШОС, АСЕАН и Африканский союз¹⁵⁶. Также авторы отмечают желание России ограничить суверенитет некоторых соседей в принятии решений с помощью ЕАЭС. В качестве примера приводятся Армения и Кыргызстан. При этом как рычаг давления на Ереван Москва использовала вопросы безопасности, на Бишкек — угрозу ограничить доступ трудовым мигрантам из этой страны на российский рынок труда¹⁵⁷.

В докладе дан исторический экскурс по вопросам евразийской интеграции. А также отмечено, что после того как, «Путин сделал евразийскую интеграцию, и в частности ЕАЭС, основой своей избирательной кампании, а также третьего президентского срока», изменилось отношение России к постсоветским странам, которые стремились к более тесным связям с западными экономическими и политическими структурами. В итоге это привело к столкновению со странами Запада из-за попыток Армении и Украины подписать соглашения о свободной торговле с ЕС. «Россия продолжает использовать смесь принуждения и экономических соблазнов, чтобы мотивировать новых членов присоединиться к Союзу, а нынешних членов остаться в нем. В результате российской агрессии Украина по-прежнему решительно выступает против вступления в ЕАЭС, а Узбекистан проявляет к нему мало интереса. Отказ этих стран присоединиться к ЕАЭС препятствует его способности стать действительно широкомасштабной региональной организацией, лишая ЕАЭС двух очень значимых с символической точки зрения, а также наиболее густонаселенных и стратегически важных государств»¹⁵⁸. При этом, по мнению авторов, членство Таджикистана в ЕАЭС не исключено.

В качестве аргумента, свидетельствующего о том, что в продвижении ЕАЭС Россией преобладают геополитические факторы, используется то, что для нее экономические выгоды от увеличения торговли

154. Ibid. P. 5.

155. Ibid.

156. Ibid. P. 5–6.

157. Ibid. P. 6–7.

158. Ibid. P. 7.

с государствами — членами Союза оказались минимальным, а коммерческое взаимодействие России со своими партнерами по ЕАЭС, за исключением Беларуси, остается незначительным. «ЕАЭС скован разногласиями и недоверием между государствами-членами, а также нежеланием самой Москвы передать часть своих суверенных полномочий по принятию решений в области торговли и экономической политики наднациональным органам ЕАЭС». При этом другие государства-члены смотрят на ЕАЭС как на возможность сдерживать Россию с помощью правил организации, так как, несмотря на то, что Россия обеспечивает основную часть ВВП Союза, у нее есть лишь 20% голосов. Эта важная уступка была сделана в рамках переговоров, когда Москве была необходима дипломатическая победа. Также отмечается, что «в рамках ЕАЭС, как и предшествовавшем ему Таможенном союзе, возникают сложности в достижении консенсуса». И приводится ряд проблемных кейсов внутри ЕАЭС, среди них — отказ других членов ЕАЭС вместе с Россией вводить контрсанкции против Запада в 2014 г., восстановление пограничного контроля с Беларусью, проблемы с торговым трафиком между Казахстаном и Кыргызстаном на фоне политической напряженности между этими странами в 2017 г., дискриминация трудовых мигрантов из Кыргызстана в России. А также то, что государства — члены ЕАЭС получили от России неравные двусторонние стимулы за присоединение к организации, а в целом это продемонстрировало, что «решения о присоединении к ЕАЭС были результатом скорее двусторонних соглашений с Москвой, чем принятия общих правил, заложенных в Астанинском договоре. Непрерывающиеся угрозы Москвы отозвать некоторые из льгот всякий раз, когда отношения становятся напряженными, подрывают саму идею широкого, основанного на правилах экономического союза, и подчеркивают его ограниченность как специального проекта Москвы»¹⁵⁹.

При этом в докладе отмечается, что не следует упускать из виду и достижения Евразийского эконо-

мического союза. «В ЕАЭС был создан единый рынок с населением около 180 млн человек, с совокупным ВВП около 5 трлн долларов... Однако наиболее важным для Кремля является то, что ЕАЭС продемонстрировал, что Москва может позиционировать себя в качестве центра региональной многосторонней организации и подкрепить свои притязания на роль одного из полюсов в многополярном мире. ЕАЭС не менее важен для Москвы и с символической точки зрения, чем собственно интеграционные процессы, которые, несомненно, идут, пусть и сравнительно медленными темпами. Москва, по всей видимости, и дальше продолжит продвигать ЕАЭС в качестве одного из полюсов и искать возможности расширять его связи с неевразийскими странами и многосторонними организациями»¹⁶⁰.

В название одного из подразделов вынесен следующий вопрос: «Является ли ЕАЭС организацией, выступающей против свободной торговли?» Авторы полагают, что ЕАЭС не ориентирован на содействие интеграции государств-членов в глобальные экономические структуры. Скорее напротив, он ограничивает их инициативы в области свободной торговли и «обязывает заключать торговые соглашения через торговый блок, в котором доминирует Россия», а многие договоренности «явно служат геополитической цели России: укрепить влияние на соседей и расширить сеть взаимоотношений, выйдя за пределы своих непосредственных окрестностей»¹⁶¹.

В качестве цели ЕАЭС указано «создание интегрированного, защищенного регионального экономического пространства». А способность обеспечить целевые рынки для экспорта государств-членов является для них одной из привлекательных сторон блока. «Армения, Беларусь и Кыргызстан с их неконкурентоспособной промышленностью выигрывают от членства в ЕАЭС. Белорусские производители машиностроения, например, имеют преференциальный доступ на российский рынок благодаря ЕАЭС, равно как и армянские продукты питания и алкоголь, ко-

159. Ibid. P. 8–9.

160. Ibid. P. 9.

161. Ibid. P. 9–10.

торые составляют ключевую часть экспорта этой страны в другие государства ЕАЭС. Свободное перемещение рабочей силы по всему ЕАЭС обеспечивает поток денежных переводов в Армению и Кыргызстан — самые бедные государства ЕАЭС», — отмечается в докладе.

Таким образом, хотя членство в ЕАЭС и дает определенные преимущества, но оно также делает наиболее бедные страны, входящие в Союз, более зависимыми от России. Влияние Москвы усиливается благодаря повсеместной коррупции, влиянию олигархии и некачественному управлению в государствах — членах ЕАЭС, что делает их непривлекательными для внешних инвесторов. «На фоне санкций США и Евросоюза против России, эти особенности ЕАЭС создают серьезные препятствия для технологических инноваций, создания рабочих мест и модернизации экономик ЕАЭС». Из-за чего и общественность, и элиты некоторых государств-членов стали настороженно относиться к влиянию России на организацию и к политическим инициативам Москвы в Евразии. В частности, Казахстан неоднократно игнорировал желание российской стороны вести переговоры с китайской инициативой «Пояс и путь» и ЕС в рамках ЕАЭС и достигал с ними двусторонние соглашения. Аналогичным образом поступали и другие члены Евразийского союза.

«Создается впечатление, что в Евразии мало заинтересованы в более глубокой интеграции и с Россией, и с наднациональной организацией, в которой она доминирует. Напротив, государства — члены ЕАЭС предпочли бы использовать блок в качестве инструмента, который помогает регулировать их сложные взаимоотношения с Россией»¹⁶², — резюмируют авторы доклада.

Также упоминания ЕАЭС встречаются в разделе, посвященном ШОС. В частности отмечается, что амбициозные планы Китая, направленные на развитие ШОС, не раз встречали противодействие со стороны

России, которая опиралась на ЕАЭС и ОДКБ — структуры, в которых она доминирует, чтобы ослабить влияние Китая¹⁶³. «В настоящее время ШОС сосуществует с другими региональными организациями или инициативами — китайским “Пояс и путь”, Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и российскими ОДКБ и ЕАЭС. Россия предпочитает использовать те структуры, где она является самым сильным членом...» В свою очередь Китай неоднократно заверял в своей поддержке ЕАЭС и выражал готовность к его сопряжению с инициативой «Пояс и путь». Тем не менее он также продемонстрировал явное предпочтение работе через те институты, в которых он доминирует — инициативу «Пояс и путь» и АБИИ¹⁶⁴.

В статье *Wilson Center** (8) подводятся итоги пятилетнего функционирования Евразийского экономического союза. Этот текст — один из немногих материалов, опубликованных западными «фабриками мысли», которые полностью посвящены ЕАЭС.

«В первый день 2020 г. Евразийскому экономическому союзу, экономическому союзу, в который входят Россия, Армения, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан, пойдет шестой год. Хотя половины десятилетия недостаточно для реализации титанической задачи по интеграции пяти экономик, практически повсеместное разочарование в ЕАЭС превращает все усилия в этом направлении в сизифов труд»¹⁶⁵, — пишет автор — профессор Томского государственного университета — в самом начале статьи. И по случаю очередной годовщины основания организации обращается к истории ЕАЭС. «ЕАЭС возник в результате ряда неудачных попыток интеграции экономик постсоветских стран. В середине 2000-х годов, после того как проект Москвы по созданию совместного экономического пространства с Беларусью, Казахстаном и Украиной был сорван “оранжевой революцией”, Россия сосредоточилась на консолидации более узкого

162. Ibid. P. 11.

163. Ibid. P. 14.

164. Ibid. P. 16.

165. Troitskiy E. The Eurasian Economic Union at Five: Great Expectations and Hard Times // *Wilson Center**, 14.01.2020. Url: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/eurasian-economic-union-five-great-expectations-and-hard-times>

экономического союза — с Беларусью и Казахстаном. С 2007 по 2010 год Россия, Беларусь и Казахстан подписали множество соглашений, направленных на создание таможенного союза. Таможенный контроль на границах между Россией и Беларусью и между Россией и Казахстаном был отменен 1 июля 2011 г., это достижение в Москве провозгласили «самым важным геополитическим и интеграционным событием после распада Советского Союза».

Далее идет речь о создании Единого экономического пространства и ЕЭК и создании собственно ЕАЭС. Причем отмечается, что «новая глава интеграции начала писаться еще до того, как было создано Единое экономическое пространство». В частности, в рамках третьей президентской кампании Путина был обнародован «ряд далеко идущих инициатив, среди которых углубление интеграции в рамках Таможенного союза».

«Во многих аспектах нормативная база ЕАЭС знаменует собой отход от подходов, использованных в предыдущих попытках постсоветской экономической интеграции. Она на редкость последовательна, с принципами и нормами, разработанными и надлежащим образом подкрепленными конкретными правилами и процедурами принятия решений. В основу была положена либеральная экономическая идеология». В качестве основной цели ЕАЭС указано «обеспечение свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы и функционирования таможенного союза». При этом автор подчеркивает, что «когда велись переговоры о нормативной базе ЕАЭС, общее понимание заключалось в том, что организация сосредоточится на экономических вопросах и будет максимально аполитичной» в чем особенно был заинтересован Казахстан, который заблокировал предложения России наделить ЕАЭС полномочиями в области координации внешней политики, защиты границ, визовой политики, здравоохранения, образования и культуры¹⁶⁶.

Украинский кризис назван «родовой травмой» ЕАЭС. Когда Россия ответила на западные санкции, введенные против нее за аннексию Крыма и вторже-

ние на Донбасс, запретом на импорт сельскохозяйственной продукции из ЕС и прекратила свободную торговлю с Украиной, другие члены ЕАЭС не последовали ее примеру. Казахстан открыто поставил под сомнение утверждение Москвы о том, что Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС наносит ущерб экономическим интересам стран ЕАЭС, а Беларусь занимается реэкспортом в Россию санкционных товаров украинского происхождения».

Развернутые мобильные таможенные группы на границах с Беларусью и Казахстаном названы «явным отступлением от норм ЕАЭС». А западные санкции привели к рецессии в России, от чего пострадали и другие страны ЕАЭС — в частности, замедлился их экономический рост, а валюты девальвировали. «Поворот во внешней политике России в 2014 г. и изменение ее международного положения подорвали основополагающий принцип свободной торговли ЕАЭС... По мере роста напряженности в отношениях с Соединенными Штатами и ЕС Россия перешла к «секьюритизации» ЕАЭС, все чаще рассматривая его в первую очередь как зону политического влияния».

В 2014–2019 гг. в ЕАЭС наблюдался регресс в свободном перемещении товаров между странами-членами по сравнению с 2011–2013 гг. Не имея возможности использовать тарифы и квоты, страны ЕАЭС прибегли к широкомасштабному использованию санитарного и ветеринарного контроля и административных барьеров для защиты своих политических и экономических интересов. «Давно обещанное создание общего органа санитарного и ветеринарного контроля остается отдаленной и нечеткой целью». Отмечаются и проблемы при создании единых рынков нефти, газа и электроэнергии, автор признает, что «ЕАЭС добился определенного прогресса в торговле услугами», а также «внес вклад в облегчение перемещения рабочей силы».

Резюмируется статья небольшим разделом, в котором рассмотрены перспективы ЕАЭС, приведем его целиком:

«Хотя ЕАЭС действительно обеспечивает некоторые ощутимые преимущества для граждан и биз-

166. Ibid.

неса, он ближе, чем когда-либо, к тому, чтобы стать нереализованной амбицией, поскольку несоответствие между ожиданиями государств-членов и реальностью растет, а нормативная база Союза выхолащивается».

Россия до сих пор упорно продолжает попытки двигать проект ЕАЭС вперед. Однако она все более склонна к использованию кнута, а не пряника в отношениях со своими партнерами, что снижает вероятность распада ЕАЭС, но делает углубление интеграции более проблематичным. «Без устранения “родовой травмы” ЕАЭС и если не начнется разрешение кризисных явлений в отношениях между ЕС и Россией, и США и Россией, ЕАЭС, видимо, обречен на инерцию и стагнацию»¹⁶⁷.

Еще одна публикация — *Wilson Center** (8) — посвящена встречам глав стран-членов СНГ и ЕАЭС, которые состоялись 20 декабря 2019 г. в Санкт-Петербурге. Ее автор напоминает, что ранее российский президент пригласил лидеров СНГ принять участие в этом саммите, а «приглашение Путина стало продолжением его призыва от 1 января 2018 г. к “более глубокому сопряжению форматов Евразийского экономического союза и Содружества Независимых Государств”»¹⁶⁸. Также, по мнению автора, «серия фильмов о русской революции 1917 г., которые транслировали перед президентскими выборами 2018 г. основные российские государственные телеканалы, своей трактовкой исторических событий дала сигнал о том, что Москва будет работать с теми странами СНГ, которые не присоединились к возглавляемым Россией интеграционным структурам, таким как ЕАЭС или ОДКБ — межгосударственный военный альянс, сформированный в рамках СНГ»¹⁶⁹.

В тексте отмечается, что в рамках саммита также поднимались вопросы, связанные с интерпретацией исторических событий. Путин, опираясь на архивные документы, активно полемизировал с резолюцией

Европарламента от 19 сентября 2019 г., в которой Россия была обвинена в «искажении исторических фактов». При этом, «несмотря на солидаризацию с Путиным в этом вопросе, некоторые страны СНГ и ЕАЭС недовольны позицией Москвы в отношении исторических и более современных событий». В качестве примеров приводятся Азербайджан и Армения. В Азербайджане многие считают несправедливым, что советские власти не удостоили Баку звания «Город-герой», хотя во время войны в азербайджанской столице добывалось 80% нефти, используемой СССР, и азербайджанская нефть имела решающее значение для победы СССР во Второй Мировой войне. В Армении недовольны Москвой из-за позиции по г. Нжде, в частности демонтажем мемориальной доски в его честь в Армавире.

«Наряду с символическими и историческими вопросами такого рода более значимыми источниками проблем для интеграционных процессов на постсоветском пространстве, возглавляемых Россией, являются серьезные политические и экономические препятствия, которые Москве трудно преодолеть. В частности, конфликты между отдельными странами СНГ истощают энергию Кремля. Пограничные конфликты и территориальные споры между Кыргызстаном, близким союзником России в ОДКБ и ЕАЭС, и другим союзником Москвы по ОДКБ, Таджикистаном, стали препятствием для вступления последнего в ЕАЭС»¹⁷⁰. В качестве самой трудноразрешимой проблемы назван Карабахский конфликт, так как для Азербайджана неприемлемо вступать в официальный союз с Арменией путем вступления в ЕАЭС либо в ОДКБ. Кроме того, Армения, являющаяся членом обеих организаций, угрожает воспользоваться своим правом вето, если Азербайджан попытается присоединиться к любой из них.

Еще одна «основополагающая проблема» заключается в том, что экономика России «плохо соответствует ее военной мощи и геополитическим амби-

167. Ibid.

168. Rahimov R. Moscow's Post-Soviet Integration Dreams: History, Economics Play Roles Fantasy // Wilson Center*, 09.01.2020.

Url: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/moscows-post-soviet-integration-dreams-history-economics-play-roles>

169. Ibid.

170. Ibid.

циям». А не обладая экономической привлекательностью, «Москве трудно, если не невозможно, притянуть страны СНГ, особенно экономически более благополучные, на свою орбиту».

«Есть и другие политические барьеры, которые стоят на пути официального слияния ЕАЭС и СНГ. Хотя страны СНГ, не входящие в ЕАЭС, тесно сотрудничают с Россией, они также настаивают на том, чтобы держаться подальше от ЕАЭС или ОДКБ. Председательство в Движении неприсоединения в 2019–2022 гг. является посланием в этом контексте. Лидер еще одной из стран — членов Движения неприсоединения, президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов, наградил исполнительного секретаря СНГ Сергея Лебедева орденом Нейтралитета, в качестве напоминания и символического подтверждения нейтралитета Туркменистана. Москва осознает тот факт, что она должна учитывать ограничения своих амбиций по расширению ЕАЭС и ОДКБ на остальную часть СНГ.

Российский эксперт С. Маркедонов полагает, что если Азербайджан присоединится к ЕАЭС, организация станет клоном СНГ и еще одной неэффективной структурой из-за споров с Арменией и связанных с этим разногласий и вето. Поэтому в качестве подоплеки сопряжения ЕАЭС и СНГ посредством таких инициатив, как совместный неформальный саммит, необязательно нужно рассматривать попытку Москвы расширить ЕАЭС, перенаправив туда лидеров СНГ. Логика заключается в том, чтобы пристально следить за странами ЕАЭС и СНГ, а не интегрировать эти две организации, а также создать хорошую картинку как для внутренней российской аудитории, так и для внешней»¹⁷¹.

В одном из докладов — *Institute for the Study of War (92)* — анализируется то, как Россия противостоит западным санкциям и в целом адаптируется к геополитическим реалиям, сложившимся после

2014 г. ЕАЭС в этом тексте упоминается более двадцати раз.

Так, в разделе с названием «Пределы власти Путина» отмечается, что Кремль нуждается в корректировке методов, с помощью которых распространяет свое влияние, что само по себе является отражением все больших ограничений его могущества. В частности, это проявляется в том, что Москва больше не может поддерживать тех политических игроков, которым отдает предпочтение, не встречая сопротивления.

«Те предложения, которые Кремль в состоянии сделать иностранным партнерам, ограничены, а в некоторых случаях невыгодны. Лишь немногие страны целенаправленно стремятся к членству в возглавляемых Россией организациях, таких как Евразийский экономический союз. Многие по-прежнему предпочитают партнерство с Западом или баланс между Россией и Западом — при наличии такой возможности», — говорится в докладе¹⁷².

В разделе под названием «Кремль опутывает Россию сетью союзов с целью укрепить де-факто ограниченную власть/влияние России» было отмечено, что возглавляемые Россией ЕАЭС и ОДКБ являются ключевыми узлами в сфере экономики и безопасности, соответственно, в сети союзов Кремля. Также «приоритетными для российской пропаганды» организациями являются СНГ, АСЕАН, БРИКС, ШОС, «Пояс и путь» и Африканский союз.

По мнению автора, «ЕАЭС не превратился в объединение, которое приносит значительную пользу своим членам. После того как договор о создании ЕАЭС вступил в силу в 2015 г., к нему не присоединился ни один новый член, несмотря на цель Путина включить в него все бывшие советские республики»¹⁷³. Путин перешел на более гибкую модель расширения ЕАЭС через Соглашения о свободной торговле в последние годы. Такой подход позволил Кремлю создать впечатление динамически развивающегося ЕАЭС и с 2016 года подписать Согла-

171. Ibid.

172. Bugayova N. Putin Offset The Kremlin`s Geopolitical Adaptations Since 2014 // Institute for the Study of War, September 2020. P. 25

Url: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/Putin%27s%20offset%20The%20Kremlin%27s%20Geopolitical%20Adaptations%20Since%202014.pdf>

173. Ibid. P. 41.

шения о свободной торговле с Вьетнамом, Ираном, Сингапуром и Сербией. Кремль стремится смягчить последствия санкций за счет диверсификации торговли и расширения влияния России в Азии и на Балканах. ЕАЭС ведет работу над дополнительными соглашениями о свободной торговле с Индией, Израилем, Египтом, Таиландом, Камбоджей и Индонезией. Путин также адаптирует ЕАЭС, для того чтобы эта организация служила инструментом влияния России на бывшее советское пространство. В 2017 г. Молдова стала наблюдателем в ЕАЭС, что позволило Путину сохранить связи с президентом Молдовы Игорем Додоном и поддерживать эти институциональные контакты даже во время регресса в российско-молдавских отношениях. Также Путин пытается привязать членов ЕАЭС к России с помощью общих финансовых и энергетических рынков¹⁷⁴. Автор называет в качестве одного из приоритетов Кремля, согласование между собой всех, связанных с Россией организаций. А «Большая Евразия», по его мнению, является еще одной «зонтичной» концепцией для связи в единое целое всех своих сетей, которую Кремль использует с 2016 г.

ЕАЭС был упомянут также в следующем контексте: «Путин и ведущие российские чиновники все

более активно стремятся к созданию общего гуманитарного пространства между Россией и Беларусью в рамках ЕАЭС и СНГ». Кремлевские чиновники используют термин «Единое гуманитарное пространство» для описания общего образовательного, научного, культурного и информационного пространства между Россией и другими странами — прежде всего постсоветского пространства¹⁷⁵.

Также в одном из разделов отмечается: «Риторика Кремля в отношении Европы смягчалась по мере того, как росла потребность Путина в отмене санкций и появились возможности «оторвать»/отдалить европейские государства от США. Так, например, развитие связей с европейскими государствами было включено возглавляемым Россией ЕАЭС в число приоритетов на 2020 г.»¹⁷⁶.

В докладе также отмечается, что значительный личный вклад Путина в улучшение отношений в Азии привел к укреплению связей со странами региона. ЕАЭС заключает дополнительные соглашения о торговле. Российские альтернативы SWIFT хотя и не имеют большой практической ценности, но расширяют сеть партнеров России. А РФ смогла привлечь новые страны, в том числе крупных игроков в Азии, к своим масштабным военным учениям¹⁷⁷.

Косвенные упоминания

Одна из статей Д. Тренина на сайте *Carnegie Endowment for International Peace* (3) посвящена российской политике на постсоветском пространстве после 2014 г., а также новым подходам Москвы на фоне политических кризисов 2020 г. в Беларуси, Кыргызстане и Нагорном Карабахе. Автор отмечает, что «после получения независимости от Москвы, все номинальные союзники России реализуют внешнюю политику, которую с гордостью называют многовекторной. ОДКБ, в которой лидирует Москва, является

альянсом лишь по названию... Что касается Евразийского экономического союза, то лишь немногим более чем таможенное соглашение, а ряд его государств-членов ведут бизнес с Китаем в том же или даже большем объеме, чем с Россией. В сфере культуры в последние три десятилетия русский язык уступает местным языкам и английскому»¹⁷⁸.

«Изначально Евразийский союз задумывался Путиным как мощный евразийский геополитический экономический и военный блок с численностью на-

174. Ibid. P. 43.

175. Ibid. P. 47–48.

176. Ibid. P. 48.

177. Ibid. P. 52.

178. Trenin D. Moscow's New Rules // Carnegie Endowment for International Peace, 12.11.2020. Url: <https://carnegieendowment.org/publications/83208>

селения в 200 миллионов человек. Сегодня это, по сути, экономическое соглашение, которое играет в целом полезную, но ограниченную роль, облегчая отношения между несколькими бывшими советскими республиками», — пишет эксперт. При этом сама Россия продемонстрировала нежелание становиться донором Союза, равно как и ее партнеры не хотят уступать часть своего суверенитета наднациональным органам, в которых доминировала бы Россия. Что положило конец чрезмерным амбициям одних и нереалистичным ожиданиям других¹⁷⁹.

В материале *Heritage Foundation* (6) рассмотрены угрозы «жизненно важным интересам США» со стороны России, которая названа «серьезной угрозой Соединенным Штатам и их интересам в Европе». В тексте сказано: «Россия по-прежнему враждебна Соединенным Штатам как в военной, так и в политической сфере, а ее усилия по подрыву институтов США и альянса НАТО продолжаются безостановочно». О ЕАЭС идет речь в разделе «Угроза региональной войны»: «Сегодня, как и в имперские времена, Россия пользуется пером и мечом, для того чтобы оказывать влияние. Пытаясь с помощью таких организаций, как Организация Договора о коллективной безопасности или Евразийский экономический союз, привязать столицы стран региона к Москве посредством ряда соглашений и договоров»¹⁸⁰.

Также ЕАЭС в этом материале упоминается в рамках анализа ситуации на Балканах. В частности отмечено, что Сербия является единственной европейской страной, которая имеет соглашение о свободной торговле с Россией, а также подписала торговое соглашение с ЕАЭС, несмотря на то, что ЕС предостерегал Белград от такого шага¹⁸¹.

В публикации *Wilson Center** (8) основной упор сделан на желательности более взвешенного и ком-

петентного анализа американо-российского диалога со стороны американского политического истеблишмента и экспертного сообщества для выстраивания более стабильных отношений между странами. Автор исходит из необходимости учета историко-культурных и ментальных факторов в понимании логики поведения российских элит во взаимоотношениях с постсоветскими странами в 1990–2010-е гг. Акцентируется внимание на том, что российское видение политики в «ближнем зарубежье» (в тексте “blizhnoe zarubezh’e” — *Р. Т., А. Ю.*) коренным образом отличается от американского и в целом от западного. Но осмысление его необходимо, так как не все внешнеполитические действия российского руководства за последние три десятилетия могут быть сведены к «постимперским амбициям» или необходимости сохранить «зону привилегированных интересов».

Автор полагает, что перезагрузка отношений администрации Обамы с Россией привела к ряду значительных успехов, однако не разрешила фундаментальных разногласий между США и Россией по поводу потенциального ограничения суверенитета государств, граничащих с Россией. При этом «Путин активизировал свои усилия по созданию евразийских интеграционных проектов, таких как Евразийский экономический союз, чтобы противостоять влиянию НАТО, ЕС и Америки/Запада. Противоречия были не только между Москвой и Вашингтоном; украинский кризис 2013–2014 гг. стал результатом нежеланием России смириться с более глубокими отношениями Украины с Европейским союзом и сопутствующей им потере российского влияния»¹⁸².

Еще один материал *Wilson Center** (8) посвящен серии кризисов в ближнем зарубежье, «которые застали Россию врасплох». Речь идет о Беларуси, конфликте между Арменией и Азербайджаном, а также о Кыргызстане. По мнению автора, на фоне пандемии

179. Ibid.

180. Russia. Assessing threats to U.S. vital interests // Heritage Foundation, 17.11.2021. Url: <https://www.heritage.org/2021-index-us-military-strength/assessing-threats-us-vital-interests/russia>

181. Ibid.

182. William H. Hill Kennan Cable No. 57: Rethinking U.S. Policy for Russia – and for Russia’s Neighborhood // Wilson Center*, September 2020. Url: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-57-rethinking-us-policy-russia-and-russias-neighborhood>

COVID-19 у России появилась возможность реализовать «ключевую цель внешней политики Путина» и «добиться признания со стороны Запада доминирующей, если не исключительной, ответственности» России за ситуацию в постсоветской Евразии. Правда, произошло это не из-за роста доверия и из-за нехватки ресурсов у самого Запада «для управления сложными кризисами на своей периферии»

Однако автор считает, что хотя кризисные ситуации настигли и «некоторых самых близких и верных партнеров России в рамках СНГ, Евразийского союза, ОДКБ и всех других постсоветских клубов», Москва реагировала очень медленно, ее реакция была неэффективной и не соответствовала масштабу вызовов¹⁸³.

В материале *RAND Corporation** (9) с анализом факторов, «провоцирующих путинскую Россию», даются рекомендации по более грамотному сдерживанию России. ЕАЭС упоминается в таком кон-

тексте: «Одна из давних проблем России — потеря своей сферы влияния. В одном из отчетов *RAND Corporation** в 2012 г. отмечалось, что “Москва постоянно добивается от своих соседей гарантий того, что они не присоединятся к Западу и пытается добиться признания со стороны Запада легитимности своей сферы влияния с ограниченным суверенитетом для заинтересованных входящих в нее стран”. Под Западом здесь подразумевается не только НАТО, но другие институты, такие как Европейский союз, с которым Москва пытается соперничать с помощью своего собственного Евразийского экономического союза. В этом контексте в сферу влияния России входят в основном соседние бывшие советские республики, население которых имеет разную степень лояльности и этнических связей с Россией. Один из способов, с помощью которого Россия пытается сохранить контроль над своим ближайшими соседями... это “политика поддержки соотечественников”»¹⁸⁴.

2.10. Внутренние процессы в ЕАЭС

Косвенные упоминания

В статье *Carnegie Endowment for International Peace* (3) рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются страны Южного Кавказа и Центральной Азии из-за пандемии коронавируса. Анализируя долгосрочные последствия для стран этих двух регионов, автор указывает, что они столкнулись с беспрецедентными вызовами для политических систем, экономики, обществ и международных отношений. Причем сейчас Запад отвлечен собственными проблемами, однако и Россия — также из-за сложившейся с пандемией ситуацией — не может в полной мере этим воспользоваться. По мнению автора,

«Экономический спад во всем регионе, причиной которого стал коронавирус, скорее всего будет иметь долгосрочные последствия и для российского Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В разгар пандемии Казахстан выразил несогласие с предложенным Москвой проектом стратегии развития евразийской интеграции до 2025 г. На фоне снижения спроса на газ во всем мире, Москва и Ереван снова начали ссориться из-за цен на газ, а закрытые границы и нарастающие экономические проблемы привели к тому, что перспектив для трудовых мигрантов в России практически не осталось, что уменьшило

183. Antonenko O. A Chain of Crises in Russia's "Near Abroad" Catches Moscow by Surprise // Wilson Center*, 09.10.2020.

Url: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/chain-crises-russias-near-abroad-catches-moscow-surprise>

184. Pezard S., Rhoades A. L. What Provokes Putin's Russia? Deterring Without Unintended Escalation // RAND Corporation*, 2020. P. 5.

Url: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PE300/PE338/RAND_PE338.pdf

возможности Москвы использовать свой ключевой рычаг влияния на более слабые страны ЕАЭС и те государства, которые могут стать членами ЕАЭС в перспективе»¹⁸⁵.

В индексе экономической свободы за 2020 г. от *Heritage Foundation* (6) ЕАЭС упоминается в разделе, где представлены данные по странам отдельно. В частности в справочной информации, посвященной Армении¹⁸⁶, Беларуси¹⁸⁷ и Кыргызстану¹⁸⁸, указано, что эти страны являются членами ЕАЭС, а также отмечено, что правительство Кыргызстана использовало финансовые субсидии Евразийского экономического союза для развития таможенной, санитарной и экономической инфраструктуры.

В большом сборнике статей, посвященном ВТО, подготовленном *Centre for Economic Policy Research* и опубликованном *Mercatus Center* (23), ЕАЭС упоминается в главе с анализом субсидирования различных отраслей промышленности, которые предприняли разные страны, как ответ на пандемию COVID-19. В частности авторы пишут об отмене импортных пошлин со стороны ЕАЭС на некоторые товары, используемые для производства медикаментов и медицинских изделий, необходимых для борьбы с COVID-19. Причем наряду с некоторыми аналогичными решениями, принятыми Российской Федерацией, такое вмешательство названо «вредным», поскольку благоприятствуют национальным кампаниям в ущерб

иностранным¹⁸⁹. Также в одной из статей этого сборника отмечается, что среди мер, которые могут помочь в физическом дистанцировании, необходимым в качестве профилактики распространения COVID-19, является использование цифровых или безбумажных инструментов в торговле. Среди примеров, приведен и такой: «Евразийская экономическая комиссия также предоставляет возможность получения электронной копии сертификата происхождения товаров, импортируемых из развивающихся и наименее развитых стран»¹⁹⁰.

В материале *International Food Policy Research Institute* (60) анализируются негативные последствия для продовольственной безопасности после введения торговых ограничений на поставки риса и пшеницы. В этом контексте вскользь упоминается и решение Коллегии Евразийской экономической комиссии, а также правительств отдельных стран бывшего Советского Союза о запрете на экспорт пшеницы¹⁹¹.

На сайте *American Foreign Policy Council* (100) опубликована видеозапись онлайн-форума «Стресс-тест для Евразийского экономического союза», организованного *Central Asia-Caucasus Institute*. В рамках которого эксперт этого института М. Церетели выступил с презентацией-докладом, посвященном истории, а также экономическим показателям деятельности ЕАЭС¹⁹².

185. Stronski P. Coronavirus in the Caucasus and Central Asia // Carnegie Endowment for International Peace, 08.07.2020.

Url: <https://carnegieendowment.org/2020/07/08/coronavirus-in-caucasus-and-central-asia-pub-81898>

186. 2020 Index of economic freedom // Heritage Foundation, 2020. P. 118. Url: https://www.heritage.org/index/pdf/2020/book/index_2020.pdf

187. Ibid. P. 134.

188. Ibid. P. 292.

189. Revitalising Multilateralism Pragmatic Ideas for the New WTO Director-General / Ed. by S.J. Evenett and R. E. Baldwin // Centre for Economic Policy Research, 2020. P. 205. Url: https://www.mercatus.org/system/files/revising_multilateralism.pdf

190. Ibid. P. 133.

191. Sulser T., Dunston Sh. COVID-19-related trade restrictions on rice and wheat could drive up prices and increase hunger // International Food Policy Research Institute, 15.05.2020. Url: <https://www.ifpri.org/blog/covid-19-related-trade-restrictions-rice-and-wheat-could-drive-prices-and-increase-hunger>

192. CACI Online Forum with Recording: Stress Test for the Eurasian Economic Union // American Foreign Policy Council, 28.05.2020.

Url: <https://www.afpc.org/news/events/CACIOnlineForum>

РАЗДЕЛ 3

ЕАЭС в материалах западноевропейских
«фабрик мысли» в 2020 г.

3.1. «Большая Евразия», «Пояс и путь», российско-китайские отношения

Прямые упоминания

Доклад *Netherlands Institute of International Relations (Clingendael)* (3) посвящен китайско-российским отношениям в Центральной Азии. Авторы считают, что Центральная Азия, наряду с Восточной Азией и Арктикой, является точкой пересечения геополитических интересов Пекина и Москвы. Что, с одной стороны, лежит в основе сотрудничества и «стратегического партнерства», а с другой — является потенциальной причиной конфликтов и конкуренции в регионе, который обе страны считают «своим стратегическим задним двором». И именно Центральную Азию можно рассматривать как модель многополярного мира, демонстрирующую, как он может развиваться в глобальном масштабе¹⁹³.

ЕАЭС упоминается в контексте создания «Большой Евразии» и развития «Большого евразийского партнерства, которое «предусматривает формирование многоуровневой сети зон свободной торговли и интеграционных инициатив на всем обширном евразийском пространстве (с участием стран ЕАЭС и СНГ, наряду с Китаем, Индией, Пакистаном и Ираном)». А в качестве основной цели партнерства указано «сопряжение ЕАЭС с инициативой “Пояс и путь”, которые совокупными усилиями могут создать “гравитационное притяжение, которое позволит им захватить геоэкономические рычаги влияния, создав альтернативу западноцентричной модели”. Россия заявила, что новая модель партнерства открыта для всех стран и организаций (включая ЕС), но на самом деле доминирующая тенденция — поворот на Восток»¹⁹⁴.

Авторы отмечают, что ЕАЭС в качестве модели использует ЕС и подчеркивают, что в центре китай-

ско-российского партнерства в регионе находится экономика, о чем не раз говорили лидеры двух стран. «На первый взгляд экономические подходы, которые предлагаются возглавляемым Россией ЕАЭС и китайской инициативой “Пояс и путь” в Центральной Азии, могут показаться взаимодополняющими... Однако на деле с этим “экономическим союзом” все не так однозначно. Цель России по сопряжению (в английском тексте наряду со словом “alignment” приведен также транслитерированный вариант “soryazhenie” — Р. Т., А. А.) между “Поясом и путем” и ЕАЭС хорошо согласуется с ее стремлением к созданию Большого Евразийского партнерства, которое на более глубоком уровне отражает стремление России к “Большой Евразии”... Подключение ЕАЭС к “Поясу и пути” позволило бы России занять центральное место в проекте и получать инвестиции в инфраструктуру региона (например, в Евразийский транспортный коридор). Еще одним важным преимуществом партнерства стало бы то, что оно позволило бы России немного сильнее “зажать” Китай и “Пояс и путь”, чтобы компенсировать растущее экономическое влияние Китая в Центральной Азии»¹⁹⁵.

Для Китая же, который через свой «Пояс и путь» стремится расширить влияние в регионе, сопряжение этой инициативы с ЕАЭС является менее важным. «Россия неоднократно выступала с предложениями о создании единого торгового блока ЕАЭС, который запрещал бы государствам-членам заключать соглашения с третьими сторонами, и столкнулась с сильным сопротивлением со стороны центральноазиатских правительств. Китай же предвидел это на стратегическом уровне, предложив странам региона

193. Hofstee G., Broeders N. Multi-dimensional chess: Sino-Russian relations in Central Asia // Netherlands Institute of International Relations, November 2020. P. 2. Url: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2020-11/Strategic_Alert_Sino-Russian_relations_November_2020.pdf

194. Ibid. P. 6.

195. Ibid. P. 8.

двусторонние сделки. Более того, Пекин скептически относится к потенциалу развития протекционистского ЕАЭС. Поэтому он рассматривает многостороннее региональное экономическое сотрудничество в рамках ШОС как более выгодное, чем сопряжение “Пояса и пути” и ЕАЭС в рамках Большого Евразийского партнерства»¹⁹⁶.

Также в тексте отмечается, что исторически так сложилось, что мягкая сила России в странах региона была значительной, позже она усилилась благодаря языковой политике и масштабными потоками трудовой миграции. А «сегодня Россия в культурном плане наиболее тесно связана с такими бывшими советскими государствами, как Казахстан (ОДКБ; ЕАЭС); Кыргызстан (ОДКБ; ЕАЭС) и Таджикистан (ОДКБ) и в несколько меньшей степени с Узбекистаном и Туркменистаном». И, несмотря на то, что националистические настроения в этих постсоветских странах растут, Россия по-прежнему пользуется значительной общественной поддержкой в Центральной Азии¹⁹⁷.

Коллективная монография *Italian Institute for International Political Studies (11)* посвящена политике России в различных регионах мира. Во введении отмечено, что все вызовы, с которыми РФ сталкивалась в последние 20 лет, не помешали ей проводить все более решительную внешнюю политику. «Спустя более чем четверть века после распада СССР ясно, что восстановление Россией своего статуса великой державы стало главной целью Президента Путина на протяжении всего его двадцатилетнего правления страной»¹⁹⁸. При этом на свое ближайшее зарубежье Россия стремится оказывать влияние наиболее явно.

Одна из глав посвящена концепции Большой Евразии. Эта концепция, по мнению автора, «является главным стратегическим ориентиром российской внешней политики», контуры которой, правда, все

еще в значительной степени не определены, если не противоречивы. «В частности, трудно четко определить ее связь с другими российскими интеллектуальными и политическими проектами последнего времени, такими как евразийство, Евразийский экономический союз и “Поворот на Восток”». Особое внимание российского руководства к идее Большой Евразии и внимание к ней со стороны исследователей говорит об актуальности идеи. При этом «роль евразийства в Большой Евразии привлекает международное внимание и даже вызывает определенную тревогу: действительно евразийство можно интерпретировать как культурное и геополитическое оправдание российского империализма, занявшее то место, которое играл марксизм-ленинизм в советское время»¹⁹⁹.

Автор напоминает о предложении Р. Проди создать единое экономическое пространство между ЕС и Россией, а также российский проект Большой Европы от Лиссабона до Владивостока, однако, по его мнению, даже во времена «медового месяца» в отношениях России и ЕС, Москва не была полностью готова принять нормы и стандарты ЕС, а ухудшение отношений между Евросоюзом и Россией сделали такое развитие событий еще менее реалистичным. А когда Москва начала реализовать собственный евразийский интеграционный проект, то Запад к нему отнесся и с пренебрежением, и с тревогой. Результаты этого проекта достаточно скромные, а его развитие сдерживает невозможность включить в состав ЕАЭС Украину, развернувшуюся на Запад. «Соперничество между Евразийским проектом России и европейским Восточным партнерством следует рассматривать как главную причину украинского кризиса и конфликта между Россией и Западом»²⁰⁰.

Также автор пишет о нежелании Беларуси и Казахстана участвовать в политическом и эконо-

196. Ibid.

197. Ibid. P. 11.

198. Forward to the past? New/Old Theatres of Russia's International Projection/ ed. by A. Ferrari and E. Tafuro Ambrosetti // Italian Institute for International Political Studies, 2020. P.7. Url: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/isp_i_report_russia_2020_final.pdf

199. Ibid. P. 33.

200. Ibid. P. 34.

мическом сотрудничестве в рамках ЕАЭС, что ослабляет интеграционные процессы, а вступление в ЕАЭС экономически и политически слабых государств, таких как Армения и Кыргызстан, вряд ли изменило эту ситуацию. «Хроническая экономическая слабость России и неуверенность многих постсоветских стран в необходимости полномасштабного присоединения к проекту, в котором в значительной степени доминирует Москва, затрудняют реализацию ЕАЭС его первоначальных целей. Кроме того, Евразийскому интеграционному проекту также приходится иметь дело с гораздо более динамичной инициативой “Пояс и путь”, выдвинутой Пекином в 2013 г.». При этом сближение с Китаем для России характеризуется как вынужденное на фоне украинского кризиса и ухудшения отношений с Западом²⁰¹.

Приведен фрагмент известного выступления В. Путина на Петербургском международном экономическом форуме в 2016 г., где российский президент говорил о перспективах создания Большой Евразии и роли ЕАЭС в этом проекте. Автор пишет: «Концепция Большой Евразии представлена Путиным как развитие ЕАЭС и не исключает сотрудничества с Европой, отнюдь нет. Однако очевидно, что акцент делается уже не на центральной роли российско-европейских отношений, а на возможности того, что Европа также примет участие в более масштабном евразийском проекте, ориентированном в основном на Россию и Китай. Очевидно, что это изменение имеет огромное значение»²⁰².

Отмечается, что реализация проекта Большая Евразия должна способствовать развитию Дальнего Востока России, потенциал которого остается нереализованным, однако попытка сделать ЕАЭС ядром развития проекта пока дает весьма ограниченные результаты²⁰³. И хотя Россия играет доминирующую роль в ЕАЭС, в Большой Евразии ее роль

явно меньше, в первую очередь из-за превосходства Китая²⁰⁴.

ЕАЭС кратко упоминается и в главе, посвященной российской политике в Латинской Америке. Где идет речь о Союзе как одном из приоритетом российской внешней политики, а также о некоторых примерах выстраивания отношений между странами Латинской Америки, в частности Чили и Перу, и ЕАЭС, а также о предварительных переговорах между ЕАЭС и Меркосур²⁰⁵.

В статье сотрудника *Stiftung Wissenschaft und Politik (27)*, опубликованной в журнале *International Politics* анализируется роль и место Китая в российской и китайской интеграционных инициативах в Евразии. Автор обращает внимание на геостратегическое положение Казахстана — крупнейшей страны в мире, не имеющей выхода к морю, который может стать ареной новой «Большой игры» между Китаем и Россией. Что может «пролить свет» на взаимодействие между евразийскими мегапроектами Москвы и Пекина — «ЕАЭС как более институализированной формы межгосударственного сотрудничества, а инициативы «Пояс и путь» — как более рыхлой концепции трансграничных связей»²⁰⁶. Также отмечается, что Казахстан, являясь ключевым транзитным хабом для Китая, входит в ЕАЭС — региональный интеграционный проект, который должен снижать таможенные пошлины и устранять нетарифные барьеры между государствами-членами. Что открывает Казахстану доступ к более широкому региональному рынку, одновременно защищая отечественную промышленность от импортной китайской продукции с низкими ценами.

«С точки зрения тарифной политики ЕАЭС является инструментом сдерживания экономического влияния Китая в регионе, поскольку он привязывает страны, импортирующие и получающие инвестиции из Китая,

201. Ibid. P. 35.

202. Ibid. P. 39.

203. Ibid. P. 40.

204. Ibid. P. 45.

205. Ibid. P. 121.

206. Pieper M. The linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian economic union between Russia's defensive regionalism and China's new Silk Roads // Springer Link, 11.05.2020. Url: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41311-020-00244-6>

такие как Казахстан, к действующим правилам таможенного союза»²⁰⁷. В тексте упоминается доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», в котором отмечается, что сопряжение российского и китайского интеграционных проектов может создать «Момент центральной Евразии», а также перечисляются шаги, сделанные Россией и Китаем для углубления сотрудничества в этом направлении.

В то же время автор пишет: «По неофициальным данным, Россия — доминирующий игрок в ЕАЭС — не заинтересована в развитии ЗСТ между ЕАЭС и Китаем». Компромисс же был найден в декларации от мая 2015 года, где в одном из пунктов говорится о зоне свободной торговли с Китаем, как об «отдаленной цели». Правительство Назарбаева также не особо поддерживало идею создания этой ЗСТ. А Москва, «благодаря своему доминирующему положению в ЕАЭС получила право вето» на взаимодействие Казахстана с проектом «Экономический пояс Шелкового пути», и там где Китай предпочел бы двусторонние соглашения, Россия пытается навязать многосторонние переговоры в рамках ЕАЭС. «Еще одной проблемой может стать возникновение китайского “тройного коня” в рамках ЕАЭС: китайское экономическое присутствие в Казахстане может позволить Китаю “проникнуть” в ЕАЭС, поскольку Казахстан может лоббировать интересы Китая (например, при принятии нормативных положений регулирующих правила конкуренции или технические стандарты)»²⁰⁸.

Автор отмечает, что между Казахстаном и Россией также возникли разногласия по поводу действий России в рамках ЕАЭС: президент Назарбаев

раскритиковал “политизацию” Евразийского экономического союза и сопротивлялся попыткам России предоставить ЕАЭС больше полномочий в вопросах безопасности и обороны. А членство в ЕАЭС привело к неоднозначным результатам для Казахстана, в том числе из-за осложнившейся в 2014–2015 гг. геополитической обстановки. Рычаги влияния, которыми обладает Россия в ЕАЭС, беспокоят казахстанскую элиту. «На замечание Назарбаева о том, что его страна также может покинуть ЕАЭС, если независимость Казахстана окажется под угрозой, Путин отреагировал в августе 2014 г., подчеркнув территориальную искусственность Казахстана, что было истолковано как не очень тонкий намек на то, что территориальная целостность Казахстана может рассматриваться как условная (и, следовательно, может быть пересмотрена, как на Украине)»²⁰⁹.

В заключение отмечается, что с точки зрения Казахстана, участие в Евразийском экономическом союзе, а также его важность для новых проектов Китая могут иметь прямые экономические выгоды. Членство в ЕАЭС гипотетически снижает таможенные пошлины и нетарифные барьеры между государствами-членами и открывает Казахстану доступ к более широкому региональному рынку. Также страна зарабатывает на транзите товаров из Китая в ЕАЭС, при этом Казахстан критиковал политизацию ЕАЭС. «В то же время доминирование России в ЕАЭС может помочь Казахстану противостоять давлению Китая (за этим наблюдением с интересом следят в соседнем Узбекистане, где в настоящее время изучаются последствия возможного членства в ЕАЭС)»²¹⁰.

Косвенные упоминания

Один из докладов *Bruegel (1)* подготовлен совместно с *Kiel Institute for the World Economy (39)* по запросу Комитета по международной торговле Европарламента и посвящен анализу торгово-эко-

номических отношений между ЕС и Китаем. ЕАЭС упомянут в небольшом подразделе «Китай и Россия» и связан с инициативой «Пояс и путь». В частности, отмечено, что экономическое и политическое возвы-

207. Ibid.

208. Ibid.

209. Ibid.

210. Ibid.

шение Китая, в том числе в Центральной Азии, является вызовом для китайско-российских отношений, однако страны ведут взаимовыгодное сотрудничество. Для Китая взаимодействие с Россией важно, так как «части экономической инициативы “Пояс и путь” (преимущественно железнодорожные пути) проходят либо напрямую через Россию, либо через бывшие советские страны, являющиеся членами таможенного союза с Россией (Евразийский экономический союз)»^{211, 212}.

В одной из частей доклада под названием «Глобальный порядок в тени коронавируса: Китай, Россия и Запад», подготовленного сотрудником *French Institute of International Relations (4)* и изданного *Lowy Institute*, ЕАЭС упомянут несколько раз, главным образом как незападная многосторонняя структура и в контексте взаимодействия России и Китая. Автор считает, что Москва сыграла незначительную роль в расширении «Пояса и пути» в Евразии, а китайцы рассматривают Россию скорее как потенциальное препятствие. При этом, по его мнению, соглашение в мае 2015 г. между Экономическим поясом Шелкового пути и «путинским» ЕАЭС было разработано, чтобы развеять опасения России по поводу стратегического вытеснения из региона. «С тех пор Пекин подыгрывал Кремлю в построении Большой Евразии, чтобы удержать Москву на своей стороне»²¹³.

В другой части доклада отмечено, что мировой экономический кризис 2008 г. показал уязвимость Запада и построенной им системы управления и при этом устойчивость Китая. Отмечены и другие неудачи Запада, включая кризисы в Ираке, Афганистане

и Ливии. «С тех пор для незападных держав стало нормой претендовать на большее влияние в международных институтах, таких как МВФ и Всемирный банк, и продвижение собственных инициатив, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), “Пояс и путь”, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство и Евразийский экономический союз (ЕАЭС)»²¹⁴.

А ряд евразийских проектов автор оценивает следующим образом: БРИКС — структура «скорее представительская, чем реально работающая», ШОС — организация, которая «добилась немногого», а «путинский Евразийский экономический союз с трудом набирает обороты»²¹⁵.

Один из обзоров, выполненных в рамках проекта *Konrad-Adenauer-Stiftung (7)*, включающего серию публикаций и мероприятий по оценке последствий и вызовов для евроатлантической и евразийской безопасности, образовавшихся в результате пандемии коронавируса, посвящен стратегической оценке ШОС как региональной интеграционной площадки в Евразии. ЕАЭС в публикации упомянут один раз при оценке геополитических реалий региона: «В то время как общий тон официальных заявлений подчеркивает приверженность правительств многостороннему подходу к региональному порядку, посылаются противоречивые сигналы в связи с конкурирующими региональными и геополитическими интересами государств-членов. Ведомый Россией Евразийский экономический союз и китайская инициатива “Пояс и путь” направлены на укрепление сферы влияния каждой из сторон в регионе»²¹⁶.

211. EU-China trade and investment relations in challenging times // Bruegel, May 2020. P. 36. Url: https://www.bruegel.org/wp-content/uploads/2020/10/EXPO_STU2020603492_EN.pdf

212. EU-China trade and investment relations in challenging times // Kiel Institute for the World Economy, May 2020. P. 36. Url: https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateiverwaltung/IfW-Publications/Wan-Hsin_Liu/EU-China_trade_and_investment_relations_in_challenging_times/EU-China_trade_and_investment_relations_in_challenging_times.pdf

213. Lo B. Global Order in the Shadow of the Coronavirus: China, Russia, and the West // French Institute of International Relations, July 2020. P. 16–17. Url: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/global_order_coronavirus_lo.pdf

214. Ibid. P. 21.

215. Ibid. P. 32.

216. Меркле Д. ШОС: между региональной интеграцией и расходящимися интересами в Евразии // Фонд Конрада Аденауэра, 15.07.2020. С. 2. Url: https://www.kas.de/documents/285805/9398709/2020-07-15_MD-KAC_Коронакратия_Оценка-14_Меркле.pdf/d69fe0d8-f7c1-1295-5241-450448bb9081?version=1.0&t=1594890175660, англ версия: Merkle D. SCO: navigating between regional integration and diverging national interests in Eurasia // Konrad-Adenauer-Stiftung, 15.07.2020. Url: https://www.kas.de/documents/285805/9398709/2020-07-15_MD-KAS_HandCOVD_Insight-14_Merkle.pdf/3fb93502-9b1b-dece-b083-a2388ceab189?version=1.0&t=1594890136788

Еще в одной публикации *Konrad-Adenauer-Stiftung (7)* с анализом внешней политики Канады отражены и вопросы российско-китайского сотрудничества. Авторы пишут о новом порядке, при котором Россию и Китай сближает отказ от западных ценностей. Правительства этих стран, в понимании аналитиков, заботится о воспроизводстве собственного режима, основанного на власти сильного лидера. «Если в международных организациях невозможно провести кооптацию, как в случае с ВОЗ, или они парализованы, как Совет Безопасности ООН, тогда параллельно могут быть созданы структуры для установления альтернативного порядка, такие как Евразийский экономический союз или Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (к которому Канада официально присоединилась в 2018 г.)»²¹⁷, — говорится в тексте.

В четвертом издании доклада *The Berlin Pulse, подготовленного Koerber Foundation (73)*, проведен анализ перспектив ряда направлений внешней политики Германии. Евразийский экономический союз упомянут в одной из структурных частей исследования, которая посвящена вызовам для Европы в свете российско-китайских связей. Ее автор — эксперт Московского центра Карнеги А. Габуев. Он напоминает, что и Россия, и Китай находятся в конфронтации с Западом. Москва после введения санкций из-за

украинских событий углубляет свое взаимодействие с Пекином, а тот в свою очередь «пользуется поддержкой Москвы в модернизации Народно-освободительной армии и рассматривает возглавляемый Россией Евразийский экономический союз как испытательный полигон для геоэкономического порядка, в котором доминируют китайские технические стандарты. Экономическая экспансия Китая в России обусловлена западными санкциями. По иронии судьбы, она происходит за счет европейских, особенно немецких, предприятий»²¹⁸.

Он также полагает, что «укрепление китайско-российской оси противоречит интересам Запада. Во-первых, ресурсы, предоставляемые Россией Китаю, такие как новейшие вооружения и помощь в фундаментальных исследованиях, помогают Пекину чувствовать себя увереннее. Во-вторых, поскольку Москва становится все более зависимой от Пекина, существует риск того, что две столицы начнут работать в тандеме в таких регионах, как Восточная Европа или Арктика, а также тесно координировать свои действия в вопросах глобального масштаба. Наконец, Россия и ЕАЭС, прочно вписавшиеся в Pax Sinica, помогут Пекину расширить сферу своего влияния на континентальную Евразию — и это снизит способность России сохранять стратегическую автономию и, таким образом, снизит ее шансы на поступательную политическую трансформацию в будущем»²¹⁹.

217. Collins J.F., Majumdar S., Miller J.B. From Middle to Major Power: Correcting Course in Canadian Foreign Policy // Konrad-Adenauer-Stiftung, December 2020. P. 13. Url: <https://www.kas.de/documents/252038/7995358/From+Middle+to+Major+Power.+Correcting+course+in+Canadian+foreign+policy+%28PDF%29.pdf/54c6dd09-45f4-2c1b-7878-797b81b07e99?version=1.1&t=1608279644026>

218. The Berlin Pulse: German Foreign Policy in Perspective // Koerber Foundation, November 2020. P. 32. Url: https://koerber-stiftung.de/site/assets/files/18573/koerber_theberlinpulse_web_20201118.pdf

219. Ibid. P. 45

3.2. Центральная Азия

Прямые упоминания

Авторы доклада *Friedrich-Ebert-Stiftung* (6) о новой стратегии ЕС в отношении Центральной Азии отмечают, что при анализе подходов Евросоюза в регионе необходимо учитывать деятельность и интересы «третьей стороны». В рамках такой логики они выделяют три наиболее важные и актуальные «третьи стратегии» в регионе. Это инициатива Китая «Один пояс — один путь», «Евразийский экономический союз во главе с Россией». И формат С5+1 для диалога между Соединенными Штатами и государствами Центральной Азии, который «представляется менее влиятельным»²²⁰.

ЕАЭС посвящен отдельный небольшой подраздел. В нем напоминает, что «Евразийский экономический союз во главе с Россией — другой мощный проект, созданный для региона Центральной Азии, а также для других постсоветских государств. Казахстан, наряду с Беларусью, стал одним из членов — основателей ЕАЭС. Кыргызстан присоединился к ЕАЭС в 2015 г. после двухлетних интенсивных дискуссий в обществе и бизнес-сообществе о потенциальных издержках и выгодах от вступления страны в ЕАЭС. В последнее время Узбекистан также начал обсуждать внутри страны возможность присоединения к ЕАЭС. Результаты членства в недавно созданном Экономическом союзе как для Казахстана, так и для Кыргызстана пока неоднозначны. Казахстан выражал озабоченность по поводу того, что различные инициативы и меры политики в ЕАЭС более выгодны Москве, а Кыргызстан регулярно сетовал на несбалансированные условия сотрудничества как с Москвой, так и с Нур-Султаном. В союзе пяти стран (Армения стала пятым членом ЕАЭС незадолго до вступления в него Кыргызстана) значительной про-

блемой, как и следовало ожидать, стала огромная мощь России. Объемы торговли и экономики всех пяти остальных государств-членов, вместе взятых, по-прежнему эквивалентны лишь малой толике российских»²²¹.

В тексте также отмечено, что активизация работы ЕАЭС совпала с резким ухудшением отношений между Россией и западными странами на фоне украинского кризиса. «Столкнувшись с широкомасштабными санкциями и свертыванием политических контактов, Россия попыталась сделать ЕАЭС «запасным вариантом» в экономическом и политическом плане. Однако кризис в отношениях России с Западом имел негативные последствия для государств Центральной Азии». Сегодня, несмотря на сложности, возникшие в начале деятельности ЕАЭС, проект открыт к сотрудничеству с другими странами, в частности с Ираном и Турцией, а также с Китаем и его проектом «Пояс и путь», хотя «большинство наблюдателей не видело возможностей для наведения мостов между ЕАЭС и проектом «Один пояс — один путь»»²²².

Авторы напоминают, что Китай и Россия, «главные движущие силы» «Пояса и пути» и ЕАЭС, «стоят и за другими инициативами, имеющими значение для Центральной Азии — такими, как ШОС и ОДКБ». При этом «ОДКБ однозначно воспринимается как российская инициатива, служащая прежде всего российским интересам — в большей степени, нежели ЕАЭС»²²³.

Во втором издании коллективной монографии казахстанских и немецких экспертов с анализом экономических преобразований в Казахстане, выпущен-

220. Стратегия ЕС в Центральной Азии: К успешной реализации новой стратегии // Фонд им. Фридриха Эберта, Март 2020. С. 9.

Url: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16167.pdf>

221. Там же. С. 9–10.

222. Там же. С. 10.

223. Там же.

ной *Konrad-Adenauer-Stiftung* (7) на русском, казахском и немецком языках в 2019 г. и на английском в 2020 г. ЕАЭС упоминается более 150 раз.

В контексте освоения Казахстаном новых рынков отмечается: «Несмотря на членство в Евразийском экономическом союзе, Россия остается сложным партнером для казахстанского экспорта, поскольку сама Россия постоянно ищет новые рынки сбыта. В этом смысле Россия также всегда использует структуры внутреннего рынка ЕАЭС для собственной выгоды, что болезненно ощущают на себе многие малые предприятия в Казахстане с 2015 г. Со снижением цен на рынках сырья с 2014 по 2017 г. и из-за санкций против России, связанных с конфликтом на востоке Украины, эта тенденция усугубилась»²²⁴. Одна из статей этого издания называется «Перспективы и риски Евразийского экономического союза», ее автор В. Додонов анализирует основные макроэкономические показатели за период существования Таможенного союза и ЕАЭС. По его мнению, наиболее перспективными направлениями развития экономической сферы на уровне ЕАЭС стали:

- активизация основных экономических процессов в рамках союза на основе создания общих рынков товаров, услуг, трудовых ресурсов и капитала, что позволит существенно повысить оборот основных факторов производства, увеличить уровень конкуренции, снизить транзакционные издержки бизнес-процессов внутри ЕАЭС;
- повышение эффективности бизнес-среды и улучшение условий ведения бизнеса за счет конкуренции юрисдикций между отдельными странами ЕАЭС, которая будет стимулировать постоянную модернизацию институциональной, правовой и регулятивной среды;
- повышение инвестиционной привлекательности производств, ориентированных на расширяю-

щийся внутренний рынок, и рост иностранных инвестиций в несырьевые отрасли, что позволит ускорить модернизацию и диверсификацию экономики, а также усилить позиции местных производителей на внутреннем и внешнем рынках;

- увеличение внешнеторгового оборота с третьими странами за счет создания между ними и ЕАЭС специальных торговых режимов, и роста интереса к более крупному общему рынку союза у зарубежных торговых партнеров»²²⁵.

Также автор выделяет и основные риски, с которыми сталкивается и может столкнуться в будущем Евразийский экономический союз:

- «внутренние противоречия в части экономических интересов;
- усиление конкуренции на внутренних рынках и лоббирование национальным бизнесом различных протекционистских мер в отношении конкурентов из стран ЕАЭС, противоречащих нормам экономического союза;
- поспешность и/или недостаточная подготовленность шагов по углублению интеграционных процессов, способная привести к ухудшению бизнес-климата, нанести ущерб экономическим интересам отдельных стран и вызвать отторжение идей интеграции у бизнеса и населения;
- фактическое невыполнение базовых принципов функционирования экономического союза;
- повышение роли политических факторов в деятельности ЕАЭС и ограничение суверенитета стран-участниц»²²⁶.

Отдельно анализируются и результаты вступления Казахстана в ЕАЭС. В числе позитивных отмечены:

- «привлечение в страну стратегических иностранных инвесторов и создание крупномасштабных высокотехнологичных производств, ориентированных на общий рынок ЕАЭС;

224. Трансформация экономики Казахстана // Фонд Конрада Аденауэра, 2019. С. 49. Url: https://www.kas.de/documents/266501/266550/Book_RUS_final.pdf/2310040c-298d-1c7d-a8b6-cc375ea011c7?version=1.0&t=1570186733047; англ. версия: The Transformation of Kazakhstan's Economy // Konrad-Adenauer-Stiftung, 2020. Url: https://www.kas.de/documents/266501/0/Book_ENG.pdf/cc37ea7d-b2fa-f67d-2485-37d4939c984f?version=1.0&t=1595319835106

225. Там же. С. 146–147.

226. Там же. С. 149.

- рост несырьевого экспорта в страны ЕАЭС и снижение на этой основе зависимости экономики от волатильности мировых сырьевых рынков;
- снижение уязвимости к внешним шокам и наращивание возможностей противостояния кризисам за счет укрепления антикризисных институтов ЕАЭС и других наднациональных структур союза;
- доступ к общим рынкам услуг, труда и капитала ЕАЭС как для казахстанских поставщиков товаров и услуг, так и для потребителей соответствующей продукции, а также для работников;
- улучшение качества и цен, предлагаемых на внутреннем рынке Казахстана товаров и услуг за счет усиления конкуренции с поставщиками из стран ЕАЭС;
- дальнейшая активизация торговли и ее положительное влияние на экономический рост;
- возможности осуществления согласованных действий стран ЕАЭС на рынках третьих стран и в целом на мировом рынке с целью повышения эффективности внешнеэкономической деятельности»²²⁷.

Отмечены и определенные риски пребывания Казахстана в ЕАЭС:

- «• утрата позиций казахстанским бизнесом на внутреннем рынке под давлением конкурентов из других стран ЕАЭС, имеющих лучшие финансовые и технологические возможности;
- вымывание квалифицированных трудовых ресурсов в страны ЕАЭС с лучшими условиями труда в рамках общего рынка рабочей силы;
- снижение доли казахстанских финансовых институтов и чрезмерная зависимость финансовой сферы от крупных российских банков после формирования общего финансового рынка ЕАЭС;
- ограничение возможностей и инструментария экономического регулирования в случае большей концентрации регулятивных функций на надгосу-

дарственном уровне по мере усиления интеграции в ЕАЭС»²²⁸.

О Евразийском экономическом союзе идет речь и в статье, в которой рассматривается фактор стратегии «Один пояс — один путь» в политике Китая по отношению к Казахстану. По мнению автора, «итогом сопряжения ЕАЭС и экономического пояса Шелкового пути должны стать упрощение торговли и улучшение защиты взаимных инвестиций между государствами — членами ЕАЭС и КНР». В частности «облегчение торговых процедур при перемещении товаров через границу, устранение регулятивных барьеров, сотрудничестве в высокотехнологичных секторах, таких как информационные технологии, медицинские и образовательные услуги, электронная торговля и энергоэффективность»²²⁹. И хотя, «ЗСТ ЕАЭС–ШОС несет риски усиления конкуренции с китайскими товаропроизводителями, но вместе с тем даст возможность выхода на огромный китайский рынок». От этого выиграют производители сырья и продовольствия, а также будет способствовать приходу инвестиций из Китая²³⁰.

Также отмечается, что программа «Один пояс — один путь» стала мощным ответом «пятого поколения» руководителей Китая на создание Евразийского экономического союза. А положительные стороны Евразийского экономического союза для Китая перевешивают его отрицательные стороны, связанные с поднятием пошлин. «Такое положительное восприятие Китаем ЕАЭС играет позитивную роль для Казахстана, так как чрезмерная конкуренция непосредственно находящаяся в регионе великих держав чревата рисками дестабилизации в том случае, если одна из сторон начнет выигрывать или проигрывать»²³¹.

В материале с анализом правового регулирования рынка труда в Казахстане отмечается, что среди государств — членов ЕАЭС Казахстан имеет

227. Там же. С. 157.

228. Там же. С. 157–158.

229. Там же. С. 178.

230. Там же. С. 186.

231. Там же. С. 190.

самый низкий показатель количества действующих ратифицированных конвенций Международной организации труда. Так в России ратифицировано 57 таких конвенций, в Кыргызстане — 53, Беларуси — 49, Армении — 29, Казахстане — 24²³².

При этом на уровне Евразийского экономического союза отсутствует наднациональный трудовой кодекс или закон о труде. «Регулирование трудовых отношений осуществляется в соответствии с трудовыми кодексами, принятыми каждым государством — членом ЕАЭС. Договором о ЕАЭС предусматриваются равные трудовые права трудящихся-мигрантов государств — членов ЕАЭС. При этом Договор о ЕАЭС содержит только положения, касающиеся трудовой миграции и единого рынка труда, то есть вопросов трудоустройства и движения рабочей силы между государствами. Но в отношении правил регулирования уже возникших трудовых отношений действуют нормы национального права»²³³.

Коллективная монография, изданная *Foreign Policy Centre* (58), посвящена развитию Узбекистана при президенте Мирзиёеве. ЕАЭС упоминается в нескольких статьях, включенных в это исследование. В частности, во вводной статье в рамках анализа места Узбекистана в мире и его взаимоотношений с Великобританией.

В ее тексте отмечено, что улучшение отношений Узбекистана с Россией и Китаем включает в себя не только расширение делового и дипломатического взаимодействия, но и «расширение сотрудничества с их экономико-стратегическими проектами: Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и проектом “Пояс и путь”». При этом обсуждение возможного членства Узбекистана в ЕАЭС продолжается с тех пор, как Мирзиёев вступил в должность, а «шумиха, особенно с российской стороны, до кризиса с COVID, намекала на то, что

Узбекистан, вероятно, присоединится к ЕАЭС в 2020 г.». Что характерно, «Узбекистан рассматривает возможность вступления в ЕАЭС в то время, когда другие центральноазиатские члены Союза выражают недовольство системой, которая, как считается, обеспечивает больший экономический импульс Москве, где базируются институты организации (и как могут сказать критики: формируется политика) и служит для стимулирования торговых потоков в Россию и из России, чем поощряет трансграничную торговлю в Центральной Азии, на что возлагались надежды»²³⁴. Достаточно критически автор оценивает реакцию ЕАЭС на COVID-19, так, по его мнению, организации не удалось продемонстрировать свою эффективность после начала пандемии. «Россия была замечена в том, что она отдает приоритет отправке помощи западным странам, таким как Италия, вместо того, чтобы направлять поддержку в Центральную Азию, как можно было ожидать». Узбекистан стал официальным государством-наблюдателем в ЕАЭС, но дальнейшие шаги были замедлены из-за COVID-19. Причем дискуссии вокруг вступления Узбекистана в ЕАЭС идут на фоне не только увеличения двусторонней торговли с Китаем, но и участия Ташкента в инфраструктурных проектах «Пояса и пути»²³⁵.

Также отмечается, что Узбекистан сталкивается с дефицитом зерна, сои и подсолнечника и зависит от импорта из стран ЕАЭС, которые, в свою очередь, наложили ограничения на вывоз, что побудило президента Мирзиёева инициировать кампанию по самообеспечению страны продовольствием²³⁶.

В статье, посвященной экономическим реформам в Узбекистане, при рассмотрении либерализации внешнеэкономической активности страны, отмечается двойственная политика узбекского правительства, которая наряду с ослаблением ряда барьеров, характеризуется и некоторыми протекционистскими шагами. «Нулевые и низ-

232. Там же. С. 267.

233. Там же. С. 270.

234. Spotlight on Uzbekistan // Foreign Policy Centre, July 2020. P. 42. Url: <https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2020/07/Spotlight-on-Uzbekistan.pdf>

235. Ibid. P. 43.

236. Ibid. P. 48.

кие таможенные пошлины для некоторых категорий товаров сочетаются с довольно высокими пошлинами для других категорий, что позволяет поддерживать средние таможенные тарифы примерно на уровне, сопоставимом со средними пошлинами стран Евразийского экономического союза»²³⁷.

Укрепление отношений с КНР для посткаримовского Узбекистана охарактеризовано как неизбежное на фоне ухода США из Центральной Азии и «неоднозначной повестки, продвигаемой Россией через ЕАЭС»²³⁸.

А в контексте «дилемм (ре)интеграции» с Россией дан обзор связей, которые есть сегодня у Узбекистана с ЕАЭС. «Годы правления Мирзиёева охарактеризовались существенной активизацией экономического взаимодействия между сторонами: в 2016–2018 гг. общий товарооборот с экономиками, интегрированными в ЕАЭС, увеличился на 52% и составил 9,65 млрд долларов США. По состоянию на конец 2019 г. около 40% узбекского экспорта направляется на территорию ЕАЭС, а примерно 80% внешнеторговых грузов Узбекистана проходят транзитом через ЕАЭС»²³⁹. Кроме того, на территории ЕАЭС проживает не менее 2,5 млн граждан Узбекистана, а наибольшая диаспора находится в России. Также у Узбекистана партнерские отношения с центральноазиатскими членами Союза — Казахстаном и Кыргызстаном. Что говорит, что Узбекистан и экономики, интегрированные в ЕАЭС, никогда не были так близки. «Преимущества полноправного присоединения тесно связаны со способностью Союза развивать общее экономическое пространство; более легким доступом к более широким рынкам с меньшим количеством торговых препятствий, принятием нормативно-правовой базы, разрабатываемой в ЕАЭС, и, что наиболее важно, урегулирование

статуса большого количества узбекских экономических мигрантов, работающих и проживающих в России»²⁴⁰.

Выделены и недостатки присоединения к ЕАЭС. «Недавние исследования по интеграции экономик стран Центральной Азии в ЕАЭС показали, что в конечном счете нынешние модели интеграции укрепляют экономические связи каждого члена с Россией, а не способствуют созданию действительно работающего общего рыночного пространства». Могут возникнуть проблемы, если до сих пор защищенный внутренний рынок Узбекистана будет наводнен более качественными товарами из России, Беларуси и Казахстана, а также есть опасность усугубления уже существующего в узбекско-российской торговле дисбаланса. Тем не менее, по мнению авторов, экономический спад после пандемии может ускорить вступление Узбекистана в ЕАЭС²⁴¹.

В резюмирующей статье монографии с рекомендациями отмечено, что Узбекистан при Мирзиёеве ведет более сбалансированную внешнюю политику, чем при его предшественнике, работая над улучшением отношений с основными региональными игроками (Россией и Китаем), а также взаимодействуя с Западом. «Дебаты о Евразийском экономическом союзе явно имеют геополитическое измерение (для России он остается в первую очередь политическим проектом), но решение о членстве Узбекистана должно определяться тем, принесет ли это реальные экономические выгоды Узбекистану с точки зрения его торговли в Центральной Азии и его экономических отношений с Россией... Параллельное стремление к членству во Всемирной торговой организации (ВТО) не должно оказывать существенного влияния на принятие решений по ЕАЭС (учитывая, что все страны-члены, кроме Беларуси, также являются членами ВТО) и поможет диверсифицировать возможности выбора для Узбекистана»²⁴².

237. Ibid. P. 55.

238. Ibid. P. 147.

239. Ibid. P. 150.

240. Ibid.

241. Ibid. 150–151.

242. Ibid. P. 159.

Косвенные упоминания

В описании онлайн-мероприятия, организованного *Chatham House** (5) и посвященного влиянию коронавируса на развитие Центральной Азии, указано, что спикеры затрагивают в том числе вопросы взаимодействия с Россией и Евразийским экономическим союзом. Также представлена полуторачасовая видеозапись этого круглого стола²⁴³.

Публикация, размещенная на сайте *Friedrich-Ebert-Stiftung* (6), издана российским представительством этого фонда. В ней представлены взгляды Европы и России на процессы, происходящие в Афганистане. Авторы считают, что интересы России в этой стране тесно связаны с регионом Центральной Азии. При этом подчеркнуто, что Казахстан и Кыргызстан являются членами ЕАЭС. А «поскольку у государств — членов ЕАЭС открытые границы, что способствует свободному перемещению товаров и людей, любая дестабилизация в центральноазиатских странах, вызванная обострением ситуации в Афганистане, может привести к возникновению большого числа беженцев и других серьезных проблем для России»²⁴⁴. Также отмечено, что не только члены ЕАЭС, но и другие страны региона, в первую очередь Таджикистан и Узбекистан, связаны с Россией миграционными потоками²⁴⁵.

Одна из статей *Stiftung Wissenschaft und Politik* (27) посвящена Узбекистану. «Вопрос о присоединении Узбекистана к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) также витает в воздухе. ЕАЭС, основанный в 2015 году и приносящий пользу прежде всего России как сильнейшей стране-участнице, является одним из множества интеграционных проектов

на территории бывшего Советского Союза, которые позволяют России сохранять свое политическое влияние в регионе. Вопрос о членстве Узбекистана обсуждается внутри страны»²⁴⁶, — отмечено в тексте. При этом в геополитическом измерении последствия присоединения к ЕАЭС предвидеть тяжело, поэтому, как отмечается, Мирзиёев до сих пор избегал четкой формулировки позиции по этому вопросу.

International Crisis Group (33) проводит регулярный мониторинг различных конфликтов в мире и публикует по их итогам обзоры с соответствующей интерактивной картой и описанием по многим странам. В 2020 г. ЕАЭС упоминается в двух таких обзорах. В одном из них — в пункте, посвященном Узбекистану, в другом — Грузии. В первом случае сказано, что правительство Узбекистана заявило о намерении получить статус наблюдателя в «возглавляемом Россией Евразийском экономическом союзе» до принятия решения о полноценном членстве²⁴⁷.

Авторами единственного материала *Wilfried Martens Centre for European Studies** (70) с упоминанием ЕАЭС в 2020 г. является коллектив украинских политологов. Сам Союз упомянут в части с названием «Центральная Азия и Россия».

Даже после распада СССР Россия продолжает поддерживать тесные связи со странами Центральной Азии. Москва продолжает держать эти страны в зоне своего геополитического влияния, «объединив их в региональные союзы, в которых она доминирует, такие как Евразийский экономический союз и Содружество Независимых Государств». Также отмечается: «Казахстан и Кыргызстан являются

243. Virtual Roundtable: The Impact of Coronavirus on Central Asia's Development // Chatham House*, 29.05.2020. Url: <https://www.chathamhouse.org/events/all/research-event/virtual-roundtable-impact-coronavirus-central-asias-development>

244. Кирхнер М., Казанцев А. Европейский и российский взгляд на ситуацию в Афганистане // Фонд им. Фридриха Эберта, июль 2020. С. 3. Url: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16491.pdf>

245. Там же.

246. Schmitz A. Uzbekistan's Transformation: Strategies and Perspectives // Stiftung Wissenschaft und Politik, September 2020. P. 26. Url: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2020RP12_Uzbekistan.pdf (<https://www.swp-berlin.org/en/publication/uzbekistans-transformation>)

247. CrisisWatch: Tracking Conflict Worldwide // International Crisis Group, March 2020. Url: <https://www.crisisgroup.org/crisiswatch/april-alerts-and-march-trends-2020>

членами ЕАЭС, что гарантирует свободу передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Но вместе с тем в России действуют запреты на ввоз различных категорий товаров из стран ЕАЭС. В результате введения западными странами санкций в отношении России и обесценивания российского рубля, российские товары подешевели и заполнили рынки стран ЕАЭС, что сказалось на производителях этих государств»²⁴⁸. Также отмечено, что торговые связи в рамках ЕАЭС благоприятны для России, а страна является крупнейшим импортером в Казахстан (доля — 38%) и вторым по величине (после Китая) — в Кыргызстан (23%).

При этом указанные страны являются членами ОДКБ, и Россия позиционирует себя как гарант региональной безопасности. Но такая зависимость является и угрозой для стран Центральной Азии из-за возможных территориальных претензий России на территории с большим количеством этнических русских. Авторы приводят в пример ситуацию на Украине и в Грузии. Хотя, как отмечается, в регионе практически нет антироссийских настроений, что объясняется, во-первых, историческими связями, а во-вторых, менее агрессивной экономической политикой России по сравнению с Китаем²⁴⁹.

3.3. Южный Кавказ

Косвенные упоминания

В комментарии для *German Council on Foreign Relations (24)* эксперт этого аналитического центра анализирует конфликт в Нагорном Карабахе и возможности ЕС на данном треке. Говоря о роли России в урегулировании, автор упоминает очередное заседание Евразийского межправительственного совета, которое может стать хорошей возможностью для обсуждения вопроса, хотя Карабахский конфликт и не значится в повестке дня встречи. А размышляя над потенциалом ЕС для разрешения конфликта, эксперт констатирует, что его возможности ограничены. Азербайджан не имеет амбиций по вступлению в ЕС, не принимает «фундаментальные демократические ценности» ЕС и не нуждается в финансовой поддержке Европы из-за больших доходов от нефти. На Армению ЕС имеет большее

влияние, но из Евросоюза лишь Франция входит в Минскую группу ОБСЕ, а «доминирующее влияние на внешнеполитический курс Еревана оказывает его членство в ОДКБ и Евразийском экономическом союзе»²⁵⁰.

В комментарии *Royal United Services Institute (25)* профессор Киево-Могилянской академии Т. Кузьо рассматривает турецкую «геостратегическую ось» от Азербайджана до Украины, в том числе в контексте прошедшей войны в Карабахе. Автор пишет, что Армения состоит в союзе с Россией с 1994 г., с тех пор, как стала одним из основателей ОДКБ — аналога НАТО из бывших советских республик. При этом, как отмечается, Армения отказалась от Соглашения об ассоциации с ЕС в рамках Восточного партнерства и

248. Savchenko I., Osavoliuk A., Savchenko K. EU Human Rights Promotion in Central Asia: Between the Dragon and the Bear // Wilfried Martens Centre for European Studies*, April 2020. P. 6. Url: https://www.martenscentre.eu/wp-content/uploads/2020/06/ces_policy_brief_-_between_the_dragon_and_the_bear-web-final2-1.pdf

249. Ibid. P. 7.

250. Rácz A. War in Nagorno-Karabakh: A Two-Track Strategy for the EU // German Council on Foreign Relations, October 2020. P. 3. Url: https://dgap.org/sites/default/files/article_pdfs/dgap-commentary-2020-30-en.pdf (альтернативная ссылка с сайта: <https://dgap.org/en/research/publications/war-nagorno-karabakh>)

присоединилась к «Таможенному союзу СНГ, ставшему Евразийским экономическим союзом два года спустя»²⁵¹.

В свою очередь автор комментария для *Stiftung Wissenschaft und Politik* (27) на тему сотрудничества Турции и России в контексте войны в Нагорном Карабахе указывает, что Армения является официальным союзником России в рамках ОДКБ, и в случае столкновений на территории республики Москва обязана будет вмешаться, выступив против члена НАТО — Турции. При этом отказ от своих союзнических обязательств также не принесет России пользы, так как Армения является важным участником интеграционных инициатив России на Южном Кавказе, в числе которых, помимо ОДКБ, Евразийский экономический союз. А Азербайджан является стратегическим партнером России, хоть и не участвует в этих интеграционных проектах²⁵².

В одном из обзоров *International Crisis Group* (33) с мониторингом различных конфликтов в мире, ЕАЭС упоминается в связи с Южной Осетией: «Ситуация с нехваткой продовольствия в Южной Осетии усугубилась из-за повышения таможенных пошлин Россией для их приведения к стандартам Евразийского экономического союза, который считает Южную Осетию «отдельным государством»²⁵³.

В комментарии эксперта *European Policy Center* (34) рассматриваются взаимоотношения ЕС с Арменией через два года после «бархатной революции». Автор высоко оценивает потенциал этого взаимодействия, говорит о необходимости углубления сотрудничества, объясняет неоднозначную оценку деятельности правительства Пашиняна и под-

держку Евросоюзом реформ в Армении. При этом влияние России на страну оценивается негативно, что стало видно на фоне пандемии коронавируса, во время которой, по мнению автора, «Россия не предоставила Армении сколько-нибудь значимой помощи, а иногда, казалось, использовала ситуацию для оказания давления на Ереван»²⁵⁴. В то же время «своевременная поддержка ЕС Армении в борьбе с COVID-19, в том числе посредством предоставления финансового пакета в размере 92 млн евро, контрастирует с бездействием возглавляемого Россией Евразийского экономического союза, к которому Армения присоединилась в 2016 г. (Так в тексте. — P. T., A. A.), после того, как под давлением России отказалась от Соглашения об ассоциации с ЕС»²⁵⁵. При этом подчеркивается важность реализации Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Арменией и Евросоюзом и необходимость поддержки страны со стороны ЕС в условиях, при которых возможности экономического и политического маневрирования Армении существенно сузились из-за проблем, вызванных пандемией коронавируса.

В статье *Heinrich Boll Foundation** (47) с разбором последствий Карабахской войны 2020 г. руководитель южно-кавказского бюро этой «фабрики мысли» Ш. Майстер отмечает смещение баланса сил в регионе в пользу России и Турции, при вытеснении ЕС и США. Говоря о новых реалиях для Запада, эксперт утверждает, что Москва, договорившись с Анкарой, сделала все, чтобы минимизировать влияние США и ЕС в регионе. При этом Майстер критикует страны ЕС, которые «не проявили ни сочувствия, ни заинтересованности в помощи стране», за пассивность при обострении конфликта и отсутствие поддержки

251. Kuzio T. Turkey Forges a New Geo-Strategic Axis from Azerbaijan to Ukraine // Royal United Services Institute, 18.11.2020.

Url: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/turkey-forges-a-new-geo-strategic-axis-from-azerbaijan-to-ukraine>

252. Isachenko D. Turkey–Russia Partnership in the War over Nagorno-Karabakh // Stiftung Wissenschaft und Politik, November 2020. P. 2–3.

Url: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2020C53_NagornoKarabakh.pdf (основная страница материала с сайта:

<https://www.swp-berlin.org/en/publication/turkey-russia-partnership-in-the-war-over-nagorno-karabakh>)

253. CrisisWatch: Tracking Conflict Worldwide // International Crisis Group, February 2020. Url: <https://www.crisisgroup.org/crisiswatch/march-alerts-and-february-trends-2020>

254. Sammut D. Two years after the Velvet Revolution, Armenia needs the EU more than ever // European Policy Center, 02.06.2020.

Url: <https://www.epc.eu/en/Publications/Two-years-after-the-Velvet-Revolution-Armenia-needs-the-EU-more-than-33e910>

255. Ibid.

Армении, что не только дискредитирует демократию и ЕС, но и серьезно подрывает их позиции во внутривосточном дискурсе Армении. «Только авторитарная Россия была готова, по крайней мере, гарантировать хрупкий мир своими “миротворческими силами”»²⁵⁶, — пишет эксперт. И это наносит ущерб политике соседства ЕС, в которой Армения «была образцом для подражания, одновременно являясь членом Евразийского экономического союза и имея Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с ЕС»²⁵⁷.

Автор *Centre d'Etudes et de Recherches Internationales* (59) в своей статье с говорящим названием «Россия и Карабахская война: остается ли Москва лидером игры?», отвечая на сформулированный в заголовке вопрос, пишет, что пассивность Москвы на протяжении войны показала, что Россия контролирует ситуацию, однако она изменила реалии, при которых Москва теряет монополию на влияние в регионе и вынуждена смириться с присутствием в нем Турции. Автор считает, что во время первой Карабахской войны и после нее Россия поддерживала Армению, и у этого, помимо культурно-ценностной близости, есть и стратегические причины в контексте региональной интеграции, так как такая позиция определила вступление Армении в ЕАЭС и ОДКБ, которую автор называет «московским НАТО». В отличие от Еревана, «Баку всегда проявлял большую осторожность по поводу любой формы связи с Москвой, рассматривая ее как продолжателя русской традиции колониализма»²⁵⁸. Такая связь с Ереваном, по мнению автора, накладывает на Россию определенные обязательства, но в последнее время реалии изменились, и помимо нарастающего влияния Турции, отсутствие поддержки Армении, являющейся

частью российской «военной семьи», объясняется ослаблением России, невозможностью оказывать такое влияние на конфликт, как раньше, на фоне роста Азербайджана, с которым Москва вынуждена считаться.

Говоря о диверсифицированной внешней политике Азербайджана, эксперт подчеркивает: «Хоть Баку и не присоединился к продвигаемым Россией структурам военной и политической интеграции — Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийскому союзу, которые задумывались как конкуренты НАТО и ЕС, — страна смогла не оттолкнуть от себя Москву, в частности, не стремясь к сближению с Западом, не повторяя ошибки, совершенной, по мнению Москвы, как Грузией, так и Арменией... И последнее, и не менее важное: экономические связи и взаимозависимости между двумя странами после распада СССР являются основными факторами, обеспечивающими российско-азербайджанский геостратегический баланс»²⁵⁹.

В одной из публикаций *Norwegian Institute of International Affairs* (72), где рассматривается политика России в отношении Грузии, описывается в том числе растущий уровень русофобии в Грузии в последние годы из-за Абхазии и Южной Осетии, которые Тбилиси считает оккупированными территориями. Говорится и об информационной войне, которую Россия якобы ведет против Грузии. В частности, приведено мнение бывшего президента г. Маргвелашвили. Он считает, что Грузия является одним из направлений работы «глобальной идеологической пропагандистской кампании России», которая призвана противостоять европейским и евроатлантическим ориентациям Грузии. Позицию грузинской элиты автор оценивает следующим образом: «Инициативы, инициированные Россией интеграционные проекты в так

256. Meister S. Precarious peace – Nagorno-Karabakh after the ceasefire agreement // Heinrich Boll Foundation*, 23.11.2020. Url: <https://www.boell.de/en/2020/11/18/precarius-peace>

257. Ibid.

258. Balci B. Russia and the Karabakh war. Is Moscow still the game leader? // Centre d'Etudes et de Recherches Internationales, 18.11.2020. Url: <https://www.sciencespo.fr/cei/en/content/russia-and-karabakh-war-moscow-still-game-leader-0.html>

259. Ibid.

называемом Ближнем зарубежье, такие как Евразийский экономический союз, характеризуются как тонко завуалированная попытка распространения влияния Москвы»²⁶⁰. О таком отношении грузинского

правительства свидетельствуют и «различные жалобы на Россию, инициированные или поддержанные Грузией на форумах СЕ, Международной торговой палаты и ООН»²⁶¹.

3.4. Беларусь и Союзное государство

Прямые упоминания

В докладе «Белорусско-китайские отношения: экспертные оценки», опубликованном *Friedrich-Ebert-Stiftung (6)*, в одном из пунктов, где приводится позиция экспертов государственных исследовательских центров и институтов в отношении белорусско-китайского сотрудничества, отмечено: «Важна также роль Беларуси в евразийских региональных инициативах и организациях, где Минск выступает надежным партнером Пекина. Беларусь поддерживает идеи «сопряжения» ЕАЭС и «Пояса и пути» и рассматривают эти проекты как «кооперационные» и «конкурентные», позволяющие выстраивать систему внутренних евразийских противовесов. Перспективы белорусско-китайских отношений, по мнению А. Дударенка, лежат в плоскости развития «Пояса и пути» как инфраструктурного проекта, с помощью которого Беларусь может усилить свою роль транзитного государства и страны, принимающей и развивающей китайские технологии. Это, в свою очередь, предполагает возрастание конкуренции между проектами производственной кооперации в рамках ЕАЭС и «Пояса и пути»».

В свою очередь, риторика КНР четко распадается на официальную и экспертную. «Официальные круги рассматривают Беларусь как звено транзита с ЕС

и в рамках развития рыночных связей, делая акцент на международных обязательствах КНР и вопросах «развития и интеграции». Эксперты же видят Беларусь как «точку входа» в ЕАЭС и противовес России»²⁶².

Также авторы отмечают «консервацию» взаимосвязей в рамках ЕАЭС и Союзного государства, а также «пробуксовку» в развитии ЕАЭС, о чем свидетельствует то, что Казахстан не поддержал стратегию развития организации в мае 2020 г.²⁶³ Таким образом «Беларусь выступает за «сопряжение» ЕАЭС и «Пояса и пути» с учетом их конкурентной и кооперационной сути. По мнению экспертов, Китай, используя двусторонние отношения, «вскрыл» ЕАЭС для вхождения на его рынок. Беларусь, также используя свое место в ЕАЭС и «Поясе и пути», старается выстроить политику противовесов на евразийском направлении»²⁶⁴.

Авторы пишут, что китайские эксперты отмечают «геостратегическое и геоэкономическое положение Беларуси (соседство со странами ЕС и членство в ЕАЭС)... Перспективы общего рынка ЕАЭС и возможная функциональная роль Беларуси в построении зоны свободной торговли КНР — ЕАЭС в контексте неоднократных высказываний белорусского руководства о поддержке «сопряжения» «Пояса

260. Wilhelmsen J. Russia's view of Georgia: A NATO proxy yet again? // Norwegian Institute of International Affairs, P. 3. Url: https://www.nupi.no/nupi_eng/Publications/CRIStin-Pub/Russia-s-view-of-Georgia-a-NATO-proxy-yet-again

261. Ibid.

262. Турарбекова Р., Данилович М. Белорусско-китайские отношения: экспертные оценки // Фонд им. Фридриха Эберта, Декабрь 2020. С. 9. Url: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/17728.pdf>

263. Там же. С. 10.

264. Там же. С. 13.

и пути» и ЕАЭС и закрепления в концептуальных документах Республики Беларусь курса на продвижение экономической интеграции в ЕАЭС (например, в Концепции социально-экономического развития на 2016–2020 гг.) также оценены как благоприятные условия для реализации инициативы «Пояс и путь»²⁶⁵.

Анализируя перспективы китайско-белорусского индустриального парка, эксперты отмечают, что «несмотря на позитивные официальные оценки, возникает вопрос двойственности восприятия Китаем и Беларусью стратегии развития проекта» Китайская сторона рассматривает его как гибкий проект, который должен функционировать на основе рыночных принципов. В случае успеха индустриальный парк может стать образцовым примером реализации «Пояса и пути» для других регионов. Кроме того, Китай заинтересован в выходе продукции парка, соответствующей китайским техническим стандартам, на рынки ЕАЭС и стран СНГ. Но при этом, «декларируемая белорусским руководством поддержка «сопряжения» «Пояса и пути» и ЕАЭС на практике сталкивается с ограниченными возможностями выхода продукции китайско-белорусского индустриального парка на рынки ЕАЭС»²⁶⁶.

В целом в оценках продвижения «Пояса и пути» на белорусском направлении китайские эксперты отмечают «первоочередность задач практического «сопряжения» «Пояса и пути» и ЕАЭС. Выделяется возможная функциональная роль Беларуси в построении зоны свободной торговли Китай – ЕАЭС»²⁶⁷. Также приводится мнение китайских экспертов, согласно которому «противостояние интересов ЕС и РФ в Беларуси, а также сложности в отношениях Беларуси с ЕС снижают ее потенциал как площадки между ЕС и ЕАЭС в рамках «Пояс и путь»»²⁶⁸.

При анализе роли Беларуси в инициативе «Пояс и путь», опрошенные эксперты из Беларуси отметили,

что «Китай также рассматривает Беларусь как страну — члена ЕАЭС, отношения с которой дают Пекину дополнительные аргументы в диалоге с Москвой»²⁶⁹.

Подводя итоги экспертного опроса, авторы исследования отмечают, что белорусские и китайские экспертные оценки «Пояса и пути» коррелируют друг с другом. По мнению китайских экспертов, все так же важно, чтобы Беларусь сохраняла приверженность китайской инициативе и поддерживала сопряжение ЕАЭС и «Пояса и пути»²⁷⁰.

А в Заключении в ответе на вопрос «Каково место Беларуси во внешней политике КНР? Насколько Беларусь важна для Пекина?», отмечено: «Минск выступил сторонником инициативы «Пояс и путь», поддержал идею «сопряжения» ЕАЭС и «Пояса и пути» и позиционирует себя как перспективная геоэкономическая площадка между ЕС и ЕАЭС. Для Беларуси это геополитический и даже геостратегический капитал. В Китае партнерство с Беларусью оценивают сквозь призму национальных интересов — в частности, в контексте продвижения «Пояса и пути». Таким образом, Беларусь — элемент «Пояса и пути» с геостратегическим значением в инфраструктурно-коммуникационном плане. При продвижении «Пояса и пути» на белорусском направлении китайские эксперты отмечают первоочередность задач «сопряжения» «Пояса и пути» и ЕАЭС. По их мнению, Беларусь может сыграть функциональную роль в построении зоны свободной торговли Китай – ЕАЭС»²⁷¹.

Centre for European Policy Studies (9) анализирует ситуацию в Беларуси вскоре после президентских выборов, когда в стране начались массовые акции протеста и, по словам автора, «все увидели, что режим Лукашенко в Беларуси смертельно ранен», следовательно Евросоюзу необходимо готовиться к «постлукшенинской» Беларуси. В тексте рассматриваются различные сценарии действий нового руководства

265. Там же. С. 14–15.

266. Там же. С. 17–18.

267. Там же. С. 18.

268. Там же. С. 19.

269. Там же. С. 22.

270. Там же. С. 28.

271. Там же. С. 30.

страны, среди них вариант, в рамках которого они «избавятся от пятен некомпетентного и репрессивно-го режима Лукашенко, оставаясь при этом лояльным членом Евразийского экономического союза, захотят вести переговоры о более позитивных отношениях с Россией, не будучи ее марионеткой».²⁷² Автор напоминает об имеющемся в распоряжении у Евросоюза наборе градуированных подходов к выстраиванию политики в отношении шести стран Восточного партнерства. «Во-первых, у трех государств — Грузии, Молдовы и Украины — есть Соглашения об ассоциации и Углубленные и всеобъемлющие зоны свободной торговли с ЕС. Такая формула свободной торговли абсолютно несовместима с членством в Евразийском экономическом союзе, если только ЕС не заключит соглашение о свободной торговле со всем этим союзом, чего пока не произошло. Помимо этих формальных и юридических аспектов, структура торговли Беларуси настолько сильно ориентирована на ЕАЭС, что было бы безрассудно наносить ей ущерб в обмен на доступ к гораздо более конкурентным европейским и глобальным рынкам»²⁷³.

Косвенные упоминания

Автором русскоязычного отчета «Система обеспечения внутренней и внешней безопасности Беларуси: формирование и состояние», опубликованного *French Institute of International Relations (4)* в рамках проекта «Обсерватория России, Южного Кавказа и Восточной Европы», является белорусский эксперт А. Поротников. ЕАЭС в тексте упоминается дважды. В первом случае автор пишет, что, несмотря на военное и экономическое доминирование, на постсоветском пространстве, в политическом измерении Россия является лишь «первой среди равных», для принятия решений на региональных интеграционных

По мнению автора, человеческий капитал и ее географическое положение Беларуси дают ей возможность стать «высокопродуктивной небольшой открытой европейской экономикой, подобной успешным странам Балтии». При этом он не исключает, что в будущем может быть заключено и соглашение о свободной торговле между ЕС и ЕАЭС, правда для этого «сначала должна измениться нынешняя глубоко протекционистская промышленная политика»²⁷⁴. Приводится и армянский кейс: заключенное соглашение с Ереваном «уважает» членство Армении в ЕАЭС, но содержит и много положений из тех соглашений, который заключили Грузия, Молдова и Украина. Как и многие другие европейские эксперты, автор данной статьи напоминает, о том, что этот «гибридный кейс» возник из-за того, что «Армения подверглась давлению со стороны Путина» для того, чтобы эта страна стала членом ЕАЭС. В перспективе по аналогичному пути могла бы пойти и Беларусь: сохранив членство в ЕАЭС, заключить аналогичное армянскому соглашению с Евросоюзом.

площадках необходим консенсус. «И Россия с этим ничего сделать не может: попытки Москвы добавить политическое измерение в деятельность Евразийского экономического союза (ЕАЭС) были заблокированы Минском и Нур-Султаном, которые считают этот союз исключительно торгово-экономическим»²⁷⁵. Во втором случае речь идет о внешнеполитических ориентациях правящей элиты Беларуси и ее возможностях: «Правящий в Минске режим остается антизападным по своим убеждениям. Но и Москва не воспринимается как союзник. Скорее как неизбежный и проблемный партнер, а местами — открытый

272. Emerson M. The EU's possible response to a post-Lukashenko Belarus // Centre for European Policy Studies, 17.08.2020. Url: <https://www.ceps.eu/the-eus-possible-response-to-a-post-lukashenko-belarus>

273. Ibid.

274. Ibid.

275. Поротников А. Система обеспечения внутренней и внешней безопасности Беларуси: формирование и состояние // French Institute of International Relations, август 2020. С. 15. Url: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/paratnikau_belarus_ru_2020.pdf

соперник. В целом планируется сдерживать гипотетическое российское давление невоенными мерами: инструментами, предоставляемыми постсоветскими интеграционными площадками (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС) и периферийными коалициями со странами СНГ, поддержкой внерегиональных акторов. Поэтому военные расходы остаются на неудовлетворительном уровне в течение длительного времени»²⁷⁶.

В статье *Konrad-Adenauer-Stiftung (7)*, посвященной «противоречивым нарративам» Беларуси, идет речь об особом значении восточного направления внешней политики страны. «Помимо своего членства в Содружестве Независимых Государств и Организации Договора о коллективной безопасности, Беларусь в 2014 году стала соучредителем Евразийского экономического союза»²⁷⁷, — говорится в тексте.

Также в статье описаны шаги, отражающие, по мнению автора, давление России на Беларусь для более глубокой политической интеграции стран. Эти шаги связаны в первую очередь с ценами на поставку российских энергоносителей, повышение которых «поставит белорусские компании в крайне невыгодное конкурентное положение в рамках ЕАЭС по сравнению с российскими компаниями»²⁷⁸.

В одном из комментариев, опубликованных на сайте *Institute for International Political Studies (11)*, координатор белорусских проектов *Friedrich Ebert Foundation (9)* В. Клименко рассуждает о «ситуационном нейтралитете» Беларуси во внешней политике. Поддерживая стратегию многовекторности, она отмечает: «Беларусь является верным союзником России и активным участником российских интеграционных проектов на постсоветском пространстве,

таких как Евразийский экономический союз и Организация Договора о коллективной безопасности. Поэтому сближение Беларуси с Западом — не вопрос выбора между двумя разными интеграционными векторами, как это было в случае с Украиной, а логическая реакция на кризис в отношениях с Москвой»²⁷⁹.

В комментарии другого эксперта для *Institute for International Political Studies (11)* речь также идет о Беларуси, но уже сквозь призму позиции ЕС. «Беларусь является членом Восточного партнерства ЕС, но участвует только в некоторых программах, в том числе и потому, что Минск является членом Евразийского экономического союза и таможенного союза при нем, поэтому соглашение о свободной торговле с ЕС, подобное тому, которое есть у Украины или Грузии, технически невозможно»²⁸⁰, — сказано в тексте.

В статье *German Council on Foreign Relations (24)* «Четыре сценария развития кризиса в Беларуси», опубликованной в разгар протестов в стране, ЕАЭС упомянут дважды. Первый раз в связи с обсуждением инструментов влияния России на белорусский режим, которые значительно превосходят влияние ЕС в стране. При этом отмечается, что у России есть важные стратегические интересы в стране и на всем постсоветском пространстве, которые заключаются, в том числе, в «поддержании сплоченности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийского экономического союза»²⁸¹. В этом же контексте Москва стремится предотвратить расширение НАТО и ЕС на восток.

Также ЕАЭС упоминается в основной части статьи, описывающей четыре возможных варианта

276. Там же. С. 39.

277. Wöllenstein J. National Identity Against External Pressure // Konrad-Adenauer-Stiftung, 06.07.2020. Url: <https://www.kas.de/en/web/auslandsinformationen/artikel/detail/-/content/national-identity-against-external-pressure>

278. Ibid.

279. Klymenko V. The Future of Belarus' "Situational Neutrality" in Foreign Policy // Institute for International Political Studies, 05.08.2020. Url: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/future-belarus-situational-neutrality-foreign-policy-27111>

280. Ambrosetti E. T. Belarus: Different Elections, Same Dilemma for the EU // Institute for International Political Studies, 05.08.2020. Url: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/belarus-different-elections-same-dilemma-eu-27107>

281. Rącz A., Gherasimov C., Nič M. Four Scenarios for the Crisis in Belarus // German Council on Foreign Relations, August 2020. P. 3. Url: https://dgap.org/sites/default/files/article_pdfs/dgap-policy_brief-2020-16-en_1.pdf и альтернативная ссылка: <https://dgap.org/en/research/publications/four-scenarios-crisis-belarus>

развития событий в Беларуси. Согласно одному из сценариев, А. Лукашенко не позволит оппозиции захватить власть, но и жесткого подавления протестов не будет, а произойдут конституционные реформы и сбалансированный подход к внутренней и внешней политике. В этом сценарии, среди прочего, указано, что Москва заинтересована в том, чтобы в Беларуси не произошло внешнеполитического разворота и не ослабли связи страны с ОДКБ, ЕАЭС и Союзным государством, поэтому для Минска предпочтительнее, чтобы реформы были не слишком радикальными и президентский или полупрезидентский режим в Беларуси сохранился.

Один из материалов на сайте *European Council on Foreign Relations (30)* посвящен позиции России в отношении «цветных революций» на постсоветском пространстве в частности в Армении и Беларуси. Говоря об их сходствах, авторы пишут: «Обе страны полагаются на Россию в сфере безопасности. Обе являются членами Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийского экономического союза. Ни армянские, ни белорусские политики не ставят под сомнение этот расклад»²⁸².

Автор еще одной публикации *European Council on Foreign Relations (30)* об армянских и белорусских протестах, являющийся одним из руководителей этой «фабрики мысли», уверен, что смена власти в Армении в 2018 г. гораздо более показательная аналогия для Беларуси, чем украинские события 2004–2005 и 2014 гг. В тексте отмечается, что Армения всегда имела тесные связи с Россией, и в 2013 г. страна, в отличие от Грузии, Молдовы и Украины, отказалась от углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли с ЕС в пользу «возглавляемого Россией Евразийского экономического союза». И так как в результате смены власти в стране в 2018 г.

внешнеполитической переориентаций не произошло, Россия не вмешивалась в эти процессы. И для реализации «армянской модели» в Беларуси Европе необходимо тщательно продумать свои шаги, в том числе смириться с экономической зависимостью страны от России даже в случае смены власти. При этом эксперт выражает надежду, что экономические реформы в Беларуси позволят создать более сбалансированную систему отношений в ЕАЭС²⁸³.

Очередной комментарий *European Council on Foreign Relations (30)* также посвящен военно-политической активности России на белорусском направлении на фоне протестной активности в стране. По мнению эксперта, военными маневрами Москва дает понять не только Западу, но и белорусской оппозиции, где находятся ее «геополитические красные линии», которые заключаются в том, чтобы «Беларусь оставалась верным союзником в рамках ОДКБ и Евразийского экономического союза, а также в том, чтобы сохранить целостность каналов российского влияния»²⁸⁴.

В материале *Finnish Institute of International Affairs (38)* с анализом политики Китая в отношении Беларуси и Украины, а также вопросам сотрудничества и противоречий Москвы и Пекина на украинском и белорусском треках, отмечается, что значение обеих стран значительно возросло с 2013 г. Украина и Беларусь стали «ключевыми партнерами в создании транспортных коридоров в Центральную и Западную Европу» в рамках реализации инициативы «Пояс и путь» и Экономического пояса Шелкового пути как ее сухопутной части. Раскрывая этот тезис, авторы пишут: «Оба государства предоставляют наиболее удобные и быстрые маршруты железнодорожного сообщения с ЕС, а регулярное сообщение с использованием грузовых поездов было налажено

282. Gressel G., Popescu N., Wilson A. Belarus and Armenia: How Russia handles uprisings // European Council on Foreign Relations, 16.09.2020. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_belarus_and_armenia_how_russian_handles_uprisings/

283. Bildt C. The Armenian model for Belarus // European Council on Foreign Relations, 19.08.2020. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_the_armenian_model_for_belarus/

284. Gressel G. Russia's military manoeuvres at the Belarus border – a message to the West // European Council on Foreign Relations, 18.08.2020. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_russias_military_manoeuvres_at_the_belarus_border_a_message_to_t/

еще в 2011 г. Роль Беларуси возросла в силу того, что она является членом Таможенного союза и ЕАЭС, что упростило таможенные процедуры и сократило количество международных границ для железнодорожного транзита»²⁸⁵. При этом отмечается, что в связи с кризисом на Украине и противоречиями этой страны с Россией, возможности использования украинского направления для Китая снизились, в то время как белорусское направление стало более актуальным.

Название статьи *European Union Institute for Security Studies (40)* — «Под давлением: может ли Беларусь противостоять российскому воздействию?» — отражает ее содержание. ЕАЭС упоминается в тексте несколько раз. Во введении, при описании роли Беларуси как ближайшего союзника России и важнейшего звена интеграционных проектов на постсоветском пространстве как военных (ОДКБ), так и экономических (ЕАЭС). Но вместе с тем после 2014 г. отношения между странами стали, по мнению автора, более напряженными, потому что Беларусь воспользовалась своим правом соблюдения нейтралитета в конфликте между Россией и Украиной, и это вызвало раздражение Москвы. «Россия больше не готова субсидировать белорусскую экономику в обмен на сиюминутную геополитическую лояльность своего соседа»²⁸⁶. По мнению автора, для Беларуси единственным стимулом к более глубокой интеграции в рамках Союзного государства и ЕАЭС является снижение тарифов на закупку российского газа и нефти, но Москва стала шантажировать Минск этими ценами для принудительной интеграции, повысив экспортную цену для Беларуси в результате так называемого налогового маневра.

Автор пытается показать Беларусь жертвой, которая стремится сохранить свой суверенитет и вести многовекторную политику при давлении со стороны

России. Например, в тексте сказано, что «у российской армии недостаточно средств, чтобы осуществлять длительную оккупацию или войну на истощение в Белоруссии». А идея вхождения Беларуси в состав Российской Федерации не находит поддержки в белорусском обществе (согласно опросам, проведенным в августе 2019 г., менее 1,4% согласны на такой сценарий), при том, что 43% предпочли полную независимость, 22% — союз с Россией, а 18% — вступление в ЕС. По сравнению с 2014 г. сторонников союза с Россией стало меньше на 20% на фоне переговоров о более глубокой интеграции²⁸⁷.

В статье описаны сложности, с которыми сталкивается Беларусь, включая последствия, вызванные пандемией коронавируса, протесты на фоне арестов оппозиционеров (материал опубликован в июле, до известных августовских событий), противоречивые позиции номенклатуры. А силовые структуры, которые представляют «наиболее пророссийскую часть белорусской власти», могут способствовать еще большей активизации насилия и привести к сценарию Майдана, особенно при «курируемых Россией провокациях» и прямом вмешательстве Москвы в ситуацию²⁸⁸. Репрессивные шаги Лукашенко в этом случае лишь отдалят от него Запад, а наиболее предпочтительным является мирная смена власти, при которой Россия будет продолжать иметь значительные рычаги влияния на страну. При этом взаимоотношения с ЕС будут зависеть от стратегии Евросоюза и готовности к диалогу с Россией и ЕАЭС²⁸⁹.

Статья директора *Centre for European Reform (43)*, написанная в июле 2020 г., перед выборами в Беларуси, посвящена анализу ситуации в этой стране. Указано, что А. Лукашенко оказывает давление на своих оппонентов, и вся сложившаяся ситуация требует четкой стратегии действий от ЕС. Автор пишет, что, с одной стороны, необходимо надавить

285. China's Policy Towards Belarus and Ukraine: A Limited Challenge to Sino-Russian Relations // Finnish Institute of International Affairs, December 2020. P. 3–4. Url: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2020/12/bp298_chinas-policy-towards-belarus-and-ukraine.pdf

286. Marin A. Under pressure: Can Belarus resist Russian coercion? // European Union Institute for Security Studies, July 2020. Url: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%2015%20Belarus.pdf>

287. Ibid. P. 5–6.

288. Ibid. P. 6.

289. Ibid.

на белорусского президента, чтобы он «изменил свое поведение», с другой — введение санкций в отношении Беларуси может развязать руки России, а для Европы важно не допустить ограничения суверенитета Беларуси в пользу российского доминирования²⁹⁰.

На протяжении многих лет А. Лукашенко успешно лавировал между Россией и Западом. «Беларусь входит в ЕАЭС и Организацию Договора о коллективной безопасности — возглавляемыми Россией бледными подобиями ЕС и НАТО, соответственно»²⁹¹.

Говоря о стратегии ЕС в отношении Беларуси, автор обосновывает необходимость в торговом соглашении со страной, являющейся участником программы Восточного партнерства. При этом членство в ЕАЭС и его таможенном союзе делает технически невозможным подписание соглашения о свободной торговле с ЕС независимо от других членов ЕАЭС. Вместе с тем с 2016 г. страна ведет переговоры о «Приоритетах партнерства» с ЕС, в рамках которых Литва блокирует соглашение из-за строительства атомной станции вблизи ее границ²⁹².

Также в тексте идет речь об отношениях между Лукашенко и российским президентом. «Путин долгое время пытался убедить Лукашенко согласиться на более тесные политические и экономические связи, чем те, которые возникают в рамках ЕАЭС, включая валютный союз. Белорусский президент провел много лет, ерзая и извиваясь, чтобы не подписываться под требованиями России»²⁹³. Но в случае заморозки связей с ЕС у Беларуси не останется альтернатив, кроме обращения к России. И тогда Москва будет взимать свою плату за поддержку, а для Путина, вероятно, лучшим вариантом будет даже не поглощение Беларуси, а установление «марионеточного режима в Минске». Поэтому ЕС должен найти баланс между своими интересами и ценностями²⁹⁴.

Еще одна публикация *Centre for European Reform* (43), посвященная политике ЕС на белорусском направлении, написана в начале года, до кризиса, связанного с выборами. Однако содержание и тон текста во многом схожи с другими материалами этой «фабрики мысли»: автор пишет о давлении России, заигрывании А. Лукашенко с ЕС, «налоговом маневре» и других традиционных для западных экспертов темах.

По мнению автора, интенсивность переговоров по Союзному государству временно снизилась, а Путин и Лукашенко не смогли договориться о новых энергетических контрактах. «Минск настаивает на создании единого энергетического рынка в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС — Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия), чтобы он мог покупать нефть и газ по внутренним российским ценам. Но Путин предпочитает договариваться в рамках двусторонних контрактов с каждой страной, поскольку это дает ему политические рычаги влияния. Таким образом, для Лукашенко по-прежнему актуальна дилемма: если Беларусь хочет быть менее уязвимой при давлении со стороны Москвы, ей придется больше платить за энергоресурсы. Поэтому Лукашенко необходимо искать новые рынки, кредиторов и поставщиков энергии», — сказано в тексте²⁹⁵.

Помимо России и ЕС, Беларусь интересуются другие крупные игроки, такие как США и Китай. Экономические связи с Китаем активно развиваются, а США поддерживают суверенитет страны, опасаясь, что чрезмерное влияние Москвы в Беларуси как в буферной зоне создаст угрозу для восточных границ НАТО. Поэтому Вашингтон выразил готовность подписать контракт на поставку нефти в Беларусь, если Россия установит на нее рыночные цены, а Минск «добьется прогресса в вопросах демократии и прав

290. Grant C. Something is stirring in Belarus // Centre for European Reform, 07.07.2020. P. 1. Url: https://www.cer.eu/sites/default/files/insight_CG_7.7.20.pdf и альтернативная версия <https://www.cer.eu/insights/something-stirring-belarus>

291. Ibid.

292. Ibid. P. 3.

293. Ibid.

294. Ibid. P. 3–4.

295. Parandii K. Is the time ripe for the EU to rethink its relations with Belarus? // Centre for European Reform, 24.02.2020. P. 2. Url: https://www.cer.eu/sites/default/files/insight_KP_24.2.20.pdf, альтернативная версия <https://www.cer.eu/insights/time-ripe-eu-rethink-its-relations-belarus>

человека»²⁹⁶. Вместе с тем отмечается: «...Независимо от того, как развиваются отношения с Китаем и США, планы Беларуси по снижению зависимости от России в долгосрочной перспективе невозможны без более тесных связей с ЕС. В 2016 г. Беларусь сделала диверсификацию экспорта центральным элементом своей стратегии экономической безопасности, стремясь к тому, чтобы по крайней мере по 30 процентов экспорта направлялось в равной степени в ЕАЭС, ЕС и остальные страны мира»²⁹⁷.

В одном из материалов *Fondation pour la Recherche Stratégique (82)* анализируется геополитическое измерение отношений ЕС — Россия в свете белорусского кризиса. Его автор З. Пайкин считает, что хотя отношения между ЕС и Россией не вернулись к тому состоянию, которое было до украинских событий 2014 г., но в последнее время градус напряжения по некоторым направлениям снижается, и отношения между сторонами пришли «в новую норму». И если в вопросах антироссийских санкций позиция Европа непреклонна, то в отношении стран Ближнего зарубежья ЕС придерживается более сбалансированного подхода, отражением которого является Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Арменией и ЕС, которое не противоречит обязательствам Еревана в рамках «поддерживаемого Москвой Евразийского экономического союза»²⁹⁸. Тем не менее ситуация в Беларуси поставила под вопрос этот хрупкий порядок. Несмотря на то, что, по мнению автора, и Запад, и Москва выступают за «управляемый транзит власти от Александра Лукашенко», представления Москвы и Брюсселя о порядке в регионе и об интересах белорусского народа не совпадают²⁹⁹.

В части текста с заголовком «Статус великой державы и место России в Европе» Пайкин обосновывает различия между украинским и белорусским

кейсом, говоря о том, что Беларусь, по сравнению с Украиной, имеет более слабую национальную идентичность и более русифицирована. Кроме того, она прочно закрепились в ЕАЭС и «возглавляемом Россией военном блоке — Организации Договора о коллективной безопасности»³⁰⁰, а протестующие в Беларуси не стремятся к присоединению к западным структурам, таким как ЕС и НАТО. Но на фоне проблем с Украиной, эксперт называет Беларусь последним буферным государством для России, которое ей придется защищать.

Еще одна публикация — *Fondation pour la Recherche Stratégique (82)* — посвящена белорусскому кейсу и политике России.

Как отмечается, Беларусь и Украина составляют костяк «Русского мира». Реализация этой идеи была подорвана украинским кризисом, в результате которого Киев отделился от Москвы. При этом стратегическое значение Беларуси возрастает, страна имеет более тесные связи с Россией. Автор утверждает, что российское влияние на Беларусь во многом было основано на экономических рычагах, и российские субсидии согласовываются для поддержания геополитической лояльности Минска. В период с 2005 по 2015 год сумма этих субсидий составила до 100 млрд долларов, а доля России в импорте Беларуси превышает половину. Кроме того, экономика Беларуси зависит от поставок российских энергоносителей. Такая уязвимость побудила Лукашенко поддержать создание «возглавляемого Россией» Таможенного союза в 2010 г. и ЕАЭС — в 2014-м. Эти интеграционные проекты являются проекцией власти Москвы и способствуют свободному передвижению капитала, товаров и рабочей силы в регионе для закрепления в нем ведущей роли России³⁰¹. Но после со-

296. Ibid. P. 2–3.

297. Ibid. P. 3.

298. Paikin Z. EU-Russia relations and the crisis in Belarus: toward a more «geopolitical» Europe? // *Fondation pour la Recherche Stratégique*, 10.11.2020. P. 1. URL: <https://frstrategie.org/sites/default/files/documents/publications/notes/2020/202066.pdf>

299. Ibid.

300. Ibid. P. 2.

301. Czerny M. Russia's policy towards Belarus during Alyaksandr Lukashenka's fifth presidential term // *Fondation pour la Recherche Stratégique*, 03.08.2020. P. 6. URL: <https://frstrategie.org/sites/default/files/documents/publications/notes/2020/202057.pdf>

бытий на Украине в 2014 г. российская экономика не могла себе позволить субсидировать Беларусь в прежних объемах, политика Москвы стала более жесткой, цены на нефть и газ были пересмотрены. При этом «интеграции в рамках ЕАЭС препятствовала политизация Россией организации и введение торговых ограничений в отношении Минска после усилий белорусских компаний по обходу санкций на ввоз продовольственных товаров из западных стран в Россию»³⁰². Также Москва провела так называемый налоговый маневр, заключающийся в замене пошлин на экспорт сырой нефти увеличенным налогом на добычу полезных ископаемых. А дальнейшую компенсацию за ущерб от маневра Россия связала с более глубокой интеграцией в рамках Союзного государства и, соответственно, ограничением суверенитета Беларуси. При этом Лукашенко пытается бороться с таким развитием событий, заявив о планах по диверсификации экономики и снижению импорте российской нефти с 90% до 30%. И стратегия России, по словам автора, «привела к обратному результату»³⁰³.

Статья, размещенная на одном из аффилированных с *European Organisation for Security (99)* сайтов, содержит ряд кейсов по международному инвестиционному арбитражу. Среди них упоминается дело «Манолиум-Процессинг» против Беларуси. Компания подала иск в Беларуси в соответствии с нормами ЕАЭС, который устанавливает единый таможенный союз между Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном и Россией. Претензия «Манолиум-Процессинг» связана с одним из протоколов — приложений к Договору о Союзе, а также с правилами ЮНСИТРАЛ (Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. — *P. T., A. A.*). Авторы отмечают, что, учитывая официальный статус русского языка в Беларуси и в приоритетности русского языка в рамках документов ЕАЭС, было бы логичнее и проще вести разбирательства на русском языке, однако стороны предпочли английский, что, по мнению авторов, связано с желанием передать рассмотрение спора в международную инстанцию³⁰⁴. В тексте подробно раскрываются и другие детали дела, но они не имеют отношения к ЕАЭС.

3.5. Украина

Прямые упоминания

В докладе *Chatham House** (5), посвященном Минским соглашениям, «войне России на востоке Украины» и в целом украинскому кризису, в разделе с описанием бэкграунда Минских соглашений, отмечается, что на определенном этапе Кремль начал считать реальной угрозой подписание Украиной Соглашения об ассоциации с ЕС. К такой позиции его подвели три фактора. Во-первых, расшире-

ние влияния ЕС на постсоветском пространстве за пределами стран Балтии. Во-вторых, Соглашение об ассоциации могло привести к появлению «радикально отличающейся модели управления на пороге России — в стране, которую многие россияне считали практически неотличимой, культурно и исторически, от их собственной». И если такое могло произойти на Украине, то в России опасались, что

302. Ibid.

303. Ibid. P. 7.

304. Gáspár-Szilágyi S., Usynin M. Procedural Developments in Investment Arbitration. The Law and Practice of International Courts and Tribunals // European Organisation for Security. P. 19. Url: https://static-curis.ku.dk/portal/files/240142737/G_sp_r_Szil_gyi_Usynin_2020_Procedural_Developments_in_Investment_Arbitration.pdf

такое может произойти и у них. В-третьих, Россия отстаивала собственный интеграционный проект — ЕАЭС, который Путин (тогдашний премьер-министр) назвал в октябре 2011 г. «одним из “полюсов” в “многополярном” мировом порядке». При этом российское руководство считало «жизненно важным вступление Украины в ЕАЭС», однако Украина не могла одновременно с этим иметь и Соглашение об ассоциации с ЕС, поэтому пресечение подписания Соглашения Украины с ЕС стало приоритетом для Кремля. Сменявшие друг друга украинские лидеры отвергали предложенные Россией интеграционные инициативы. «Они особенно настороженно относились к вступлению в таможенный союз — первый этап интеграции в ЕАЭС — учитывая те ограничения, которые это наложило бы на их возможность проводить независимую торговую политику и добиваться интеграции Украины в ЕС». Так же было и с В. Януковичем, хотя он стремился найти баланс

между отношениями с ЕС и с Россией. «Он продолжил переговоры о подписании Соглашения об ассоциации... В то же время он заигрывал и с ЕАЭС, лавируя с помощью различных соглашений, за исключением членства»³⁰⁵.

Ниже идет речь о проекте «Новороссия», на раннем этапе которого «сыграл заметную роль С. Глазев — советник Путина по ЕАЭС»³⁰⁶. А в заключении отмечается, что «необъявленная война России на Донбассе является последней попыткой Москвы ограничить суверенитет Украины». Автор полагает, что «по любым критериям это была впечатляющий провал российской внешней политики», так как не были достигнуты две главные цели России в отношении Украины: не допустить подписания Соглашения об ассоциации с ЕС и добиться вступления Украины в ЕАЭС. «Цель России — присоединить Украину к своему блоку — далека от реализации как никогда»³⁰⁷.

Косвенные упоминания

В русскоязычной версии отчета, подготовленного *French Institute of International Relations* (4) в рамках проекта «Обсерватория России, Южного Кавказа и Восточной Европы» под названием «Трансформация российской стратегической культуры: влияние локальных конфликтов и глобального противостояния», в подразделе с говорящим названием «Провал украинской операции» автор жестко критикует политику России в отношении Украины, особенно в контексте конфликта на Донбассе, говоря о «фактах агрессии» со стороны Москвы. Затрагивая российские инициативы, он пишет, что «идея о включении Украины в Евразийский экономический союз противоречит дорогостоящим усилиям по строительству двух обходных газопро-

водов, которые позволяют прекращение транзита через ее территорию»³⁰⁸.

В аналитической записке *Friedrich-Ebert-Stiftung* (6), подготовленной по итогам Белорусско-Украинского экспертного форума — 2020, ЕАЭС упомянут лишь раз: «...Беларусь никогда не вводила против Украины политически мотивированные экономические санкции, хотя также испытывала давление Москвы в этом вопросе. В частности, после событий 2014 г. Россия активно лоббировала антиукраинские санкции в рамках Евразийского экономического союза. В Москве неоднократно озвучивали, что Минск был обязан оказать России безоговорочную поддержку в рамках Союзного государства. Минск в итоге воз-

305. Allan D. The Minsk Conundrum: Western Policy and Russia's War in Eastern Ukraine // Chatham House*, May 2020. P. 2–3.

Url: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2020-05-22-minsk-conundrum-allan.pdf>

306. Ibid. P. 5.

307. Ibid. P. 21.

308. Баев П. Трансформация российской стратегической культуры: влияние локальных конфликтов и глобального противостояния // French Institute of International Relations, июнь 2020. Url: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/baev_russian_strategic_culture_ru_2020.pdf, англоязычная версия: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/baev_russian_strategic_culture_2020.pdf

держался от антиукраинских действий, что в более долгосрочной перспективе стало одной из фоновых причин осложнения отношений Беларуси и России»³⁰⁹.

В докладе *LSE IDEAS (17)* «От “Войн памяти” к общему будущему: Преодоление поляризации на Украине» используется резко антироссийская риторика. В одной из его частей описаны инструменты, которые, по мнению авторов, применяются Россией для манипулирования украинским народом через контроль информационных потоков, включая телеканалы, онлайн-платформы, социальные сети, особенно на неподконтрольных Киеву территориях, где более 60% населения смотрят российское телевидение каждый день. «Опрос, проведенный SCORE, также указывает на связь между просмотром российского телевидения на ППТ (подконтрольные правительству Украины территории в Луганской и Донецкой областях) и увеличением поддержки членства Украины в Евразийском экономическом союзе, а также интеграции неподконтрольных правительству территорий с Российской Федерацией»³¹⁰, — подчеркнуто в докладе.

Один из комментариев Т. Кузьо для *Royal United Services Institute (25)* связан с Украиной. «Хотя Янукович принял все требования, выдвинутые президентом России Д. Медведевым в его открытом письме Ющенко в августе 2009 г., написанном в ответ на высылку дипломатов, он никогда не поддерживал интеграцию Украины с экономическими структурами или структурами безопасности в Евразии»³¹¹, — считает эксперт. И хотя Янукович еще в 2010 г. отказался от политики стремления в НАТО, это «было недостаточно для Путина», который «давил на Януковича, чтобы тот отказался от Соглашения об ассоциации с ЕС, которое в рамках Восточного партнер-

ства предполагало интеграцию, но не членство». При этом «Если бы не революция Евромайдана, закончившаяся победой, непопулярный Янукович вполне мог быть переизбран путем фальсификаций в следующем году и — под давлением Москвы — вероятно, привел бы Украину в Евразийский экономический союз (в который был преобразован Таможенный союз СНГ)»³¹².

Публикация *Finnish Institute of International Affairs (38)* посвящена Украине. Примечательно, что авторами почти всех глав этой работы являются эксперты с русскими и украинскими корнями. В небольшом разделе с названием «Европейский вектор vs Евразийский: до сих пор ли разделено общество?» упоминается «возглавляемый Россией Таможенный союз». И хотя ЕАЭС напрямую в этой главе ни разу не упомянут, речь идет именно о ранней «версии» Евразийского экономического союза. Отвечая на вопрос, поставленный в названии, автор отмечает, что до 2014 г. общественное мнение на Украине было разделено, и хотя большая часть населения была сторонниками европейской интеграции в противовес евразийской, этот перевес был не абсолютным. Кроме того, ярко прослеживался раскол по региональному признаку: Западная и Центральная части Украины поддерживали интеграцию с ЕС, Восточная и Южная — с Таможенным союзом, однако после событий 2014 г. число сторонников сотрудничества с Россией резко снизилось. В тексте приведена таблица, показывающая динамику этих изменений.

Автор также отмечает, что «разочарование в евразийском векторе интеграции продолжает расти»³¹³ параллельно с усилением проевропейских настроений в стране. Вместе с тем евроскептики,

309. Прейгерман Е., Максак г. Белорусско-украинские отношения в контексте внутривнутриполитического кризиса в Беларуси: по итогам Белорусско-Украинского экспертного форума — 2020 // Фонд им. Фридриха Эберта, декабрь 2020. С. 14–15. Url: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/17179.pdf>

310. From “Memory Wars” to a Common Future: Overcoming Polarisation in Ukraine // LSE IDEAS, July 2020. P. 18. Url: <https://www.lse.ac.uk/iga/assets/documents/Arena-LSE-From-Memory-Wars-to-a-Common-Future-Overcoming-Polarisation-in-Ukraine.pdf>

311. Kuzio T. The Long and Arduous Road: Ukraine Updates Its National Security Strategy // Royal United Services Institute, 16.10.2020. Url: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/the-long-and-arduous-road-ukraine-updates-its-national-security-strategy>

312. Ibid.

313. Ukraine and Its Regions: Societal Trends and Policy Implications / ed. by R. Nizhnikau, A. Moshes // Finnish Institute of International Affairs, March 2020. P. 21. Url: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2020/03/report62_ukraine-and-its-regions.pdf

которые разочаровались и в России, стали сторонниками «неприсоединения», а их число, вместе с неопределившимися, увеличилось с 28% в 2014 г. до 38% — в 2018-м³¹⁴. А в выводах к главе отмечается: «Прежнее разделение страны на проевропейский и проевразийский “лагеря” практически исчезло с началом российской агрессии»³¹⁵. Изменилось и отношение украинцев к НАТО, а «Военный союз с Россией стал так же непопулярен, как и членство в Таможенном союзе»³¹⁶.

Собственно Евразийский союз упоминается лишь раз в главе «Ценностные сдвиги и внешнеполитические ориентации на юге Украины и в Одессе в 2013–2019 годах». Как и в части, описанной выше, здесь речь идет о социологических опросах. Отмечено, что на юге страны 2019 году 44,4% выбрали интеграцию с ЕС, 22,7% — с Евразийским союзом, и в 2020 году эта тенденция сохранилась и даже усилилась³¹⁷.

В анонсе вебинара об экономических проблемах Украины и вопросах реинтеграции Донбасса, размещенном на сайте *Vienna Institute for International Economic Studies* (77), среди экспертов упомянут экономист П. Хавлик. В качестве одной из основных сфер профессиональных интересов эксперта указаны в том числе вопросы сотрудничества между ЕС и Россией, а также ЕС и ЕАЭС³¹⁸.

Вопросы реинтеграции Донбасса и роль иностранной помощи также рассмотрены в одной из структурных частей очередного ежемесячного докладов этой «фабрики мысли» по итогам марта 2020 г. В ней тоже упоминается и ЕАЭС. Авторы полагают, что мир на востоке Украины является важнейшим условием для развития европейско-евразийского диалога на пространстве «от Лиссабона до Владивостока», и в обсуждениях по реализации этой идеи, помимо ЕС и России, должны принимать участие другие члены Евразийского экономического союза и Украина. Поэтому необходимо «определить экономические задачи по восстановлению и реинтеграции Донбасса в украинскую экономику еще до того, как будут реализованы политико-институциональные инициативы по урегулированию конфликта»³¹⁹. Авторы с сожалением констатируют, что Украина стала пешкой в геополитическом конфликте между Западом и Россией и даже между республиканцами и демократами в преддверии президентских выборов в США. Такое положение дел мешает урегулированию конфликта на Донбассе, а кризис из-за пандемии коронавируса, хоть и замедляет восстановление региона, но приблизит некоторые его части «к социально-экономическому пространству, контролируемому Россией»³²⁰.

314. Ibid. P. 22.

315. Ibid. P. 25.

316. Ibid. P. 26.

317. Ibid. P. 49–50.

318. Webinar: Economic Challenges and Costs of Reintegrating the Donbas Region in Ukraine // Vienna Institute for International Economic Studies, 25.06.2020. Url: <https://wiiw.ac.at/webinar-economic-challenges-and-costs-of-reintegrating-the-donbas-region-in-ukraine-e-477.html>

319. Belyi A., Grübler J., Havlik P., Kolodko G. Monthly Report // Vienna Institute for International Economic Studies, April 2020. P. 16. Url: <https://wiiw.ac.at/monthly-report-no-04-2020-dlp-5294.pdf>

320. Ibid.

3.6. Евросоюз

Прямые упоминания

Netherlands Institute of International Relations (Clingendael) (3) републикует статью *Institut für Sicherheitspolitik*, — это одна из немногих публикаций, которая посвящена непосредственно ЕАЭС, в частности его взаимоотношениям с Евросоюзом. Автор называет Евразийский экономический союз «последней версией интеграции на постсоветском пространстве», которая объединила Россию, Казахстан, Беларусь, Армению и Кыргызстан в союз, моделью для которого послужил ЕС. Однако спустя пять лет ЕАЭС все еще страдает от многочисленных структурных проблем, которые «мешают организации стать чем-то большим, чем Таможенный союз»³²¹.

Отказ Евросоюза от установления официальных отношений с ЕАЭС автор объясняет «агрессивным поведением» со стороны России в отношении Украины, после ее отказа присоединиться к ЕАЭС. А сам Союз, по его мнению, рассматривается в Европе как «геополитический инструмент с доминированием России и используемый ей для восстановления своей гегемонии на постсоветском пространстве».

Однако в условиях перманентного кризиса в отношениях между Россией и Западом, в некоторых государствах — членах ЕС, включая Германию и Австрию, политики и представители деловых кругов стали приводить аргументы в пользу того, что конструктивные отношения между ЕС и ЕАЭС могут проложить путь к политическому решению. «В последнее время возобновились дебаты о перспективах диалога и сотрудничества между ЕС и ЕАЭС».

Далее в тексте анализируется то, как китайская инициатива «Пояс и путь» может оказать влияние на отношения ЕС с государствами — членами ЕАЭС и с Евразийской экономической комиссией. В частности, в рамках диалога о технической стандартизации с Китаем и ЕАЭС, что помогло бы предотвратить

появление новых нетарифных торговых барьеров на Евразийском континенте.

Один из разделов статьи посвящен двусторонним отношениям между ЕС и отдельными государствами — членами ЕАЭС. Автор еще раз подчеркивает, что Евросоюз всегда предпочитал взаимодействовать с государствами — членами ЕАЭС на двусторонней основе, а не через ЕАЭС. Но при этом соглашения ЕС с Казахстаном и Арменией учитывают и их обязательства перед Евразийским экономическим союзом. Интеграция в рамках ЕАЭС далека от завершения. А «незавершенный характер интеграции усугубляется расхождениями во взглядах его членов на целесообразность более глубокой интеграции с Россией». Сама Россия при этом предпочла бы углубить интеграцию в рамках ЕАЭС, что позволило бы ей укрепить собственные геополитические и геоэкономические позиции в отношениях со своими ведущими торговыми партнерами — ЕС и Китаем. Однако другие страны — члены ЕАЭС предпочитают не ограничивать себя участием только в платформе, где доминирует Россия и поддерживать отношения с другими внешними партнерами. При этом они могут использовать свое право вето в ЕАЭС для противодействия любым шагам России, которые рассматриваются как не отвечающие интересам более мелких государств — членов ЕАЭС. В свою очередь, «ЕС мог бы воспользоваться пространством для маневра, которое дает такое положение дел, для углубления сотрудничества с этими государствами — членами ЕАЭС по вопросам, выходящим за рамки компетенции ЕАЭС».

При этом и другие государства — члены ЕАЭС (особенно в Центральной Азии), и Россия сталкиваются с настойчивым стремлением Пекина к более широкой евразийской интеграции, служащей в пер-

321. van der Togt T. EU & Eurasian Economic Union: a Common Chinese Challenge // Netherlands Institute of International Relations, 30.04.2020. Url: <https://www.clingendael.org/publication/eu-eurasian-economic-union-common-chinese-challenge>

вую очередь китайским геополитическим и геоэкономическим интересам, а основным средством реализаций таких амбиций является инициатива «Пояс и путь». «В этом контексте все государства — члены ЕАЭС заинтересованы в углублении своего сотрудничества с ЕС, чтобы ослабить хватку Китая в большой Евразии».

Отдельный фрагмент статьи посвящен диалогу между ЕС и ЕАЭС по техническим нормам и стандартам. Автор отмечает, что, несмотря на то, что в Брюсселе предпочитают двусторонние отношения, между Европейской комиссией и Евразийской экономической комиссией есть неофициальный экспертный диалог, и такой диалог неизбежен, потому что у ЕЭК есть широкие полномочия в сфере гармонизации технических стандартов и норм. И в этой сфере, по мнению автора статьи, у ЕС и ЕАЭС есть хорошие перспективы для сотрудничества.

Отдельно рассматривается роль Китая в регионе. Автор полагает, что и для ЕАЭС, и для входящих в него держав КНР представляет собой «многоаспектный вызов». Для укрепления своих позиций Россия продвигает сопряжение между ЕАЭС и «Поясом и путем», но и Москва, и другие члены ЕАЭС опасаются конкуренции Китая на своих рынках. «При этом серьезным вызовом как для ЕС, так и для ЕАЭС стала бы дивергенция между европейскими и китайскими стандартами, особенно в том, что касается новых технологий». В этой связи автор ссылается на эксперта одного из немецких think tank'ов Т. Рулига, который предложил расширить платформу, на которой взаимодействуют Китай и ЕС (EU — China Connectivity Platform), включив туда ЕАЭС. «Такой трехсторонний формат мог бы открыть для ЕС и ЕАЭС новые возможности для более тесного сотрудничества по вопросам, представляющим общий интерес, и предоставить государствам — членам ЕАЭС дополнительные альтернативы, помимо двустороннего сотрудничества на китайских условиях»³²².

В заключение автор приходит к следующим выводам и дает такие рекомендации: «В данной статье приведены аргументы, что в интересах ЕС было бы

параллельно развивать свои отношения с отдельными государствами — членами ЕАЭС и с Евразийской экономической комиссией, чтобы обеспечить устойчивое развитие более широких связей по всей Евразии на постоянной основе и базирующихся на международных стандартах. В этом контексте можно предложить следующие рекомендации:

- ЕС следует продолжать углублять сотрудничество с государствами — членами ЕАЭС на двусторонней основе, особенно в тех областях, которые в настоящее время находятся за пределами интеграционных процессов в ЕАЭС, таких как цифровые коммуникации.
- По мере дальнейшего углубления интеграции в ЕАЭС, Европейская комиссия должна тесно сотрудничать с государствами — членами ЕАЭС, используя их стремление застраховаться от давления китайцев (или русских) или уравновесить его, с тем, чтобы более активно вовлекать их в более широкие многосторонние (региональные) структуры для укрепления взаимодействия, в рамках стратегии ЕС в Центральной Азии или обновленной политики Восточного партнерства.
- Нынешний неформальный диалог ЕС — ЕАЭС по сближению технических стандартов должен быть расширен и институализирован, а также направлен на дальнейшую гармонизацию таких стандартов, в том числе в тех областях, в которых ЕАЭС стремится углубить интеграцию на своих внутренних рынках, например в энергетике.
- ЕС необходимо включить ЕАЭС в европейско-китайскую платформу (EU — China Connectivity Platform), чтобы предотвратить усугубление различия в стандартах (китайских), особенно в транспортной инфраструктуре и цифровых коммуникациях. Центральная Азия могла бы стать тем регионом, где ЕС и Китай также могли бы сотрудничать в проектах финансируемых совместно.
- ЕС должен разработать более комплексный и стратегический подход в отношении Евразии в целом, включая Китай, Россию, ЕАЭС, а также

322. Ibid.

страны Центральной Азии и Восточного партнерства. Первые шаги в этом направлении уже могут быть сделаны во время председательства Германии в ЕС во второй половине 2020 года»³²³.

Подзаголовок одного из докладов *Friedrich-Ebert-Stiftung (6)* сформулирован следующим образом: «Почему сотрудничество с ЕАЭС отвечает насущным интересам ЕС», и сама публикация полностью посвящена этому вопросу. Во введении автор напоминает, что ЕАЭС отметил пятую годовщину основания, в связи с чем «стоит сделать предварительные выводы о его взаимодействии в ЕС, который остается крупнейшим торговым партнером ЕАЭС». Также отмечено, что Соглашение о свободной торговле с ЕС является одной из целей ЕАЭС. «Однако “разводной мост” ЕС остается поднятым: ЕС до сих пор отказывается от официального признания и диалога на высшем уровне с организацией, которая, как считается, контролируется Россией. Вместо этого ЕС настаивает на двусторонних торговых отношениях с членами ЕАЭС»³²⁴. Сама публикация является итогом трехлетнего мониторинга процессов евразийской интеграции, в рамках которого была проведена серия интервью и семинаров с экспертами и официальными лицами из ОБСЕ и ряда европейских стран, структур ЕАЭС. И хотя автор отмечает, что точка в исследовании данного вопроса не поставлена, а соглашение может появиться, только если изменится политический климат. При этом подчеркнуто: «Одно представляется очевидным: позиция неприятия со стороны ЕС по отношению к ЕАЭС неприемлема и наносит ущерб собственным интересам Евросоюза и интересам соседних стран»³²⁵.

«Международная деятельность ЕАЭС — это больше, чем просто слова. Используя свой наднациональный орган — Евразийскую экономическую комиссию — ЕАЭС заключает соглашения о свободной торговле с другими государствами (Сингапур,

Сербия и т. д.), добивается официального статуса наблюдателя ВТО, работает над соглашениями с МЕРКОСУР и АСЕАН и уже имеет соглашение о сотрудничестве с Китаем. Учитывая объем уже проделанной работы и созданную институциональную структуру, ЕАЭС, скорее всего, сохранится. В будущем ЕАЭС, вероятно, углубит интеграцию между членами и выйдет на глобальный уровень. Поэтому ЕС целесообразно серьезно отнестись к этой организации и рассмотреть возможность более тесного взаимодействия с ней.

Сотрудничество ЕС с ЕАЭС как институтом, будет свидетельствовать о следующем:

- о приверженности мультилатерализму и региональным интеграционным инициативам;
- заинтересованности в прагматичном сотрудничестве с Россией, без пренебрежения фундаментальными политическими вызовами и проблемами;
- об обязательствах перед более мелкими партнерами в Восточной Европе, на Южном Кавказе и в Центральной Азии, которые не были причиной разногласий между Россией и Западом, но в результате столкнулись с уменьшением экономических возможностей.

Благодаря взаимодействию с ЕАЭС у ЕС могли бы появиться три конкретные возможности:

1. Удержать регион: сохранить сокращающееся экономическое влияние в регионе и уравновесить растущее влияние Китая в Евразии.
2. Участвовать в формировании: оказывать влияние на создающийся и еще не полностью функциональный Евразийский союз и возобновить сотрудничество с Россией, используя его многосторонние структуры.
3. Стать трендсеттером: снижая торговые барьеры на рынке с населением 180 миллионов человек и устанавливая технические стандарты в Евразии»³²⁶.

323. Ibid.

324. Dienes A. Time to let down the drawbridge: Why engagement with the Eurasian Economic Union is in the EU's best interest // Friedrich-Ebert-Stiftung, January 2020. P. 2. Url: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/wien/15966.pdf>

325. Ibid.

326. Ibid. P. 3.

Затем на нескольких страницах эти три конкретные возможности раскрываются подробно. Документ заслуживает того, чтобы ознакомиться с его полным текстом, мы же приведем целиком те выводы, к которым пришел автор:

«Диалог между ЕС и ЕАЭС и их сближение в области регулирования, а также долгосрочная цель создания общей зоны свободной торговли имеют потенциал для расширения экономических связей с общими соседями ЕС и России. ЕС провозгласил сближение с Азией своим приоритетом, что отражено в Стратегии сопряжения (Connectivity Strategy) 2019 г., и ЕАЭС имеет к этому прямое отношение.

Диалог ЕС — ЕАЭС может также послужить одним из механизмов для деэскалации напряженности между ЕС и Россией и в долгосрочной перспективе содействовать политическому урегулированию конфликтов в регионе. Президент Франции Э. Макрон, как известно, сказал, что «отталкивание России от Европы является крупной стратегической ошибкой... Европейский континент никогда не будет стабильным, никогда не будет безопасным, если мы не смягчим и не внесем ясность в наши отношения с Россией».

Более глубокое взаимодействие с ЕАЭС также может помочь ЕС сохранить или даже увеличить свое экономическое влияние в регионе. Конечно, одна лишь торговля не поможет разрешить конфликты, которые имеют глубокие корни. Тем не менее экономическое сотрудничество может быть небольшим «островком сотрудничества» на пути к восстановлению доверия и подготовке почвы для будущего урегулирования конфликтов. Для выхода из геополитического тупика важно продолжать техническое сотрудничество в экономической сфере одновременно с поддержанием стратегического диалога (по контролю над вооружениями и т. д.), увязывая его с прогрессом в имплементации Вторых Минских соглашений.

Будущее взаимодействие с ЕАЭС состоит из технических, неидеологических вопросов. Это не требует сотрудничества на высоком уровне. До сих пор главным препятствием для сотрудничества остается политика. Но мы нуждаемся в установлении рабочих отношений в экономической сфере, чтобы иметь что-

то «в ящике стола», к тому моменту, когда ситуация изменится и произойдут позитивные изменения на «украинском фронте».

ЕС должен решиться сделать первый шаг, не опасаясь, что Россия может злоупотребить этой оливковой ветвью. Новая комиссия ЕС, которая взяла на себя обязательства стать «геополитической», — это шанс, и Генеральный директорат по торговле имеет прямой мандат на торговые переговоры. Для этого государствами — членами ЕС должно быть принято политическое решение, а другие государства региона, не входящие в ЕС, должны поддержать этот шаг.

Взаимодействие с ЕАЭС может осуществляться в три этапа:

1 (краткосрочный). Институционализация существующих технических переговоров — например, создание постоянных рабочих групп по техническим стандартам, транспорту и т. д. с участием официальных представителей Генерального директората по торговле и Комиссии ЕАЭС.

2 (среднесрочный). Работа над сближением, взаимным признанием или гармонизацией технических стандартов и торговых процедур с помощью ЕС (финансовая помощь, наращивание потенциала).

3 (долгосрочный). Создание асимметричной зоны свободной торговли с ЕАЭС (после вступления Беларуси в ВТО).

Следующие рекомендации были бы полезны для ЕС:

Обязательства. Сближение в регулятивной сфере с восточными соседями потребует от ЕС многого (инвестиции, наращивание потенциала), но это важная часть его мягкой силы.

Компромисс. Даже при значительной финансовой помощи было бы ошибкой ожидать, что соседи «присоединятся к системе» (т. е. в одностороннем порядке адаптируются к нормам ЕС), так как их экономическая база очень отличается. Это возможно лишь с помощью инструментов присоединения, которые недоступны для более широкого восточного соседства. Если ЕС решит взаимодействовать с членами ЕАЭС на основе диалога и компромисса, он может продемонстрировать соответствующую сдержанность и более равное отношение на одном уровне.

Не терять времени. если ЕС продолжит придерживаться подхода “поживем — увидим”, ситуация может развиваться без его участия. Это противоречило бы стремлению ЕС к глобальной политике возможностей (в тексте — *Weltpolitikfähigkeit*, без англоязычного варианта. — *P. T., A. A.*). Если ЕС решит занять более активную позицию в евразийском соседстве, он должен первым делом обратиться к ЕАЭС. Сделав это, ЕС следует не забывать, что 1) диалог — это не награда за хорошее поведение — мы нуждаемся в нем именно тогда, когда возникают трения; 2) ЕАЭС — это не только Россия»³²⁷.

Вебинар с говорящим названием-вопросом «Тупик в сотрудничестве ЕС с Евразийским экономическим союзом?» был организован *Centre for European Policy Studies (9)* в октябре 2020 г. В анонсе этого мероприятия отмечено, что нынешняя политика России и события в пограничных между блоками странах посеяли сомнения в ЕС среди тех, кто работает над нормализацией отношений с Россией. «Однако в долгосрочной перспективе крайне важно найти способы, чтобы избежать конфронтации. Обеспечат ли формы экономического сотрудничества, в том числе с участием других членов Евразийского экономического союза, путь наименьшего сопротивления? Данный вебинар будет посвящен изучению потенциала сотрудничества между ЕС и ЕАЭС»³²⁸, — сказано в анонсе.

В статье *Centre d'Etudes et de Recherches Internationales (59)* анализируется российская политика на западном направлении на фоне украинского кризиса, который «впервые после окончания холодной войны поставил отношения между Россией и Западом на грань конфронтации». А сам украинский кризис рассматривается автором как «первый прямой конфликт между региональными стратегиями

России и ЕС — Восточным партнерством Брюсселя и концепцией Евразийского союза (автор дифференцирует термины «Евразийский союз» и «Евразийский экономический союз». — *P. T., A. A.*) Москвы. Украина занимала центральное место в обеих стратегиях, и выбор “или — или”, предоставленный Киеву, в конечном счете, сделал конфликт неизбежным»³²⁹.

В статье отмечается, что после возвращения на пост президента В. Путин столкнулся «с совершенно другим Западом». Мировой экономический и финансовый кризис глубоко затронул США и ЕС и «нанес тяжелый удар по привлекательности модели мягкой силы ЕС для третьих стран, включая Россию». По мнению автора, российский президент посчитал, «что Россия больше не должна запрашивать руководства по модернизации у ослабленного ЕС», а «европейцы были не в том положении, чтобы читать другим странам лекции об управлении и демократии». Но в качестве главной причины, по которой Путин отвернулся от Европы, названа угроза существующей системе «суверенной демократии» и «топливного государства» с ее стороны.

«Поэтому Путин II сделал разворот и выбрал евразийский проект в качестве средства предотвращения цветной революции и восстановления статуса великой державы для России. Он хотел, чтобы Россия оставалась суверенным центром силы, со своей зоной влияния, опирающейся на Евразийский союз <...> Путин заявил, что Евразийский союз будет играть все более важную роль на мировой арене, добавив, что ЕС придется иметь дело с комиссией Евразийского союза вместе с Москвой. Предполагалось, что Украина станет жемчужиной в евразийской короне, и ее уход от России поставил бы под сомнение весь проект»³³⁰.

При этом антизападная риторика, которую поддерживает часть элиты, набирает обороты в России, что пугает не только соседей России по ЕС, но

327. Ibid. P. 9.

328. End of the road for EU cooperation with the Eurasian Economic Union? // Centre for European Policy Studies. Url: <https://www.ceps.eu/ceps-events/end-of-the-road-for-eu-cooperation-with-the-eurasian-economic-union/>

329. Alexandrova-Arbatova N. The Russian policy towards Europe/the West after the Ukrainian crisis: stakes, goals, capabilities // Centre d'Etudes et de Recherches Internationales, 2020. Url: <https://www.sciencespo.fr/cei/en/content/russian-policy-towards-europethe-west-after-ukrainian-crisis-stakes-goals-capabilities>

330. Ibid.

и союзников Москвы по ЕАЭС и ОДКБ. «Ни Беларусь, ни Казахстан не присоединились к российскому эмбарго на продукцию из стран ЕС, Норвегии, США, Канады и Австралии, введенному Москвой в ответ на западные санкции против России. Следует также отметить, что еще до конфликта на Украине Беларусь и Казахстан с осторожностью относились к предложению России о создании Евразийского союза как нового интеграционного органа по образцу ЕС с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным и культурным пространством».

В контексте анализа ситуации в Сирии, автор отмечает, что вмешательство России в ситуацию в Сирии не было антизападным, и хотя сначала реакция США была негативной, после серии терактов со стороны сирийских террористических органи-

заций в разных странах Вашингтон смягчил свою позицию.

Причем, по ее мнению, были признаки того, что «признание общей угрозы может побудить к активизации усилий по сотрудничеству не только в Сирии». Так, глава Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер предложил президенту Владимиру Путину более тесные торговые связи между 28 странами ЕС и экономическим блоком, возглавляемым Россией, связав их с прогрессом в осуществлении режима прекращения огня на Украине. В своем письме Юнкер подчеркнул важность хороших отношений между Европейским союзом и Москвой. Он также отметил, что «попросил чиновников Комиссии изучить варианты более тесных связей между ЕС и возглавляемым Москвой Евразийским экономическим союзом бывших советских республик»³³¹.

Косвенные упоминания

В единственной из найденных публикаций — *Barcelona Centre for International Affairs (12)* — с упоминанием ЕАЭС на английском языке (есть примеры таких материалов центра на испанском языке) Союз упомянут дважды. В первом случае речь идет об Армении: «Что касается интеграции с ЕС, показательным примером является Армения, которая положительно отреагировала на стимулирование Евросоюзом секторальных реформ в нескольких проблемных областях, несмотря на ее членство в возглавляемом Россией Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС)»³³². Во втором случае авторы описывают негативную, по их мнению, роль России в усилении напряженности и конфликтности в странах — партнерах ЕС. В частности, упомянуты кейсы Молдовы, Украины и Грузии. Упоминание ЕАЭС связано с конкуренцией между Россией и ЕС на молдавском треке: в Приднестровье и в Гагаузии

поддерживают вступление в ЕАЭС, в то время как центральное правительство Молдовы заключило Соглашение об ассоциации с ЕС³³³.

О возможностях, которые открывает для ЕС постковидная Евразия, идет речь в статье *German Council on Foreign Relations (24)*. В ней затронуты, в том числе, и возможности для активизации сотрудничества между ЕС и Россией в экономической сфере. И поскольку автор считает, что двустороннего взаимодействия может быть недостаточно, он предлагает некоторые многосторонние форматы, включая сотрудничество между ЕС, Россией и Японией по вопросам Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии, взаимодействие с Индией в контексте связи с Индо-Тихоокеанским регионом, в том числе по вопросам транспортного коридора Север — Юг, а также сотрудничество между испол-

331. Ibid.

332. Cadier D., Capasso M., Eickhoff K. Researching Resilience: Implications for Case Studies in Europe's Neighbourhoods // *Barcelona Centre for International Affairs*, January 2020. P. 31. Url: <https://www.cidob.org/ca/layout/set/print/content/download/75131/2419590/file/Working+Paper+No.+5.+Researching+resilience..pdf>

333. Ibid.

нительными структурами ЕС и ЕАЭС через открытый системный диалог³³⁴.

В материале *Stiftung Wissenschaft und Politik (27)* анализируется дипломатия ЕС в сфере энергетической модернизации, и ЕАЭС в нем упоминают трижды. Первый раз — в контексте сотрудничества ЕС и России, так как Россия — важный партнер ЕС и при этом является разработчиком стандартов и норм в Евразийском экономическом союзе³³⁵. Второй — в контексте взаимодействия с Казахстаном как «вторым по значимости членом Евразийского экономического союза и ключевым объектом китайских инвестиций в сфере энергетики в Центральной Азии»³³⁶. Третий — в рамках рекомендаций для ЕС по обмену, нормативно-регулятивному и технологическому сотрудничеству в сфере энергетики с другими акторами, включая региональные структуры, такие как Ассоциация регуляторов энергетики стран Средиземноморья и Департамент энергетики Евразийской экономической комиссии³³⁷.

В статье *European Council on Foreign Relations (30)* отмечается, что настроения в обществе в Молдове и Грузии скорее проевропейские, чем пророссийские, и этот факт ограничивает возможности выбора для местных политиков. «Согласно опросам, проведенным ЕС в начале этого года, 63% молдаван выразили доверие ЕС, и лишь 33% выразили доверие Евразийскому экономическому союзу; 49% грузин относятся к ЕС положительно, в то время как отрицательно — лишь 7%»³³⁸, — говорится в тексте.

В комментарии, опубликованном *EGMONT — The Royal Institute for International Relations (31)*, ЕАЭС упоминают при описании политики ЕС в Азии. Раскрывая суть новой стратегии ЕС в регионе, автор пишет, что ее основная идея проста: «...если ЕС чувствует, что Китай через свою инициативу “Пояс и путь” (или в некоторых местах Россия через Евразийский экономический союз) приобретает слишком большое влияние в стране, а на карту поставлены европейские интересы, Европа должна сделать более выгодное предложение»³³⁹.

Еще в одной публикации *EGMONT — The Royal Institute for International Relations (31)*, посвященной геоэкономическому положению ЕС, также упоминается стратегия ЕС в отношении Азии 2018 г., в рамках которой предполагается вытеснение китайской инициативы «Пояс и путь» и «российского Евразийского экономического союза» из региона³⁴⁰.

Как и годом ранее, в 2020 г. эксперты *European Union Institute for Security Studies (40)* упоминают ЕАЭС в докладе в одном из достаточно нестандартных форматов, в котором рассмотрены нетрендовые сценарии развития событий различных мировых процессов. Сами авторы при описании своей работы проводят параллели с научной фантастикой, однако с более конкретными путями достижения желаемого результата³⁴¹. В данном, третьем по счету, выпуске (первые два были опубликованы в 2017 и 2019 гг.), представлены 14 прогнозов на 2024 г. Но если в нашем предыдущем исследовании докладу этой «фабрики мысли» был посвящен отдельный тематиче-

334. Pepe J. M. Connectivity in Eurasia: Geopolitical Chances for the EU // German Council on Foreign Relations, September 2020. P. 7. Url: https://dgap.org/sites/default/files/article_pdfs/dgap-policy_brief-2020-18-en.pdf

335. Pastukhova M., Pepe J., Westphal K. Beyond the Green Deal: Upgrading the EU's Energy Diplomacy for a New Era // Stiftung Wissenschaft und Politik, June 2020. P. 5. Url: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2020C31_EnergyDiplomacy.pdf

336. Ibid. P. 6.

337. Ibid. P. 7.

338. Wilson A. Lessons from Belarus: How the EU can support clean elections in Moldova and Georgia // European Council on Foreign Relations, September 2020. P. 3. Url: https://ecfr.eu/wp-content/uploads/lessons_from_belarus_how_eu_can_support_clean_elections_in_moldova_georgia.pdf

339. Biscop S. Use connectivity to strengthen multilateral cooperation in the EU's neighbourhood // EGMONT - The Royal Institute for International Relations, 15.09.2020. Url: <https://www.egmontinstitute.be/use-connectivity-to-strengthen-multilateral-cooperation-in-the-eus-neighbourhood/>

340. Gehrke T. What Could a Geoeconomic EU Look Like in 2020? // EGMONT - The Royal Institute for International Relations, February 2020. Url: <https://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2020/02/SPB123-final.pdf?type=pdf>

341. WHAT IF ...? 14 futures for 2024 / ed. by F. Gaub // European Union Institute for Security Studies, January 2020. P. 2. Url: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_157.pdf

ский блок («Сценарий распада ЕАЭС»³⁴², то на этот раз Евразийский союз упоминается лишь косвенно в главе с названием «Что, если... страны Восточного партнерства присоединились к “финансовому Шенгену”?» Ее автором является С. Секриеру, который описал гипотетический сценарий распада ЕАЭС в 2019 г.

Описание начинается с того, что «27 июня группа туристов из Грузии, Молдовы и Украины была встречена журналистами, собравшимися у банкомата на круговой развязке Шумана в Брюсселе»³⁴³. Их сопровождал еврокомиссар по вопросам добрососедства и расширения, все присутствующие положительно оценивали присоединение трех ассоциированных стран к единой зоне платежей ЕС (SEPA). Такая интеграция принесла пользу всем заинтересованным субъектам. Помимо стран, подписавших соглашение об ассоциации с ЕС, есть и те, которые вступили в ЕАЭС (Армения и Беларусь), а также Азербайджан, лавирующий между Россией и Европой. Но расширение SEPA касается именно ассоциированных стран, и три другие автор предметно не рассматривает.

Материал *Norwegian Institute of International Affairs* (72) посвящен политическим процессам в постковидных России и Беларуси. Говоря о политическом положении стран Восточной Европы после окончания «холодной войны», автор упоминает расширение ЕС и НАТО в регионе, ориентацию этих стран на Запад при нарастающей враждебности в отношении России. «Кроме того, соперничество между двумя экономическими блоками, ЕС и Евразийским экономическим союзом, способствовало дестабилизации региона. Вдобавок ко всему, вторая менее чем за десятилетие украинская революция спровоцировала аннексию Россией Крыма в 2014 г. и ее военное участие в войне на Донбассе, что способствовало

усилению турбулентности в регионе и охлаждению взаимоотношений между Россией и западными державами»³⁴⁴, — сказано в тексте.

Статья *Robert Schuman Foundation* (104) посвящена Европейской комиссии как «Геополитической комиссии» (Речь идет об известном высказывании У. фон дер Ляйен о том, что Еврокомиссии следует нарастить свое влияние и стать «Геополитической комиссией». — Р. Т., А. А.) и трудностям, с которыми она сталкивается для поддержания европейского суверенитета. В частности, сказано, что Россия не отпускает прошлое, пытается сохранить свою гибридную политическую систему и удержать Ближнее зарубежье путем дезинформации и нарушений международного права. В тексте приведено сравнение России с «раненым животным», которое в течение 30 лет слабеет в экономическом, демографическом и территориальном плане, а Китай при этом мечтает «стать крестным отцом для ослабленного союзника». В то же время, отмечается, что и ЕС не должен унижать «побежденного», а также, несмотря на «путинскую систему», должен вести диалог с Россией для реализации общих интересов в сфере безопасности, торговли, энергетики и т. д. Торговля должна развиваться в рамках взаимодействия между ЕАЭС и ЕС посредством отраслевых соглашений. Но этот диалог, по мнению экспертов «фабрики мысли», не может быть начат без реального прорыва в выполнении Минских соглашений по Донбассу и урегулирования других подобных конфликтов. Это предполагает, что НАТО откажет в членстве Украине и Грузии в пользу другого формата, например, ОБСЕ, так как Россию вопрос расширения НАТО беспокоит даже больше, чем усиление влияния ЕС. Такой союз был бы выгоден и ЕС, и России в свете «большой игры» Китая в Центральной Азии и реализации им проекта Нового Шелко-

342. Подробнее см.: Травин Р. А., Аванесов А. Ю. ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2019 году : аналитический доклад. М.: Издательство «Перо», 2020. С. 102–103.

343. WHAT IF ...? 14 futures for 2024 / ed. by F. Gaub // European Union Institute for Security Studies, January 2020. P. 47. Url: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_157.pdf

344. Hansen A. Slow Stagnation, Sudden Revolution? Post-COVID-19 Prospects for Political Change in Russia and Belarus // Norwegian Institute of International Affairs. P. 1. Url: https://www.nupi.no/nupi_eng/Publications/CRISin-Pub/Slow-Stagnation-Sudden-Revolution-Post-COVID-19-Prospects-for-Political-Change-in-Russia-and-Belarus

вого пути, который подрывает интересы и Москвы, и Брюсселя. «Поэтому предотвращение чрезмерной зависимости Москвы от Пекина должно быть одной из целей Евросоюза, который вместе с ЕАЭС, по крайней мере, обеспечит рынок, соизмеримый с взаимными ожиданиями»³⁴⁵.

Ниже идет речь о Европейской политике соседства. Говорится о планах политической ассоциации и экономической интеграции стран Восточного партнерства с ЕС с 2009 г. В 2015 г. эта политика стала более гибкой, нацеленной на развитие соглашений об ассоциации и специальных согла-

шений о свободной торговле, которые обсуждаются с Иорданией, Марокко и Тунисом, а подписаны с Грузией, Молдовой и Украиной в 2013–2014 гг. Несмотря на это, такая политика не помогла предотвратить конфликты от Сирии и Ливии до Осетии, и Украины. Россия, по мнению авторов, будет поддерживать замороженные конфликты на Донбассе, в Грузии (Абхазия) и Молдове (Приднестровье) как гарантию для ограничения расширения НАТО. Поэтому диалог с Россией незаменим, и необходимо изучить возможности для сотрудничества между ЕС и ЕАЭС³⁴⁶.

3.7. Балканы

Косвенные упоминания

В публикации *Friedrich-Ebert-Stiftung (6)*, изданной офисом фонда в Боснии и Герцеговине и посвященной политике ЕС на Западных Балканах отмечается: «Вопреки предостережению ЕС, Сербия подписала Соглашение о свободной торговле с возглавляемым Россией Евразийским экономическим союзом в октябре 2019 года. Сербия настаивала, что это никоим образом не противоречит ее устремлениям, связанным с ЕС, поскольку соглашение утратит силу после вступления Сербии в Евросоюз». При этом автор отмечает «ожидание Евросоюза», что Белград солидаризуется с политикой Евросоюза, и позицию России, которая высоко оценила подписание соглашения, как «пример сбалансированной политики Белграда»³⁴⁷.

В публикации *Friedrich-Ebert-Stiftung (6)*, изданной Белградским офисом этого фонда, рассмотрен вопрос реализации повестки для вступления Сербии в ЕС в 2016–2020 гг. При описании проблем расторжения соглашений о свободной торговле с третьими странами, затронута и подобное соглашение с ЕАЭС. Однако отмечается, что это соглашение «не даст существенного экономического эффекта, поскольку Сербия уже имела соглашения о свободной торговле с Россией, Беларусью и Казахстаном, а теперь к ним добавились Кыргызстан и Армения». При этом отмечается, что укрепление связей Сербии с Евразийским союзом в политическом измерении не было встречено как позитивный шаг в контексте стремления к членству в ЕС³⁴⁸.

345. The Challenges and Constraints facing a «Geopolitical Commission» in the achievement of European sovereignty // Robert Schuman Foundation, 25.05.2020. Url: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0560-the-challenges-and-constraints-facing-a-geopolitical-commission-in-the-achievement-of-european>

346. Ibid.

347. Džananović N. Foreign Policies in Western Balkans: Alignment with the EU Common Foreign and Security Policy // Friedrich-Ebert-Stiftung, April 2020. P. 13. Url: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/sarajevo/16144.pdf>

348. Assessing Serbia's Progress on the EU Accession Agenda 2016-2020 // Friedrich-Ebert-Stiftung, June 2020. P. 12. Url: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/belgrad/16283.pdf>

В 136-страничном докладе *Institute for International Political Studies (11)*, посвященном Балканскому региону, есть одно упоминание ЕАЭС. И хотя, по мнению авторов, Юго-Восточная Европа не является сферой непосредственных геополитических интересов России, а присутствие нашей страны в регионе ограничено, они отмечают, что Сербия все же имеет соглашение о свободной торговле с Евразийским экономическим союзом³⁴⁹.

В статье *LSE IDEAS (17)* российско-сербские отношения рассмотрены сквозь призму геополитического противостояния Запада и России. В подтверждение тезиса о том, что Россия уступает позиции ЕС в Сербии с точки зрения торговых потоков, приведены статистические данные. Так, торговый оборот между Сербией и «возглавляемым Россией Евразийским экономическим союзом» составляет всего 8% от общего объема торговли Сербии, при этом экспорт составляет 5,4%, а импорт — 9,4%. И «даже соглашение о свободной торговле с ЕАЭС, которое Сербия подписала в октябре 2019 г., было заключено не из-за экономических выгод, а как составляющая балансирования Сербии между Россией и Западом³⁵⁰. При этом отмечены и связи Сербии с ОДКБ, в которой она имеет статус наблюдателя, однако взаимодействие Сербии с НАТО гораздо теснее. «В 2019 г. Сербия провела 13 военных учений с НАТО и четыре с Россией». А участие в со-

вместных с Россией учениях для Сербии — «просто способ сохранить позицию военного нейтралитета и дипломатический баланс»³⁵¹.

В отчете-прогнозе от *Vienna Institute for International Economic Studies (77)* представлен экономический анализ более двух десятков стран в условиях неопределенности для Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Анализ основан на экономических показателях и включает в себя отдельные структурные части, посвященные, в том числе России, Беларуси и Казахстану — членам ЕАЭС, однако сам Союз упоминается лишь раз, причем в части, посвященной Сербии. Где сказано, что Сербия все больше отдаляется от ЕС, в том числе в вопросах внешней политики и прямых иностранных инвестиций. Страна имеет тесные связи с Россией и Китаем, которые поддерживают Белград в косовском вопросе. «Связи с Россией имеют давнюю историю, но они углубились после подписания Сербией в прошлом году соглашения о свободной торговле с Евразийским экономическим союзом (экономически незначимого, но имеющего важный политический эффект)»³⁵². Также в тексте отмечено, что при дальнейшем внешнеэкономическом и политическом отдалении Сербии от ЕС вступление страны в Союз может быть затруднено. При этом часть местной элиты рассматривает членство в ЕС как «угрозу собственным интересам»³⁵³.

349. The Balkans: Old, New Instabilities. A European Region Looking for its Place in the World / ed. by G. Fruscione // Institute for International Political Studies, May 2020. Url: https://www.ispionline.it/sites/default/files/publicazioni/ispi_report_balciani_2020_0.pdf

350. Vuksanovic V. From Russia With Love? Serbia's Lukewarm Reception of Russian Aid and Its Geopolitical Implications // LSE IDEAS, June 2020. P. 5. Url: https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/updates/LSE-IDEAS-From-Russia-With-Love.pdf?from_serp=1

351. Ibid.

352. Uncertainty in Turbulent Times Economic Analysis and Outlook for Central, East and Southeast Europe // Vienna Institute for International Economic Studies, 17.03.2020. P. 137. Url: <https://wiiw.ac.at/uncertainty-in-turbulent-times-dlp-5237.pdf>

353. Ibid.

3.8. Большой Ближний Восток и Азиатско-Тихоокеанский регион

Прямые упоминания

В одной из рабочих тетрадей *Vienna Institute for International Economic Studies (77)* «Влияние Соглашения о преференциальной торговле между ЕАЭС и Ираном» Евразийский экономический союз упоминается более 120 раз. Во введении отмечается, что торговое соглашение между ЕАЭС и Ираном, вступившее в силу 27 октября 2019 г. иногда называют соглашением о свободной торговле, однако де-факто это соглашение о преференциальной торговле, поскольку его сфера применения ограничена набором товарных позиций, для которых снижены или отменены взаимные импортные тарифы. «Тем не менее соглашение имеет достаточную глубину и охватывает основные категории товаров, торгуемых между Ираном и ЕАЭС (Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном и Россией)»³⁵⁴. Приведен анализ некоторых условий этого соглашения, сделаны прогнозы.

«Наш анализ показал, что реализация соглашения приведет к росту взаимной торговли как для ЕАЭС, так и для Ирана, хотя и с рядом асимметрий и для стран-бенефициаров и для секторов экономики. В совокупности общий прирост взаимной торговли, по оценкам, достигнет почти 46 миллионов долларов США, при этом ожидается, что экспорт из ЕАЭС в Иран увеличится на 9,7%, а экспорт из Ирана в ЕАЭС — до 4%. Воздействие также существенно различается в разных секторах. Результаты показывают, что основной прирост экспорта будет приходиться на химический и агропродовольственный секторы, а также на каучуки/пластмассы (полимеры), текстиль

и металлы. Прирост экспорта из ЕАЭС в Иран больше и более диверсифицирован по секторам. Иран же получит наибольшую прибыль от экспорта фруктов и овощей, а также продуктов питания»³⁵⁵, — говорится в частности в докладе. Также, по мнению авторов, несмотря на то, что рынок ЕАЭС больше иранского, экспорт из стран ЕАЭС вырастет сильнее, чем из Ирана в ЕАЭС.

В качестве основного метода исследования авторы используют гравитационную модель, предложенную Я. Тинбергеном и доработанную Дж. Андерсоном и Э. Винккупом, а также некоторыми другими учеными. Однако предлагают свою собственную формулу, более подходящую для конкретного исследования³⁵⁶. Подробно расписаны и источники данных, а также подходы к их обработке³⁵⁷. Работа изобилует графиками, статистическими данными и приложениями, которые могут быть полезны всем, кто интересуется темой исследования.

В заключении отмечается, что любые усилия по дальнейшей интеграции должны быть направлены не только на снижение импортных тарифов, но и на устранение нетарифных барьеров в торговле. «В настоящее время нетарифные барьеры в торговле, как правило, представляют собой более важное препятствие для торговли, чем импортные пошлины, что особенно важно в случае Ирана, учитывая, что он не является членом ВТО»³⁵⁸.

Авторы полагают, что реализация этого соглашения и дальнейшее углубление сотрудничества с ЕАЭС могли бы быть выгодны Ирану, поскольку это

354. Adarov A. Ghodsi M. The Impact of the EAEU-Iran Preferential Trade Agreement // Vienna Institute for International Economic Studies, May, 2020. P. 1. Url: <https://wiiw.ac.at/the-impact-of-the-eaeu-iran-preferential-trade-agreement-dlp-5335.pdf>

355. Ibid. P. 2.

356. Ibid. P. 3–5.

357. Ibid. P. 5–6.

358. Ibid. P. 16.

может косвенно способствовать его переходу на международные стандарты, что будет способствовать его внешней торговле в целом. «Для ЕАЭС, с его гораздо большим размером рынка по сравнению с Ираном, прямые экономические выгоды от торговли с Ираном, могут оказаться незначительными, а геополитические приобретения, связанные с более глубоким партнерством, могут оказаться не столь важ-

ными, как для Ирана. Однако для Ирана упрощение доступа к рынку ЕАЭС представляет собой вопрос стратегической важности и средство смягчения, по крайней мере в некоторой степени, неблагоприятных макроэкономических последствий, связанных с широкомасштабными санкциями США, которые также являются препятствием для торговых отношений Ирана с Западом в целом»³⁵⁹.

Косвенные упоминания

В статье *LSE IDEAS (17)* проведен анализ российско-иранского сотрудничества. Говоря о точках соприкосновения и основных столпах этого сотрудничества, автор отмечает в том числе следующее: «Оба государства продемонстрировали приверженность формированию альтернативных интеграционных сетей и мультилатеральных институтов на региональном уровне для создания противовеса однополярности США»³⁶⁰. Среди примеров таких институтов и сетей приводятся ШОС, ЕАЭС и соглашение о 25-летнем партнерстве между Ираном и Китаем.

В рабочей тетради *Stiftung Wissenschaft und Politik (27)* сказано, что сотрудничество Китая и России с Ираном позволяет компенсировать недостаток связей с Европой. Обе страны активизировали свои торгово-экономические инициативы на иранском направлении, а Россия открыла для Тегерана двери Евразийского экономического союза, что позволит Ирану заниматься экспортом нефти через Крым и участвовать в совместных военно-морских учениях в Персидском заливе³⁶¹.

В описании итогов одной из конференций, организованной *Konrad-Adenauer-Stiftung (7)* и по-

священной анализу Индо-Тихоокеанского региона в контексте международной безопасности, ЕАЭС упомянут в рамках сессии «Евразия в новом мировом порядке». Профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби Л. Ерекешева, предложила собственную интерпретацию понятия «пространство», отметив, что в разных странах оно понимается по-разному. Она также сделала акцент на экономической инфраструктуре евразийского пространства и различных торговых соглашениях между Евразийским (экономическим союзом) (Так в тексте. — Р. Т., А. А.) и Индо-Тихоокеанским пространствами. А отставной индийский генерал Арун Кумар Сахни, говоря о «евразийском блоке», отметил возрастающую мощь и амбиции Китая и России на фоне угасания Европы, при этом Москва и Пекин «объединяют усилия для создания регионального пространства, свободного от влияния Запада»³⁶².

Один из аналитических материалов, подготовленных *Konrad-Adenauer-Stiftung (7)*, посвящен перспективам «экономической дипломатии» Камбоджи. Среди прочего в нем сказано, что страна в последние годы стремится к расширению связей с торго-

359. Ibid.

360. Tazmini G. Russian-Iranian Alignment: The Pillars of a Paradoxical Partnership // LSE IDEAS, 20.08.2020. Url: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2020/08/20/russian-iranian-alignment-the-pillars-of-a-paradoxical-partnership/>

361. Forced to Go East? Iran's Foreign Policy Outlook and the Role of Russia, China and India / ed. By A. Zamirirad // Stiftung Wissenschaft und Politik, April 2020. P. 36. Url: https://www.swp-berlin.org/publications/products/arbeitspapiere/Working_Paper_FG06_01-2020__Forced_to_Go_East_Zamirirad.pdf

362. GDF — KAS Global Dialogue Security Summit 2020 // Konrad-Adenauer-Stiftung, 14.12.2020. Url: <https://www.kas.de/en/veranstaltungsberichte/detail/-/content/gdf-kas-global-dialogue-security-summit-2020-1>

во-экономическими блоками, в том числе с АТЭС и АСЕАН. «Камбоджа и Евразийский экономический союз подписали Меморандумы о взаимопонимании для расширения сотрудничества в сфере торговли

в 2016 г.; однако товарооборот между двумя субъектами остается небольшим, и в настоящее время Камбоджа стремится к расширению торговых соглашений с ЕАЭС»³⁶³, — отмечают авторы.

3.9. ЕАЭС как инструмент внешней политики России

Прямые упоминания

Автор одной из публикаций в серии «Корона-кризис: оценка долгосрочных последствий кризиса пандемии для международной безопасности», опубликованной *Konrad-Adenauer-Stiftung (7)*, С. Маркедонов отмечает «необходимость перезапуска евразийских интеграционных проектов, повышение их практической эффективности и привлекательности»³⁶⁴. Анализируя ситуацию в Евразии до начала пандемии, автор отмечает: «Во многом украинский кризис консолидировал позиции США и ЕС на основе “сдерживания России”. Интеграционные проекты, инициированные Москвой (ЕАЭС, ОДКБ) трактовались, среди прочего, и как попытки в той или иной форме осуществить “ресоветизацию” Евразии. Впрочем, было бы неверно сводить форматы евразийской конкуренции к ремейку Холодной войны. После того как бывшие союзные республики стали независимыми государствами, они обозначили собственные внешнеполитические интересы, часто не совпадающие с подходами конкурирующих мировых держав.

Так, Грузия, получившая в апреле 2008 г. на саммите НАТО политическую декларацию о своем будущем членстве в Альянсе (и единственная из постсоветских республик, организовавшая в том же году референдум по вопросу о вступлении в этот блок), стала первым государством в Закавказье, которое подписало Соглашение о свободной торговле с Китаем. И напротив, члены ОДКБ и ЕАЭС, то есть страны — стратегические союзники России, заняли крайне осторожную позицию по вопросам о территориальной целостности Грузии и Украины»³⁶⁵. Он пишет, что постсоветские страны стремятся найти «оптимум взаимодействия между разными интеграционными структурами», однако, и «обретая свое место, скажем в ЕАЭС или ОДКБ, каждая страна-член этих организаций вставала перед дилеммой: национальный суверенитет или углубление интеграционных связей»³⁶⁶. В качестве яркого примера приводится Молдова. Где дилемма ЕС или Россия с ЕАЭС заняла важное место в политической повестке накануне президентских выборов 2020 г.³⁶⁷

363. Daravuth S. R., Vrak T. Economic Diplomacy // Konrad-Adenauer-Stiftung, 22.02.2020 Url: <https://www.kas.de/en/web/kambodscha/single-title/-/content/economic-diplomacy>

364. Маркедонов С. Россия и евразийские дилеммы // Фонд Конрада Аденауэра, 01.06.2020. С. 1. Url: [https://www.kas.de/documents/285805/285854/RUSSIA+AND+EURASIAN+DILEMMAS.pdf/b1938539-401c-7305-73ad-17689d1dc039?version=1.0&t=1591195393935](https://www.kas.de/documents/285805/9398709/2020-06-01_%D0%9C%D0%94-%D0%9A%D0%90%D0%A1_%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%8F_%D0%9E%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0-3_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2_.pdf/c813e61a-fd47-e898-fab3-d706c6db38eb?version=1.0&t=1592918640068;англ. версия: Markedonov S. Russia and eurasian dilemmas // Konrad-Adenauer-Stiftung, 01.06.2020. Url: <a href=)

365. Там же. С. 2–3.

366. Там же. С. 3.

367. Там же С. 5.

Отмечая, что пандемия для государств Евразии стала «своеобразным стресс-тестом и обострила многие сложные вопросы», автор, тем не менее, констатирует: «Не вирусной инфекцией вызваны сложные процессы трансферов власти в Казахстане и Таджикистане, протестные выступления в Грузии, стремление части киргизской элиты вернуться к президентской модели. COVID-19 не был причиной серьезных внутриэлитных расколов (касающихся не только власти, но и внешнеполитического выбора между европейским и евразийским интеграционными векторами) в Молдове и неэффективности государственных институтов в Украине³⁶⁸.

В докладе *European Union Institute for Security Studies (40)* с прогнозом относительно будущего России в 2020–2030 гг., в разделе, посвященном российской экономике в 2030 г., предложено три сценария. О Евразийском экономическом союзе идет речь в рамках самого негативного сценария, который авторы назвали «Мрачное одиночество». Этот сценарий предполагает, что Россия самоизолируется и от Запада, и от Китая, а ухудшение экономических показателей приведет к массовой утечке мозгов и потере контроля над постсоветскими государствами со стороны Москвы. Так как этот сценарий предполагает серьезное охлаждение отношений с Китаем, параллельно с которым будут «появляться трещины в ЕАЭС», то, по мнению авторов, это приведет к тому, что Казахстан пойдет на сближение с Китаем, что в итоге закончится «казэкситом» из ЕАЭС³⁶⁹.

Отношения России со странами Восточного партнерства, в рамках одного из возможных сценариев, спрогнозированы следующим образом: «Шесть стран Восточного партнерства разделены российской политикой на три категории: во-первых, близкие союзники Армения и Беларусь, институционально свя-

занные своим членством в ОДКБ и ЕАЭС; во-вторых, тесный, но институционально более слабый союз со странами УМГ (Украина, Молдова, Грузия. — Р. Т., А. А.); и в-третьих, Азербайджан, которому удалось сохранить свою полунезависимую промежуточную позицию между ЕС и Россией»³⁷⁰.

При этом не исключается, что элиты на Украине и в Молдове будут готовы пойти на выгодные для них конкретные сделки, например, в сфере энергетики, однако не захотят присоединяться к крупным проектам, возглавляемым Россией, таким как ЕАЭС³⁷¹. Также рассматривается сценарий, при котором Россия практически откажется от ЕАЭС, но станет одним из основных бенефициариев китайского проекта «Один пояс — один путь» и в целом укрепит свои экономические позиции в мире³⁷².

При анализе ключевых неопределенностей будущего государств Восточного партнерства, авторы отмечают, что Россия вступала в торговые войны с Беларусью и, в меньшей степени, с Арменией после того, как они присоединились к ЕАЭС. «Россия редко предлагает дополнительные выгоды от торговли; ЕАЭС — это исключительно о России, а не о реальной политике, основанной на учете взаимных интересов. Вступление в ЕАЭС скорее подразумевает сохранение доступа к российскому рынку, а не получение каких-либо дополнительных выгод. Тем не менее смиренная рубашка членства в ЕАЭС не исключает умеренного расширения торговли с ЕС в ближайшее десятилетие»³⁷³.

«И последнее, но не менее важное: когда дело касается ЕАЭС и разделения рынков в странах Восточного партнерства, Россия может вести еще более протекционистскую политику, используя нетарифные препятствия, чтобы сократить долю даже своих союзников на российском рынке после кризиса, связанного с коронавирусом»³⁷⁴.

368. Там же. С. 3–4.

369. Russian futures 2030: The shape of things to come / ed. by Saari S., Secieru S. // European Union Institute for Security Studies, August 2020. P. 47–48. Url: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_159.pdf

370. Ibid. P. 70.

371. Ibid. P. 72.

372. Ibid. P. 75.

373. Ibid. P. 81.

374. Ibid. P. 84.

В контексте одного из возможных вариантов развития отношений России с Китаем, в рамках сценария, предполагающего стратегическое дистанцирование Москвы от Пекина под влиянием настроений в стране, авторы полагают, что Россия будет стараться ограничить торговлю с Китаем, но этому будут препятствовать другие страны — члены ЕАЭС³⁷⁵. В то же время беспокойство относительно политического и экономического доминирования Китая может отбить

у отдельных государств желание устанавливать более тесные связи с Пекином и даже вызывать антикитайские настроения. «В частности, в Центральной Азии страх перед растущим влиянием Пекина, на фоне общественного недовольства, проявляющегося в антикитайских протестах, может подтолкнуть Узбекистан и Казахстан к сближению с Москвой и привести к присоединению Узбекистана к ЕАЭС»³⁷⁶.

Косвенные упоминания

Единственное найденное упоминание ЕАЭС на сайте *Stockholm International Peace Research Institute* (26) в 2020 г. связано с научной публикацией ИМЭМО РАН в рамках давнего совместного проекта с SIPRI, которая представляет собой сборник статей отечественных авторов. ЕАЭС упоминается в статье директора Московского центра Карнеги Д. Тренина с названием «Мир 2020-х годов и Россия». При описании роли международных и региональных организаций и союзов он отмечает: «Региональные экономические союзы интегративного (Европейский союз) и кооперативного (Евразийский экономический союз) характера соответствуют общей тенденции к регионализации мировой экономики и политики. Однако в этих организациях межправительственные отношения стали преобладать над наднациональными органами»³⁷⁷.

А в заключительной части отмечает: «Внешняя политика России должна быть направлена на укрепление ее позиций через выстраивание отношений с другими центрами силы в Большой Евразии, включая Германию, Францию, Европу на западе, Индию на юге и Японию на востоке, а не через бессмысленные попытки создания блока государств бывшего

СССР. Россия может использовать эти связи и свои партнерские отношения с Китаем в качестве плацдарма для привлечения внешних источников для своего экономического, научного и технологического развития в будущем»³⁷⁸.

Комментарий *European Council on Foreign Relations* (30) посвящен взаимоотношениям между Западом и Россией. Говоря о российских интеграционных проектах, автор задается таким вопросом: «В то время как западные столицы проявляют достаточную сдержанность в вопросе расширения НАТО и ЕС, Москва не будет сдерживаться в стремлении расширить возглавляемый Россией Евразийский экономический союз или Организацию Договора о коллективной безопасности. И даже если рассматривать неприкосновенность буферных государств между Россией и НАТО в качестве залога европейской стабильности, непонятно, почему Запад должен требовать этого от Украины и Молдовы, но не Беларуси и Армении, которые являются союзниками России»³⁷⁹.

В «Барометре свободы» для стран Центральной и Восточной Европы, а также Центральной Азии,

375. Ibid. P. 88.

376. Ibid. P. 94.

377. Russia: arms control, disarmament and international security (IMEMO supplement to the Russian edition of the SIPRI yearbook 2019) // Stockholm International Peace Research Institute, 2020. P. 17. Url: <https://sipri.org/sites/default/files/Russia%20Arms%20Control%202020%20%28c%20o6-ложкой%29%20-%2001%20-%2022.10.20.pdf>

378. Ibid. P. 24.

379. Popescu N. Why a new Yalta wouldn't end the malaise between the West and Russia // European Council on Foreign Relations, 09.06.2020. Url: https://ecfr.eu/article/commentary_why_a_new_yalta_wouldnt_end_the_malaise_between_the_west_and_rus/

выпущенном *Friedrich Naumann Foundation for Freedom (48)*, в части, посвященной экономическим свободам, отмечено, что «Россия продолжает использовать свою торговую политику (включая программу импортозамещения) в политических целях, но ЕАЭС не привел к более глубокой экономической интеграции в регионе»³⁸⁰. И немного ниже еще раз повторяется тот же тезис о том, что Россия продолжает использовать свою торговую политику для создания политического давления, однако «влияние ЕАЭС на входящие в него страны сравнительно невелико»³⁸¹.

В статье «Российская империя: между историческим мифом и современными реалиями», опубликованной *Foreign Policy Centre (58)*, рассматриваются имперские амбиции России, ее конкуренция с Великобританией и основные направления политики в исторической ретроспективе. Размышляя о различиях между Великобританией и Россией, автор пишет, что первая имеет в отношении своих «имперских» владений преимущество, так как могла себе позволить оставить их и забыть, в то время как Россия не может просто «спустить флаг» и уйти, так как связана со своими «имперскими» регионами территориально, поэтому подчиняет своих соседей даже методами принуждения. Автор также утверждает, что «бывшие советские республики не могут так же спокойно относиться к членству в организациях с доминированием России, таких как Евразийский экономический союз и Организация Договора о коллективной безопасности, как члены Содружества наций; и сама Россия не может настолько отстраненно и дистанцированно наблюдать за тем, что происходит в Таджикистане или Грузии настолько,

насколько Великобритания может это делать в отношении Шри-Ланки или Ганы»³⁸². Этот фактор, по мнению автора, является причиной популярности идей «имперской ностальгии» России, которая сохранится еще надолго, несмотря на распад СССР.

В статье *Foreign Policy Centre (58)* анализируется роль Великобритании на мировой арене в меняющихся реалиях. Рассмотрены некоторые проблемы, с которыми сталкиваются международные институты, и сложности при формировании новых правил торговли с ЕС после Brexit. При этом подчеркивается, что все чаще в мире региональные блоки устанавливают собственные правила экономического взаимодействия, и организации, желающие вести бизнес на этих рынках, вынуждены под такие правила подстраиваться. Далее эта мысль раскрывается следующим образом: «Усилия России по созданию собственной системы регулирования через Евразийский экономический союз, а также попытки Китая подстроить под свои собственные стандарты другие азиатские экономики, которые подпадают в орбиту его влияния, имеют четкую стратегическую цель — расширение своего политического влияния и ограничение экономических возможностей потенциальных конкурентов, таких как США и ЕС, — в дополнение к прямым экономическим выгодам. Этот продолжающийся рост региональных регулирующих блоков происходит в то время, когда попытки установить правила на глобальном уровне пробуксовывают или вызывают обратный эффект, о чем говорят проблемы, с которыми столкнулась ВТО после провалившегося Дохийского раунда либерализации и тупика в торговых судебных разбирательствах из-за давления США и других акторов»³⁸³.

380. A lost decade of reforms? Central and Eastern Europe and Central Asia in transition // Friedrich Naumann Foundation for Freedom, 2020. P. 9.

Url: <https://www.freiheit.org/sites/default/files/import/2020-11/24558-fnff-freedom-barometer-2019-digital.pdf>

381. Ibid. P. 10.

382. Oskanian K. Russian Empire: between Historic Myth and Contemporary Reality // Foreign Policy Centre, 24.07.2020. Url: <https://fpc.org.uk/russian-empire-between-historic-myth-and-contemporary-reality/>

383. Hug A. Finding Britain's role in a changing world: Introduction // Foreign Policy Centre, 03.03.2020. Url: <https://fpc.org.uk/finding-britains-role-in-a-changing-world-introduction/>

3.10. Внутренние процессы в ЕАЭС

Прямые упоминания

В сборнике публикаций *Konrad-Adenauer-Stiftung*³⁸⁴, републикованном *Netherlands Institute of International Relations (Clingendael)* (3), одна из статей посвящена взаимоотношениям Китая и России в Евразии и роли Монголии «как страны зажатой между ними» в региональных процессах. Одна из частей этой статьи названа «Возглавляемый Россией Евразийский экономический союз усиливает свое влияние в Евразии». По мнению автора — монгольского эксперта — российский подход к международным отношениям можно сформулировать в трех основных тезисах:

- 1) разная политика на Западе и на Востоке;
- 2) исторический подход к восстановлению своего статуса и идентичности как великой державы, пусть даже влияние и территория России уменьшились;
- 3) акцент в большей степени на безопасности, чем на экономике, поскольку Россия стремится превратить постсоветское пространство в «пояс безопасности» и желает восстановить свой статус «великой державы» с помощью дипломатии и военной мощи³⁸⁵.

Автор отмечает, что укрепление отношений с Китаем и странами Центральной Азии играет важную роль в евразийской политике России, а ЕАЭС и ОДКБ являются важными политическими механизмами России в регионе. При этом Россия производит около 90% ВВП, стран входящих в ЕАЭС, и обладает 20% права голоса. И хотя экспорт ЕАЭС в Китай увеличился на 40% в течение года, а двусторонняя торговля между этими двумя контрагентами достигла в об-

щей сложности 100 млрд долларов США, доля ЕАЭС в мировой экономике относительно невелика³⁸⁶.

В тексте отмечается, что ЕАЭС сталкивается с рядом проблем в том числе, обозначенных экс-председателем ЕАБР Д. Панкиным. Это нетарифные барьеры, вопросы технической координации, энергетический и фармацевтический рынки, внутренние регламенты. Что, по мнению автора, подтверждается следующими аргументами:

- В ЕАЭС есть внутренние вызовы — продолжающиеся торговые конфликты между Казахстаном и Кыргызстаном, а также между Россией и Беларусью.
- Очевидно, что многие проблемы связаны с имплементацией соглашения о свободном перемещении товаров.
- Страны-члены сталкиваются с рядом трудностей из-за неинституционализированных внутренних рынков ЕАЭС³⁸⁷.

Также приведены данные опроса общественного мнения в странах ЕАЭС, проведенного ЕАБР в 2017 г. Автор пишет: «Согласно опросу... общественное восприятие ЕАЭС меняется в зависимости от того, сколько выгод получает та или иная страна. В России общественная поддержка ЕАЭС каждый год неуклонно снижается. Это обусловлено тем, что российское общество не видит ожидаемых результатов и, следовательно, может быть не заинтересовано в ЕАЭС»³⁸⁸.

Также отмечается, что Монголия стремится к сотрудничеству с ЕАЭС. Хотя ее экспорт в страны Союза остается очень ограниченным в отличие от достаточно обширного экспорта полезных ископаемых в Китай. Уже подписан «Меморандум о взаи-

384. Responding to the Geopolitics of Connectivity: Asian and European Perspectives // Konrad-Adenauer-Stiftung, 2020. Url: https://www.kas.de/documents/288143/10822438/Panorama_Responding++to+the+Geopolitics+of+Connectivity.pdf/f06cc995-cd25-dd7b-cc06-3ffe7bc3fe?version=1.2&t=1606109281346

385. Responding to the Geopolitics of Connectivity: Asian and European Perspectives // Konrad-Adenauer-Stiftung, 2020. P. 113–114. Url: <https://www.clingendael.org/sites/default/files/2020-11/Panorama%20publication.pdf>

386. Ibid. P. 114.

387. Ibid. P. 115.

388. Ibid.

мопонимании между Правительством Монголии и Евразийской экономической комиссией» для начала официального сотрудничества с ЕАЭС. Меморандум предполагает создание «Совместной рабочей группы Правительства Монголии и ЕЭК», устранение тарифных и нетарифных барьеров и некоторых других мер, которые позволили бы создать благоприятные условия для повышения конкурентоспособности бизнеса в Монголии и странах-членах ЕАЭС³⁸⁹. В настоящее время эта рабочая группа участвует в изучении вопроса о создании ЗСТ между Монголией и Евразийским экономическим союзом.

Автор считает, что у Монголии есть возможности для выхода на общий рынок ЕАЭС. География позволяет это делать и через Казахстан и через Россию. И если, например, молочной продукции, производимой в Монголии, нет места на рынках ЕАЭС, то мясные продукты могут стать перспективным направлением экспорта. А ЗСТ даст тарифные льготы и монгольским товарам на рынках ЕАЭС, и товарам из ЕАЭС в Монголии. Также рассматривается кейс Вьетнама, заключившего соглашение о свободной торговле с ЕАЭС, в рамках которого остались высокие тарифы на сельхозпродукцию и предложено учитывать уроки, которые дает этот кейс³⁹⁰.

Friedrich-Ebert-Stiftung (6) опубликовал сборник материалов Международного круглого стола «Евразийская сеть региональных инициатив и организаций: элементы взаимосвязанности», который прошел 29 октября 2020 г. Его авторы (большинство из Беларуси) «затрагивают проблемы функционирования региональных организаций Евразии; международных инициатив Европейского союза, Китая и России; соперничества и сотрудничества между “большими игроками”; роли малых и средних государств и обществ»³⁹¹. Первый раздел посвящен евразийским ре-

гиональным организациям. Есть и отдельный фрагмент, в котором рассмотрен ЕАЭС. Его автор в рамках исторического экскурса отмечает: «Следует учитывать, что идея Евразийского экономического союза начинается с создания Таможенного союза, который стал “заслоном” для китайского экономического продвижения на евразийские рынки. Но поскольку китайские партнеры прорабатывали проекты по переносу производства на территорию Казахстана и Беларуси, Москва настояла на интенсификации процесса интеграции вплоть до Единого экономического пространства с целью создания союза»³⁹².

В тексте отмечается, что «российский взгляд на Восточное партнерство как на конкурирующий и даже экспансионистский проект стал отправной точкой для цепи роковых решений и событий, приведших к политическому кризису в Украине... Кремль, воображая себя глобальным игроком в старых геополитических терминах, воспринял “наступление” Китая с востока и ЕС с запада как буквальную угрозу. Намерение “закрыть” Центральную Евразию от запада “сферы влияния России” подтолкнуло к решению ускорить проект ЕАЭС как интеграционный. При этом необходимо понимать, в чем слабость евразийских институтов (комиссии, национальных уполномоченных и пр.) как неустойчивых структур. Дело не только в условных “имперских амбициях” России, но и в том, что ни государства, ни общества не успели осознать и сформулировать свои интересы в рамках указанного проекта»³⁹³.

В одной из статей, включенных в сборник, рассматриваются перспективы развития производственной кооперации на таможенной территории ЕАЭС. Ее автор, представляющая один из белорусских вузов, пишет: «Согласно исследованиям Евразийской экономической комиссии, потенциал развития промышленного сотрудничества государств — членов ЕАЭС,

389. Ibid. P. 120.

390. Ibid. P. 120–121.

391. Евразийская сеть региональных инициатив и организаций: элементы взаимосвязанности / Редактор-составитель Р. Турарбекова // Фонд им. Фридриха Эберта, Октябрь 2020. С. 47. Url: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/17062.pdf>; англ. версия: The eurasian network of regional initiatives and organisations / ed. by R. Turarbekova // Friedrich-Ebert-Stiftung, October 2020. P. 43. Url: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/17136.pdf>

392. Там же. С. 9.

393. Там же. С. 10.

полученный в результате создания Таможенного союза, в настоящее время исчерпан. В такой ситуации, кроме целенаправленного облегчения мер таможенно-тарифной политики, стимулировать региональную торговлю может производственная кооперация. Масштабы взаимной торговли будут зависеть от близости отраслевой структуры экономик стран Союза, а значит — и от структуры импорта промежуточных товаров»³⁹⁴. Также в тексте отмечается, что во взаимной торговле Россия является чистым экспортером, остальные страны-члены — чистыми импортерами. «Доли взаимного экспорта на рынки ЕАЭС в структуре торговых потоков Кыргызстана и Армении в 10–30 раз меньше, чем аналогичные доли стран — лидеров торговли ЕАЭС, а доли взаимного импорта — в 4–5 раз меньше таковых»³⁹⁵. Такой диспропорцией автор во многом объясняет то, что в ЕАЭС распространена практика защиты отечественных производителей. «Каждая из стран Союза преследует свою цель в интеграции, зачастую отстаивает свои национальные интересы, не видит выигрыша от развития общего пространства ЕАЭС. Причина состоит в том, что производственная кооперация и взаимная торговля не приводят к более производительному расходованию ресурсов и не связаны с ожиданиями роста добавленной стоимости»³⁹⁶. Также в этой статье представлен анализ отраслевых особенностей и товарной структуры экспорта ЕАЭС.

Статью с анализом кризисных явлений в евразийских международных организациях подготовил автор из Казахстана. Он считает: «ЕАЭС заявляет своей задачей развитие экономик стран-членов путем создания единого экономического пространства... если отбросить отчеты о десятках подписанных меморандумов о взаимопонимании с третьими сторонами, достижениях в “глубине интеграции” и разработанных проектах нормативных документов, а сосредоточиться на экономических показателях, то реальная картина продемонстрирует неэффективность в достижении поставленной цели»³⁹⁷.

Ключевые причины низкой эффективности ЕАЭС в развитии экономик стран союза, по его мнению, следующие.

Во-первых, потому что ЕАЭС, как и ОДКБ, «в связи с “гравитационной моделью доминирования российского рынка и объемов российского вклада в торговый оборот союза” является форматом “Россия плюс”». И, таким образом, «несмотря на декларируемое равноправие и консенсус в принятии решений, на практике принятие ключевых решений в основном монополизировано Россией».

Во-вторых, «пользуясь свободой перемещения товаров, Россия получает доступ к рынкам стран-участниц, одновременно создавая искусственные барьеры для их доступа на свои рынки. А основные принципы свободного рынка, предполагающего свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы в ЕАЭС, функционируют не в полную силу».

В-третьих, «Москва использует ЕАЭС в качестве инструмента для экономического давления сразу на нескольких игроков для реализации своих геополитических целей». В качестве примеров приведен российский запрет на транзит украинских товаров в страны Центральной Азии и запрет транзита казахского угля на Украину и казахской нефти в Беларусь.

В-четвертых, «Россия практикует использование трудовых мигрантов из стран ЦА, а также упрощение процедуры получения российского гражданства для граждан стран — членов ЕАЭС (Казахстана и Беларуси) с целью решения собственных демографических проблем, что несет как кратковременные, так и долгосрочные риски для партнеров».

В-пятых, «наблюдаются попытки России создать на базе ЕАЭС наднациональные органы управления и тем самым ограничить суверенитет государств-членов, на что последние реагируют негативно».

«Кроме этого, на развитие ЕАЭС негативно влияют такие факторы, как приоритет геополитических и имиджевых целей Москвы в Союзе, ухудшение экономических условий в России, санкции Запада в свя-

394. Там же. С. 15.

395. Там же. С. 16.

396. Там же.

397. Там же. С. 22.

зи с военным конфликтом между Россией и Украиной, слабый прогресс в модернизации политических систем и либерализации экономик стран-участниц, а также разные, а порой и противоположные международные и внутренние интересы членов Союза»³⁹⁸.

Очередная статья этого сборника посвящена «идентичности ЕАЭС». Автор в частности пишет: «Неизвестно, насколько его сущность действительно заключается в экономической интеграции. Экспертов, высказывающих различные взгляды на идентичность ЕАЭС, можно условно разделить на три лагеря». Первый придерживается функционалистского и экономического подхода, в его рамках ЕАЭС следует рассматривать как функционирующий таможенный союз с богатой (экономической) повесткой дня. Вторая группа ученых делает акцент на геополитическом измерении ЕАЭС, утверждая, что Россия может использовать его как инструмент для достижения собственных геополитических целей. Представители третьего лагеря признают функционально-экономическое измерение ЕАЭС, но принимают во внимание и геополитические последствия реализации проекта»³⁹⁹.

Далее автор приводит результаты собственного исследования идентичности ЕАЭС в представлении самого Союза, основанного на статистическом анализе данных из документов (142 решения и 45 приказов), изданных Высшим Евразийским экономическим советом в 2015–2020 гг. Наиболее значимые результаты: «В плоскости целей или проблемных областей наиболее употребляемым в материалах ЕАЭС является слово “услуги”. В контексте оно чаще всего встречается рядом со словами/словосочетаниями “единый рынок”, “сектор” и “подсектор”. Рассмотрев весь корпус и весь исследуемый период, можно увидеть убедительные доказательства, что рынок услуг или сфера услуг — главная проблемная область, в которой приходится функционировать ЕАЭС. В контексте нормативных аспектов или основных принципов самовыраженной идентичности ЕАЭС стоит от-

метить слово “либерализация”. Оно часто соседствует со словами “план” и “услуга”. С учетом важности рынка / сферы услуг можно утверждать, что либерализация рынка / сферы услуг является значительным аспектом идентичности ЕАЭС»⁴⁰⁰.

В итоге автор приходит к такому заключению: «Анализ документов Высшего совета и вышеизложенные факты позволяют сделать вывод, что ЕАЭС представляет собой преимущественно экономическую и функциональную организацию. Хотя у России могут быть собственные геополитические амбиции или интересы, они не присутствуют на высшем уровне принятия решений в ЕАЭС и не отражены в его политике... Однако следует признать, что документы Высшего совета представляют собой лишь самовыражение, или самопрезентацию, идентичности ЕАЭС. Другие стороны могут воспринимать ее иначе. Хотя ЕАЭС позиционирует себя как экономическая организация, у внешних игроков могут возникнуть опасения по поводу геополитических последствий его деятельности»⁴⁰¹.

В одной из статей анализируется ограничения и возможности инициативы «Пояс и путь». Среди вызовов для китайского проекта указан и ЕАЭС. Отмечается, что китайские эксперты «нередко склонны традиционно “приравнивать” ЕАЭС к России, рассматривая этот союз как проводника интересов последней»⁴⁰².

Один из авторов сборника также отмечает, что «Российские эксперты преимущественно склонялись к мнению, что компенсировать относительно небольшой вес ЕАЭС в мировой экономике можно только в рамках внешнего контура евразийской интеграции путем выстраивания преференциальных режимов торгово-экономического сотрудничества с быстро растущими странами Евразии». А согласно официальной позиции Москвы, сопряжение ЕАЭС с китайским Экономическим поясом Шелкового пути положительно отразилось бы на функционировании ЕАЭС»⁴⁰³.

398. Там же. С. 22–23.

399. Там же. С. 25–26.

400. Там же. С. 26–27.

401. Там же. С. 27.

402. Там же. С. 35.

403. Там же. С. 37.

В рамках Большого Евразийского партнерства автор выделяет три опорные линии для взаимодействия России и Китая: «сопряжение ЕАЭС и инициативы “Пояс и путь”»; сотрудничество по многокомпонентному вектору «Евразийский экономический союз — ШОС — “Пояс и путь”»; сотрудничество между ЕАЭС и АСЕАН и инициативой «Пояс и путь». И выделяет три основных сценария сотрудничества России и Китая в рамках Большого Евразийского партнерства (БЕП). Первый сценарий — оптимистический — «гармонизация ЕАЭС и инициативы “Пояс и путь” и выстраивание БЕП на принципах равноправия и учета взаимных интересов». Второй — «переориентация БЕП на поддержание интересов Китая». С высокой вероятностью того, что значительное число региональных интеграционных проектов с участием России и Китая, а также возможное сопряжение их интеграционных инициатив будут отвечать в первую очередь интересам Китая. Третий сценарий — «усиление конкуренции между Россией и Китаем за экономическое и политическое лидерство в Евразии»⁴⁰⁴.

В рамках проекта на сайте *Konrad-Adenauer-Stiftung* (7) была размещена публикация, посвященная «постковидной» стратегии ЕАЭС, автором которой выступил белорусский эксперт А. Русакович. Приведем ключевые выводы, к которым он пришел.

- Пандемия и ее последствия обозначили новые вызовы для ЕАЭС, к которым он оказался неподготовленным.

- Механизмы по сдерживанию пандемии разрабатывались и реализовывались на национальном уровне при минимальном участии институтов ЕАЭС.
- В значительной степени в период пандемии оказались болезненными процессы незавершенности формирования единого экономического пространства и эффективности функционирования его институтов.
- Падение цен на нефть, снижение потребления, сжатие рынков, дисбаланс развития отраслей, необходимость в ресурсах на обеспечение медицинской, экономической безопасности, сложные политические процессы в странах-членах увеличивают неустойчивость ЕАЭС.
- В посткоронавирусный период ЕАЭС сохранит основные направления развития; в то же время пандемия и ее последствия формируют как новые вызовы, так и предоставляют шансы для технологического рывка.
- Вопросы совмещения ЕАЭС с другими интеграционными проектами постсоветского пространства нуждаются в переосмыслении; в частности, одной из важных задач Союза и государств-членов является поддержание необходимого «баланса» между интеграционными группировками.
- Одной из главных задач на внешнем контуре становится повышение готовности ЕАЭС к усилению конкуренции между государствами и экономическими объединениями⁴⁰⁵.

Косвенные упоминания

В публикации *LSE IDEAS* (17), посвященной постоянно политическим и экономическим процессам в мире в условиях пандемии коронавируса, в одной из статей анализируется поддержка МВФ развивающих

рынков. Среди таковых назван ЕАЭС и его страны-члены. Авторы разделили членов союза на страны — экспортеры нефти и газа (Казахстан и Россия) и страны — импортеры нефти (Армения, Беларусь и

404. Там же. С. 38–39.

405. Русакович А. ЕАЭС: новая/старая стратегия в посткоронавирусный период // Фонд Конрада Аденауэра, 20.07.2020. С. 1. Url: https://www.kas.de/documents/285805/9398709/2020-07-20_%D0%9C%D0%94-%D0%9A%D0%90%D0%A1_%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%8F_%D0%9E%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0-15_%D0%A0%D1%83%D1%81%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.pdf/fa790ce5-cfcd-3471-236d-5a60231e973a?version=1.0&t=1595437148849; англ. версия: Rusakovich A. EAEU: new/old post-COVID-19 strategy // Konrad-Adenauer-Stiftung, 20.07.2020. Url: https://www.kas.de/documents/285805/9398709/2020-07-20_MD-KAS_HandCOVd_Insight-15_Rusakovich.pdf/fd19457e-68ee-3b4c-7769-9274da60920c?version=1.0&t=1595437089646

Кыргызстан). Отмечается, что в результате вспышки COVID-19 цены на нефть упали, что стало тяжелым ударом для стран — экспортеров этого ресурса. В результате, по прогнозам МВФ, российская экономика — крупнейшая в союзе — сократится на 5,5% по итогам 2020 г. При этом указано, что страны — импортеры нефти получают некоторую выгоду от таких изменений, однако их негативные последствия перевесят позитивные. Падение цен на нефть привело к значительному снижению обменного курса валют в ЕАЭС. Также в статье описано управление ключевыми ставками в странах ЕАЭС в указанный период и приведена аналогия с ситуацией в Грузии. В этих условиях МВФ одним из первых начал оказывать поддержку стран: более \$120 млн выделено Кыргызстану, есть соглашение об увеличении поддержки Армении на \$180 млн, помимо \$240 млн, которые уже были прописаны в соглашении с МВФ. Поддержка Грузии увеличилась на \$375 млн. При этом по России, Беларуси и Казахстану авторы статьи данных не привели. В тексте есть несколько графиков и таблиц, в том числе с показателями, отражающими фискальную и денежно-кредитную политику стран ЕАЭС и Грузии⁴⁰⁶.

Небольшая публикация *Finnish Institute of International Affairs (38)* целиком посвящена анализу того, как ЕАЭС справляется с вызовами, порожденными COVID-19. По мнению авторов, пандемия подвергла ЕАЭС двойному испытанию. «Вопрос заключается в том, обладает ли ЕАЭС институциональным потенциалом для того, чтобы побудить пять государств-членов — Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россию — действовать согласованно и скоординировано»⁴⁰⁷. Однако, по мнению авторов, реакция ЕАЭС на этот вызов была в лучшем случае неубедительной и дополнительно подсветила существующие внутренние противоречия и структурные проблемы. В то же время предпочтение использования суверенных инструментов механизмам Союза,

может, было просто интуитивным и более простым решением и необязательно свидетельствует об игнорировании ЕАЭС как такового, но тем не менее некоторые из этих суверенных действий препятствовали работе общего рынка, что вступало в противоречие с основной целью создания ЕАЭС.

«Несколько встреч на высшем уровне ЕАЭС выглядели так, как будто они проводились для проформы», — отмечается в тексте. А разные страны, входящие в Евразийский экономический союз решали на них свои вопросы. «Беларусь воспользовалась возможностью, чтобы потребовать от Москвы скидки на газ. Кыргызстан предложил пересмотреть правила финансовых институтов ЕАЭС, чтобы перенаправить их ресурсы на гранты и прямую бюджетную поддержку, в то время как Казахстан поднял проблему волатильности сырьевых рынков»⁴⁰⁸.

Также авторы полагают, что Евразийская экономическая комиссия, которая была «намеренно ослаблена в институциональной структуре ЕАЭС», в очередной раз оказалась в положении наблюдателя и не выдвинула собственных инициатив. Перед лицом бездействия ЕАЭС и России Беларусь, Армения и Кыргызстан обратились за помощью к другим субъектам, таким как МВФ, ЕС, Азиатский банк развития, Европейский банк реконструкции и развития и Китай⁴⁰⁹.

«В целом пандемия продемонстрировала слабость и ограниченное значение ЕАЭС с точки зрения его способности помогать партнерам России противостоять самым насущным вызовам современности, носят ли они эпидемиологический или экономический характер. Кроме того, коронакризис обострил ряд старых проблем между государствами-членами и показал, что “евразийская солидарность”, безусловно, оказалась не на том уровне, который требовался, чтобы утверждать, что ЕАЭС функционирует лучше, чем предыдущие попытки региональной реинтеграции под руководством России. И это то, что можно посоветовать иметь в виду европейским

406. Nurbekyan A., Minasyan G., Hayruni T. Emerging markets need fiscal stimulus too. The IMF must get more firepower // LSE IDEAS, 05.05.2020.

Url: https://blogs.lse.ac.uk/covid19/2020/05/05/emerging-markets-need-fiscal-stimulus-too-the-imf-must-get-more-firepower/?from_serp=1

407. Moshes A., Nizhnikau R., Silvan K. Eurasian Union fails a critical test // Finnish Institute of International Affairs, May, 2020.

Url: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2020/04/comment12_eurasian-union-fails-a-critical-test.pdf

408. Ibid.

409. Ibid.

политикам, особенно сторонникам прямого взаимодействия между ЕС и ЕАЭС»⁴¹⁰.

В статье *New Atlanticist* републикованной *World Economic Forum (51)* с анализом региональных подходов к реагированию на вызовы, связанные с пандемией COVID-19 отмечается, в частности, что Евразийская экономическая комиссия приняла пакет стабилизационных мер, которые направлены на чтобы предотвратить и минимизировать распространение коронавируса. Эти меры включают в себя создание «зеленого коридора» для поставок товаров первой необходимости путем упрощения таможенных процедур для оформления критически необходимых товаров, развитие цифровизации, обеспечение стабильности финансовых рынков и платежных систем, поддержку предприятий, работающих в наиболее пострадавших секторах экономики, и расширение торговых отношений⁴¹¹.

В одном из исследований *European Centre for International Political Economy (64)* за авторством бывшего члена Европарламента К. Фьелльнера представлен обзор на различные аспекты регулирования сферы производства и реализации табака и других никотинсодержащих изделий в мире. В пункте, посвященном России, отмечено: «В начале марта 2020 г. в Государственную Думу было внесено новое предложение, согласно которому запрет на бездымный табак будет распространяться также на никотиновые паучи. Развитие событий в России привело и к дебатам в рамках Евразийского экономического союза. Представители Евразийского экономической комиссии — исполнительной власти ЕАЭС, заявили, что разрабатывают предложение о запрете

никотиновых паучей во всех государствах — членах ЕАЭС»⁴¹².

В описании достаточно крупного проекта, включающего серию публикаций и мероприятий по оценке последствий и вызовов для евроатлантической и евразийской безопасности, образовавшихся в результате пандемии коронавируса, ЕАЭС упоминается в ряду институциональных «опор» евроатлантической и евразийской безопасности, наряду с ЕС, ОБСЕ, НАТО, ОДКБ, ШОС и ООН. Среди стран в этом списке отмечены США, Китай, Россия, Великобритания, Франция и Германия. Сам проект запущен белорусским офисом *Konrad-Adenauer-Stiftung (7)* и Советом по международным отношениям «Минский диалог» в мае 2020 года⁴¹³.

В рамках проекта, организованного *Konrad-Adenauer-Stiftung (7)* и Советом по международным отношениям «Минский диалог», была организована панельная дискуссия, в рамках которой к обсуждению были предложены такие темы: Как можно охарактеризовать геополитические условия, в которых пандемия застала ЕАЭС? Какие основные дилеммы в области безопасности стоят перед ЕАЭС сейчас и с какими она может столкнуться после коронакризиса? Каким образом пандемия и ее долгосрочные последствия могут повлиять на статус и роль ЕАЭС в системе международных отношений? Как (не)меняющаяся роль ЕАЭС в мире скажется на безопасности в Евро-Атлантике и Евразии?⁴¹⁴

Один из докладов *LSE IDEAS (17)* посвящен международной финансовой системе, затрагивает более 140 стран и множество экономических потоков и операций, Евразийский союз упомянут в нем лишь

410. Ibid.

411. Kalinina A. What the world can learn from regional responses to COVID-19 // World Economic Forum, 01.05.2020. Url: <https://www.weforum.org/agenda/2020/05/covid-19-what-the-world-can-learn-from-regional-responses/>

412. Fjellner C. Innovation and Less Harmful Alternatives to Tobacco: The Case of Nicotine Pouches Regulation // European Centre for International Political Economy. P. 17. Url: https://ecipe.org/wp-content/uploads/2020/04/ECI_20_PolicyBrief_02_2020_LY01.pdf

413. The World HandCOV'd: Assessing longer-term implications of the pandemic disruption for int. security // Konrad-Adenauer-Stiftung. Url: <https://www.kas.de/en/events/detail/-/content/the-world-handcov-d-assessing-longer-term-implications-of-the-pandemic-disruption-for-int-security>

414. Коронакратия: ЕАЭС — Стратегические дилеммы ЕАЭС в мире после коронакризиса // Фонд Конрада Аденауэра, 23.07.2020. Url: <https://www.kas.de/be/veranstaltungen/detail/-/content/koronakratia-eaes-strategischeskie-dilemmy-eaes-v-mire-posle-koronakrizisa>; англ. версия: The World HandCOV'd: EAEU Strategic dilemmas facing the EAEU in the post-corona world // Konrad-Adenauer-Stiftung, 23.07.2020. Url: <https://www.kas.de/en/events/detail/-/content/the-world-handcov-d-eaeu-strategic-dilemmas-facing-the-eaeu-in-the-post-corona-world>

раз — в таблице, в которой представлены соглашения о свободной торговле и связанные с ними струк-

туры. В ней указан лишь год основания ЕАЭС и список его членов⁴¹⁵.

3.11. Латинская Америка

Косвенные упоминания

В англоязычной версии публикации *Elcano Royal Institute (2)* представлен анализ политики России в Латинской Америке и ее влияния на интересы и позиции Испании в регионе. Говоря о России и интеграционных процессах в Латинской Америке, автор описывает целый ряд площадок и инструментов для взаимодействия, включая, с одной стороны, БРИКС, АТЭС, G20, с другой — южноамериканские региональные объединения, такие как АЛБА, Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, Союз южноамериканских наций. При этом упомянут меморандум об экономическом сотрудничестве между МЕРКОСУР и ЕАЭС, подписанный в Монтевидео 17 декабря 2018 г. «В совокупности доля этих двух блоков в мировом ВВП составляет 6,5%. Аргентина, Бразилия, Парагвай и Чили стремятся поставлять на внутренний рынок России продукцию из западных стран, импорт которой Россия прекратила в ответ на экономические санкции»⁴¹⁶.

Один из серии русскоязычных отчетов в рамках проекта *French Institute of International Relations (4)* «Обсерватория России, Южного Кавказа и Восточной Европы» подготовил эксперт из России. Публикация посвящена взаимодействию России со странами Латинской Америки. Евразийскому экономическому союзу посвящен один из абзацев раздела «Латино-

американское направление: российское как инерция советского».

Автор называет ЕАЭС «специфически российским интеграционным объединением» и описывает его активность в Латинской Америке. В частности, в тексте говорится, что Союз давно начал «присматривается» к Тихоокеанскому альянсу, созданному в 2011 г. Упомянут и подписанный в 2015 г. странами ЕАЭС с Чили и Перу Меморандум о взаимопонимании, а также аналогичный документ с Мексикой, находящийся на стадии разработки. Но вместе с тем автор отмечает: «Тем не менее заметного расширения договорной базы между пророссийским интеграционным объединением и ЛКА пока достичь не удалось. В апреле 2019 г. данная перспектива открылась было в ходе официального визита в Москву президента Боливии Э. Моралеса, который высказался за развитие диалога с ЕАЭС; но после отстранения его от власти в октябре 2019 г. и последовательного перехода внешнеполитического курса страны на прозападные рельсы, прежний формат отношений выглядит проблематичным. Некоторые российские латиноамериканисты не исключают в среднесрочной перспективе создания общей зоны свободной торговли между ЕАЭС и другим интеграционным объединением Южной Америки — МЕРКОСУР. Однако конкретных шагов в этом направлении пока не предпринято»⁴¹⁷.

415. Milsom L., Pažitka V., Roland I., Wójcik D. Gravity in International Finance: Evidence from Fees on Equity Transactions // LSE IDEAS, July 2020. Url: <http://eprints.lse.ac.uk/108467/1/dp1703.pdf>

416. Milosevich-Juaristi M. Russia in Latin America: repercussions for Spain // Elcano Royal Institute, 10.07.2020. P. 10. Url: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/be53b368-88c7-4a00-acd9-47e0f0521f12/WP13-2020-Milosevich-Russia-in-Latin-America-repercussions-for-Spain.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=be53b368-88c7-4a00-acd9-47e0f0521f12>

417. Пятаков А. Россия-Латинская Америка в XXI веке: Трудности и противоречия сближения // Французский Институт Международных Отношений, июль 2020. С. 13–14. Url: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pyatakov_russia_latina_america_ru_2020.pdf, англоязычная версия: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pyatakov_latina_america_an_2020.pdf

Заключение

Ниже представлены некоторые обобщения и выводы по итогам исследования, основная их часть структурирована в рамках тех же тематических блоков, что и 2-й и 3-й разделы данного доклада. При этом следует сделать необходимую оговорку: так как речь идет о почти 180 матери-

алах, авторами которых выступили эксперты из разных стран на онлайн-площадках 58 западных «фабрик мысли», диапазон мнений в проанализированных публикациях, разумеется, шире, мы же обобщили наиболее характерные позиции и точки зрения.

«Большая Евразия», «Пояс и путь», российско-китайские отношения

Блоки с таким названием неслучайно открывают второй и третий разделы этого и предыдущего докладов. Объем и глубина анализа взаимодействия «российского» — в интерпретации большинства западных экспертов — ЕАЭС с китайскими интеграционными инициативами позволяют констатировать, что эта тема занимала особое место в публикациях западных «фабрик мысли» в 2019–2020 гг.

Характерная особенность рассмотрения процессов, связанных с функционированием ЕАЭС в контексте российско-китайских отношений: если в подавляющем большинстве публикаций Россия описана как основной субъект евразийской интеграции, то при анализе взаимодействия ЕАЭС и китайских интеграционных инициатив, ведущая роль часто отводится Пекину и его проектам, а субъектность ЕАЭС и России подается как в известной степени ограниченная.

Одним из ключевых факторов, определяющих характер российско-китайского взаимодействия, западные эксперты считают диспаритет в экономическом потенциале стран, а значительная часть публикаций по теме так или иначе связаны с сопряжением ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь». В некоторых публикациях отмечается настороженное отношение России к проекту «Пояс и путь» из-за опасений экономического доминирования Китая. Кооперация России и Китая в Евразии в ряде случаев рассматривается как разделение зон влияния в Центральной Азии — сфера безопасности остается за РФ, а экономика за КНР.

Стратегическими приоритетами России в регионе, по мнению западных аналитиков, являются проект «Большая Евразия» и создание «Большого евра-

зийского партнерства». Что может рассматриваться и как альтернативное европейскому направлению формирования зон свободной торговли, и как реакция на китайские геоэкономические проекты — своего рода инструмент для недопущения доминирования Пекина в Евразии. При этом ЕАЭС — ядро «Большой Евразии», а его сопряжение с инициативой «Пояс и путь» — составляющая реализации соответствующей стратегии. «Большая Евразия» в некоторых случаях связывается с желанием России восстановить статус великой державы, а также с ее «имперскими амбициями». Отдельные авторы предпринимают попытки разобраться в идеологических основах российского евразийства и осмыслить идею «Большой Евразии» не как тактическую инициативу, а как стратегический долгосрочный проект, имеющий теоретический и идеологический фундамент.

Часть авторов считает, что сопряжение необходимо в первую очередь России как дополнительный рычаг контроля в Центральной Азии в условиях стремительного расширения влияния Китая. Тогда как Пекин предпочитает двусторонние связи, в том числе со странами ЕАЭС, что в будущем должно позволить ему вывести их из орбиты влияния России. Однако нежелание портить отношения с Москвой определяет позицию, согласно которой Пекин формально согласен на сопряжение ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь», однако не желает предпринимать соответствующих практических шагов.

Другие эксперты полагают, что сопряжение ЕАЭС и «Пояса и пути» лоббирует именно Китай, чтобы «поглотить» сравнительно небольшой в экономическом плане ЕАЭС и поставить в тотальную

зависимость все его страны, войдя на рынок Евразийского экономического союза на привилегированных условиях. А Россия при этом вынуждена принять давление своего соседа и смириться с тем, что любое экономическое взаимодействие с Китаем будет неравноправным и асимметричным.

Таким образом, взаимодействие ЕАЭС с инициативой «Пояс и путь» описывается преимущественно как конфликт проектов. Даже несмотря на то, что некоторые из экспертов западных «фабрик мысли» признают возможность успешной кооперации сопряженных проектов для соперничества с Западом в среднесрочной и долгосрочной перспективе, китайское доминирование будет проявляться сильнее, а сам потенциальный «альянс» наполнится противоречиями.

Важным игроком в «Большой Евразии» признается Шанхайская организация сотрудничества, которая воспринимается как ведомая Пекином орга-

низация и инструмент продвижения китайских интересов, аналогично тому, как ЕАЭС представляется западными экспертами в качестве инструмента Москвы. Соответственно, ШОС на евразийском пространстве часто либо противопоставляется ЕАЭС, либо упоминается в одном ряду с ним как наиболее влиятельные организации региона.

Также необходимо отметить, что хотя материалы по Центральной Азии вынесены в отдельный блок, в рамках анализа российских и китайских интеграционных инициатив западные эксперты часто обращаются к процессам, происходящим в Центральной Азии. Именно этот регион воспринимается основным полем столкновения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь», а соответственно, геополитических интересов Москвы и Пекина. Обе страны считают Центральную Азию своим, как выразился один из европейских авторов, «стратегическим задним двором».

Центральная Азия

Наиболее субъектным и самостоятельным в Центральной Азии, по мнению большинства авторов, является Казахстан, причем он воспринимается как актер с возрастающим влиянием. Вместе с тем участие Казахстана, как и других стран региона, в интеграционных проектах России и Китая понимается западными специалистами скорее как необходимые шаги, а не предпринятые ими исходя из национальных интересов. Балансирование между ведущими державами региона определяется как одна из основных задач внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Астаны.

Членство Казахстана в ЕАЭС и ОДКБ часто упоминается при анализе связей Казахстана с Россией. Отмечается, что Казахстан входит в число стран — основательниц Союза и активно выступает против посягательств на суверенитет других членов, к которому якобы стремится Москва, а также против политизации Союза.

В понимании западных аналитиков, Казахстан — олицетворение политики многовекторности

в Центральной Азии, а ее идеологом называется Н. Назарбаев. Согласно такой позиции, взаимодействие с Китаем и Россией, связи с ЕАЭС и «Поясом и путем» не являются взаимоисключающими и не должны препятствовать расширению сотрудничества с другими странами. А сам ЕАЭС, по их мнению, должен не замыкать на себе экономические связи, а служить дополнительным инструментом их развития.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди материалов американских и европейских «фабрик мысли», с упоминанием ЕАЭС в 2020 и 2019 гг., мы не нашли ни одного, который был бы посвящен отдельно Кыргызстану. Хотя такие материалы есть даже по Узбекистану, который в ЕАЭС не входит. Можно констатировать, что Кыргызстану западные эксперты отводят куда более скромную роль в ЕАЭС, чем его северному соседу Казахстану. В большинстве случаев Кыргызстан упоминается косвенно: для констатации факта членства этой страны в ЕАЭС или попыток повлиять на систему

балансов в Союзе и выбить для себя экономические дивиденды. На Западе преобладает мнение, что вступление Кыргызстана в организацию обусловлено экономической зависимостью от России и давлением со стороны Москвы. Западные эксперты считают, что членство этой страны в ЕАЭС дало лишь ограниченный и противоречивый экономический эффект.

В 2020 г. в сравнении с 2019 г. значительно выросло число упоминаний Узбекистана в связке с ЕАЭС: с трех до 11 — для США и с нуля до восьми — для Западной Европы (Подробнее см. Рис. 6, 7, 8, 9 в Разделе 1). Это, очевидно, связано с публичным обсуждением предоставления стране статуса наблюдателя в ЕАЭС в рассматриваемый период. А также обеспокоенностью Запада тем, что Ташкент идет на сближение с Союзом. При этом не всеми «фабриками мысли» США статус наблюдателя в ЕАЭС для Узбекистана воспринимается как успех Москвы. Есть точка зрения, что таким шагом президент Мирзиев показал, что отказывается от полноценного членства. Другие отмечают известный интерес к интеграции в рамках ЕАЭС, что вызывало раздражение администрации Трампа и является преградой к вступлению Узбекистана в ВТО.

Активизация экономического взаимодействия Ташкента с региональными игроками объясняется западными аналитиками отказом от политики изоляционизма, характерной для времен президента Каримова. Наряду с развитием сотрудничества с Россией и ЕАЭС отмечается и увеличение двусторонней торговли Узбекистана с Китаем и его участие в инфраструктурных проектах «Пояса и пути».

Западноевропейские авторы склонны в большей степени опираться на цифры при анализе взаимосвязей стран региона, включая Узбекистан, с соседями. В частности, приводятся данные о миграции из Узбекистана в Россию и росте товарооборота со странами ЕАЭС. Исходя из этого, а также из перспектив свободы передвижения товаров, капитала и рабочей силы при выходе на рынки ЕАЭС, некоторые из них признают положительные эффекты от

возможного присоединения Узбекистана к Союзу, однако тут же приводятся типичные для западного экспертного дискурса контраргументы о политизации Союза и доминировании в нем России.

Таким образом, целесообразность вступления Узбекистана в ЕАЭС оценивается неоднозначно, однако такая вероятность признавалась в 2020 г. многими западными экспертами как достаточно высокая.

Таджикистану, при описании процессов в Центральной Азии, связанных с ЕАЭС, уделяется мало внимания. На Западе полагают, что перед Таджикистаном также стоит вопрос выбора внешнеполитических и внешнеэкономических ориентиров в рамках оппозиции Россия — Китай и, соответственно, ЕАЭС — «Пояс и путь». Постулируется стремление страны к привлечению китайских инвестиций на фоне российского «давления» для присоединения к ЕАЭС. В одной из публикаций отмечено, что если в Союз вступит Узбекистан, то у Таджикистана не останется выбора, кроме как последовать его примеру.

О Туркменистане при анализе ЕАЭС авторы западных «фабрик мысли» пишут реже всего, вскользь отмечая большее, в сравнении с другими странами региона, дистанцирование Ашхабада от ЕАЭС и меньшую степень культурной зависимости от России.

Кроме того, в двух материалах упомянута возможность эскалации ситуации в Афганистане как фактор дестабилизации ЕАЭС: ввиду того, что страны Союза имеют открытые границы, при негативных сценариях нельзя исключать приток беженцев в ЕАЭС, в том числе в Россию через центральноазиатские страны, с сопутствующими проблемами.

Резюмируя, можно отметить, что западные «фабрики мысли», констатируя значимость Центральной Азии для ЕАЭС и китайских проектов, признают ограниченность экономических интересов и рычагов влияния Запада в регионе. Поэтому фокус внимания западных аналитиков сконцентрирован на Москве и Пекине как главных игроках в Центральной Азии.

Южный Кавказ, Каспийский и Черноморский регион

Южный Кавказ занимал одно из ключевых мест в материалах западных «фабрик мысли» с упоминаниями ЕАЭС в 2020 г. По сравнению с предыдущим годом этому региону было посвящено значительно больше публикаций, что связано с эскалацией армяно-азербайджанского конфликта.

Примечательно, что количество материалов на сайтах американских «фабрик мысли» с упоминанием ЕАЭС и количество упоминаний самого Союза в них значительно больше, чем на сайтах западноевропейских think tank'ов, несмотря на то, что ЕС и его члены взаимодействует со странами региона больше, чем США. Что контрастирует с результатами исследования за 2019 г., когда ситуация была скорее противоположная и больше внимания анализу процессов в регионе во взаимосвязи с ЕАЭС уделяли в Западной Европе.

Кроме того, некоторые американские эксперты, на фоне изменения геополитической конфигурации сил в регионе, характеризуют Турцию как одного из основных акторов на Южном Кавказе. Для материалов западноевропейских «фабрик мысли» это характерно в меньшей степени. В этом смысле авторы западных аналитических центров анализируют ситуацию в парадигме стратегического соперничества между Россией и Турцией, в рамках которого Турция, по их мнению, вытесняет Россию с Южного Кавказа, подрывая ее единоличное господство в регионе. Гораздо менее популярна точка зрения о том, что Москва и Анкара действуют в регионе в кооперации, чтобы уменьшить влияние ЕС и США.

В большинстве публикаций наиболее уязвимой от такого взаимодействия представляется Армения. Эта страна рассматривается как заложник обстоятельств, который «страдает от доминирования» России. Само ее вступление в ЕАЭС, так же, как и центральноазиатских государств, по мнению западных экспертов, обосновано вынужденными мерами, связанными с зависимостью от России в сфере безопасности и экономики. Этими же причинами объясняется тот факт, что Н. Пашинян не сменил радикально внешнеполитический вектор после прихода к власти, несмотря на его ранее неоднократно обо-

значенную скептическую позицию в отношении развития связей с ЕАЭС.

«Мирной» повестке в Армении уделено значительно меньше внимания: она прослеживается в основном у западноевропейских авторов в контексте сотрудничества с ЕС, в том числе в рамках Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве. И несмотря на то, что европейский и евразийский векторы интеграции воспринимаются большинством экспертов как взаимоисключающие, кейс с упомянутым выше соглашением рассмотрен как наиболее успешная попытка сотрудничества стран ЕАЭС с Европейским Союзом в условиях существующих ограничений, а Армения в этом контексте названа в одной из статей «образцом для подражания».

Азербайджан воспринимается как страна, имеющая наибольшее пространство для политического маневра на Южном Кавказе, равноудаленная от западных и российских интеграционных объединений, но при этом далекая от Европы в идеологическом смысле, близкая «по духу» к России и имеющая прочные союзнические отношения с Турцией.

Помимо сохранения внешнеполитического баланса, главные причины неприсоединения Азербайджана к ЕАЭС связываются западными аналитиками с Карабахским конфликтом и членством в Союзе Армении.

Конфликт в Нагорном Карабахе некоторые эксперты пытаются трактовать как прокси-войну между Россией (союзником Армении) и НАТО (посредством вовлечения в конфликт Турции — союзника Азербайджана). Однако большинство авторов пишут о нежелании России вступать в конфликт с Азербайджаном из-за наличия стратегических интересов, включая перспективы сотрудничества в рамках ЕАЭС, поэтому отмечается сбалансированная позиция Москвы в конфликте на контрасте с прямой поддержкой Азербайджана со стороны Анкары. Этим во многом объясняется исход противостояния и уязвимость Армении. Но даже несмотря на критику России, большинство экспертов западных «фабрик мысли» признают ведущую роль Москвы как третьей стороны при отсутствии жела-

ния и достаточных рычагов влияния на ситуацию у стран Европы и США.

Регионализация армяно-азербайджанского конфликта и расширение числа акторов, влияющих на политические процессы на Южном Кавказе, нашли отражение и в публикациях западных «фабрик мысли» в одном ряду с Кавказским (в некоторых работах используется термин «Черноморский регион»), а в качестве противовеса ЕАЭС в некоторых случаях упоминается Организация Черноморского экономического сотрудничества.

По сравнению с 2019 г., вместе с ЕАЭС чаще упоминается Грузия — как в американских, так и в западноевропейских «фабриках мысли», при этом в основном без привязки к армяно-азербайджанскому конфликту. Ориентация Грузии на Запад характеризуется как раздражающий Москву фактор. Дистанцирование Грузии от ЕАЭС и стремление к участию

в западных интеграционных проектах рассматривается как константа грузинской внешней политики в рассматриваемый период.

Грузия зачастую упоминается в одном ряду с такими черноморскими странами, как Украина и Молдова, а не со странами Южного Кавказа, а сама группа стран формируется на основе внешнеполитических ориентаций, как европоцентричная.

Кроме того, именно в материалах, посвященных Южному Кавказу, в одном ряду с ЕАЭС регулярно упоминается и ОДКБ, особенно применительно к Армении — участнику обоих проектов. Так, в блоке «Южный Кавказ и Черноморский регион» связь ЕАЭС и ОДКБ встречается более чем в 50% публикаций (4 из 8 — в западноевропейских и 12 из 20 — американских), в то время как количество связанных с ЕАЭС упоминаний ОДКБ во всех оставшихся материалах не превышает 25% (36 из 151).

Беларусь и Союзное государство

Значительное увеличение числа материалов с упоминанием ЕАЭС, посвященных ситуации в Беларуси в 2020 г., вполне прогнозируемо на фоне президентских выборов в этой стране и последовавших за ними протестов. И хотя по количеству включенных публикаций эта тема занимает лидирующие позиции, доля материалов с прямыми упоминаниями ЕАЭС, в которых проведен достаточно глубокий анализ связанных с ним процессов, невелика: в США подобные публикации отсутствуют, а в Западной Европе едва превышают 10%, что ниже средних показателей по другим тематическим блокам.

При этом необходимо отметить, что сама Беларусь в связке с ЕАЭС «фабриками мысли» Западной Европы за весь год упоминалась чаще, чем любая другая страна, за исключением России — количество публикаций с упоминанием этой страны более чем в два раза превышает количество материалов, отнесенных к блоку «Беларусь и Союзное государство». То есть при анализе вопросов, связанных с ЕАЭС, происходившие в Беларуси процессы в 2020 г. можно назвать одними из наиболее значимых с точ-

ки зрения представителей западных аналитических центров.

Следует отметить, что, несмотря на фокусировку авторов большинства материалов на белорусских протестах, внимание уделялось и другим вопросам. В частности, взаимодействию Республики Беларусь как члена ЕАЭС с КНР и взаимной заинтересованности Минска и Пекина в сопряжении ЕАЭС с инициативой «Пояс и путь», особенно после потери актуальности украинского направления для создания транспортных коридоров из Китая в Центральную и Западную Европу. Отмечается, что с точки зрения Минска присутствие Китая позволит создать более сбалансированную систему евразийских противовесов, а Беларусь может стать важным транзитным центром. Такого рода публикации — одни из немногих, где Россия не рассматривается в качестве основного актора в процессах, связанных с ЕАЭС.

В целом публикации западных экспертов, посвященные Беларуси, в 2020 г. сводятся к нескольким смысловым линиям. Помимо описанных выше, их можно четко содержательно дифференцировать по

соответствующим периодам: до активной фазы протестных акций и после ее начала. Для первого периода характерен акцент на попытках балансирования Минска между Россией и Европой, для второго — на влиянии Москвы на белорусскую власть и увеличении пропасти между ней и странами Европы.

Также уделяется внимание противоречиям этой страны с Россией в рамках ценообразования на энергоносители. Спорные моменты при их поставках трактуются как один из инструментов давления Москвы на Минск с целью принуждения к более глубокой интеграции в рамках ЕАЭС и Союзного государства, по формуле: «экономические льготы в обмен на суверенитет». В ряде случаев речь идет о так называемом налоговом маневре, который, по мнению большинства авторов, вызывал раздражение Минска. В подобных материалах Беларусь рисуется как «жертва» российской политики, стремящаяся сохранить свой суверенитет, — особенно часто такой подход встречался в 2019 г., а также в 2020-м. до обострения внутривосточной ситуации в Беларуси во второй половине года.

Членство Беларуси в ЕАЭС и других интеграционных проектах с лидирующей ролью Москвы указывается в числе основных факторов, препятствующих сотрудничеству Минска с Евросоюзом, а наиболее оптимистичные сценарии такого сотрудничества западные эксперты связывали с подписанием соглашения между Беларусью и ЕС, схожего с теми, которые имеют Армения и Казахстан. Более глубокие формы интеграции и подписание полноценного Соглашения о свободной торговле технически не-

возможны из-за членства в ЕАЭС, даже несмотря на то, что Беларусь является участником проекта Восточного партнерства.

Внутривосточный кризис в стране и его влияние на участие Минска в ЕАЭС более глубоко анализировали «фабрики мысли» Западной Европы. В том числе с использованием сценарного подхода к прогнозированию возможного исхода протестов. Практически для любых сценариев, особенно в которых А. Лукашенко сохранял власть, будь то через жесткое подавление протестов или более мягкие методы с частичной либерализацией страны и конституционными реформами, предполагалось, что страна сохранит членство в ЕАЭС. Отчасти потому, что Москва, по мнению западных аналитиков, не допустит внешнеполитических разворотов в соседней стране, а сохранение членства в ЕАЭС является «геополитической красной линией». Президент А. Лукашенко как до, так и после обострения внутривосточной ситуации воспринимался западными экспертами как антизападный по своим убеждениям политик.

Кроме того, западноевропейские эксперты в нескольких публикациях проводили параллели между протестными акциями в Беларуси и «бархатной революцией» в Армении, отмечая, что обе страны являются союзниками России по ОДКБ, входят в ЕАЭС и не ставят под сомнения эти связи, а также обе сильно зависят от России в сфере экономики и безопасности; Минск в целом может использовать опыт Еревана, а «бархатная революция» в Армении для Беларуси гораздо более показательная аналогия, чем украинский Майдан.

Украина

Значение Украины в контексте анализа интеграционных проектов в Евразии и ЕАЭС в частности, с точки зрения западных экспертов, намного весомее, чем может показаться исходя из объема этого сравнительно небольшого тематического блока. Несмотря на то, что в «украинский» блок Второго раздела этого исследования были включены всего три публикации, а Третьего раздела — восемь, Украина

упоминается в связке с ЕАЭС еще в 13 и 22 материалах этих разделов соответственно. Что также показывает большее внимание европейских аналитиков к украинскому фактору для ЕАЭС в сравнении с их американскими коллегами.

Представители западных «фабрик мысли» учитывают украинский фактор при анализе истории развития и нынешнего позиционирования ЕАЭС, а также

политики России по его продвижению, особенно в рамках конкуренции с ЕС.

В понимании западных экспертов Украина была одной из ключевых стран в рамках евразийских интеграционных стремлений России — как выразился один из авторов, «жемчужиной в евразийской короне». Однако выбор Киевом европейского интеграционного вектора определил не только характер российско-украинских отношений, но и нынешний облик ЕАЭС, а также стал триггером нового витка конфликта между Россией и Западом.

Наиболее трендовый ход мысли западных экспертов в рамках анализа украинского кейса в ретроспективе можно описать следующим образом: начало 2010-х годов совпало с активным продвижением европейских и российских интеграционных проектов; на этом фоне Москва оказывала давление на Украину с целью не допустить ее четкой ориентации на Евросоюз; перед украинским президентом стоял выбор между подписанием Соглашения об ассоциации с ЕС и присоединением к формирующемуся Евразийскому экономическому союзу; ситуация достигла кульминации в 2013 г., когда подготовка к подписанию Соглашения об ассоциации практически была завершена; в этот период российское давление достигло пиковых значений и В. Путин смог склонить В. Януковича, который, в отличие от своих предшественников, был более пророссийским, к отказу от этого действия в пользу присоединения к ЕАЭС; такой шаг шел вразрез с общественным мнением на Украине

и вызвал рост протестной активности, который вылился в Евромайдан; последовавший приход к власти проевропейских сил, перечеркнувших планы по включению Украины в ЕАЭС, был воспринят Москвой как серьезная неудача в геостратегической борьбе с ЕС. Это стало катализатором российских действий в Крыму и на Донбассе, так как Москва посчитала, что ее национальные интересы оказались под угрозой, и, потеряв политико-экономические рычаги влияния на Киев, она решила военными методами «наказать» соседнее государство за европейский выбор, затормозить его интеграцию с Евросоюзом и лишить суверенитета.

Некоторые западноевропейские авторы подходят к анализу позиции украинцев более дифференцированно и признают популярность евразийских и пророссийских настроений в восточной части страны, особенно до событий 2014 г. В отдельных публикациях присутствует внимание к усилиям России по включению Донбасса в свое экономическое и информационное пространство.

Достаточно показательно, что во всех трех материалах американских фабрик мысли и шести из восьми европейских упоминания ЕАЭС носят негативный характер. Для сравнения: общее количество публикаций с отрицательным отношением к ЕАЭС составляет 59% для США и 41% — для Западной Европы. Таким образом, оценка роли ЕАЭС на украинском направлении более критическая, чем на любом другом.

Евросоюз

ЕС является абсолютным лидером по числу связанных с ЕАЭС упоминаний в публикациях 2020 г. (подробнее см. Раздел 1), особенно много их, понятно, в материалах западноевропейских аналитических центров. При этом количество публикаций, в которых она основной предмет анализа, для «фабрик мысли» США минимально, а для Западной Европы — одно из основных направлений аналитики, даже несмотря на то, что число таких материалов снизилось почти в два раза по сравнению с 2019 г.

Среди наиболее популярных тезисов западных аналитиков относительно ЕАЭС — уверенность в том, что он создан по модели Евросоюза, но уступает ему по основным параметрам и имеет множество структурных, организационных, позиционных и иных проблем, которые, как выразился один из европейских экспертов, «мешают организации стать чем-то большим, чем Таможенный союз».

Костяк составляют публикации, посвященные проблемам и возможностям сотрудничества между

ЕС и ЕАЭС. В ряде материалов с достаточно глубоким анализом процессов признается его необходимость, а основные различия связаны с горизонтом планирования и возможной глубиной такого сотрудничества: некоторые авторы полагают, что достаточно создания механизмов институционального взаимодействия для согласования основных «правил игры», другие — рассуждают о перспективах подписания соглашения о свободной торговле между ЕС и ЕАЭС.

Констатируя отсутствие нормальных отношений между ЕС и ЕАЭС, многие аналитики так или иначе вспоминают украинский кризис и считают, что именно он мешает установлению связей между организациями. А сам Евразийский экономический союз воспринимается в этом смысле, во-первых, как инструмент противодействия интеграционным инициативам Евросоюза со стороны России, а во-вторых, как один из наиболее актуальных и совершенных геополитических механизмов распространения российской гегемонии на постсоветском пространстве.

Говоря о конкретных направлениях взаимодействия и отчасти абстрагируясь от украинского кейса, отдельные эксперты предлагают начать диалог с различных неформальных форматов, в том числе на экспертном уровне, согласования технических стандартов; с вопросов, которые напрямую не связаны со сферой политики и позволяют избежать принципиальных разногласий между ЕС и Россией.

Значительное внимание в западноевропейской аналитике уделено двустороннему взаимодействию между ЕС и отдельными государствами — членами ЕАЭС. Подобное сотрудничество подается как полезная альтернатива более глубокой интеграции в рамках ЕАЭС, которая, по мнению большинства экспертов, высказавшихся по теме, выгодна в первую очередь Москве и направлена на усиление ее доминирования. При этом у европейских экспертов есть понимание, что ЕС должен принять как должное членство Беларуси, Армении, Казахстана и Кыргызстана в ЕАЭС и учитывать под-

разумеваемые им ограничения при формировании подходов к реализации политики взаимодействия. Предлагается при сотрудничестве ЕС с этими странами сфокусироваться на вопросах, выходящих за рамки компетенции ЕАЭС.

На данном треке необходимо выделить и внимание к проекту Восточного партнерства как одному из основных инструментов продвижения диалога Евросоюза с Арменией и Беларусью.

Из описанных процессов вытекает еще одна проблема: борьба за влияние в «пограничных» для ЕС и ЕАЭС странах, а также в самих государствах — членах ЕАЭС. Своего рода столкновение интеграций, которое создает серьезные проблемы для стран, иногда просто разрывающихся от конфликтующих интеграционных проектов. Среди входящих в Союз можно выделить Украину, Молдову, Грузию, Азербайджан, Сербию и некоторые страны Центральной Азии (в последнем случае в качестве еще одного основного игрока и конкурента ЕС часто называется Китай с его инициативами, а сам регион часто рассматривается комплексно, без дифференциации стран). Обобщив описываемые западными экспертами методы продвижения интересов, можно сказать, что у ЕС они связаны с «мягкой силой», а у России — с «жесткой». При этом на Западе есть уверенность в том, что Россия и ЕАЭС уже проиграли борьбу за влияние на Украине и проигрывают ее в ряде других стран, таких как Молдова или Грузия.

Необходимо отметить, что значительная часть западноевропейских специалистов, при всем негативном восприятии ЕАЭС и России как лидера Союза, в 2020 г. полагали возможным полноценный диалог между ЕС и ЕАЭС. А некоторые из них рассматривали такое сотрудничество как необходимое и неизбежное в долгосрочной перспективе. Это говорит о том, что ряд экспертов из Западной Европы признавали ЕАЭС в качестве весомого геополитического и геоэкономического игрока на континенте, которого не удастся игнорировать на постоянной основе.

Балканы

В контексте анализа ситуации на Балканах ЕАЭС упоминался лишь косвенно в семи материалах. В большинстве из них так или иначе отмечено подписание соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Сербией, а также стратегическое соперничество России и Запада (или ЕС и ЕАЭС) на Балканах, в основном в Сербии. По мнению авторов западных «фабрик мысли», основной внешнеполитический вектор Белграда направлен на интеграцию с Евросоюзом, а связи с ЕАЭС воспринимаются как раздражающий фактор, ограничивающий реализацию

данного вектора. Также доминирует точка зрения, согласно которой соглашение о свободной торговле подписано не для экономического эффекта, а в качестве символического политического шага в рамках внешнеполитического балансирования сербских политических элит.

Следует отметить, что аналогичные взгляды транслировались и в материалах 2019 г., что позволяет говорить о сложившемся в западной экспертной среде консенсусе относительно роли ЕАЭС на Балканах.

Большой Ближний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион и Африка

В этом тематическом блоке объединены материалы, посвященные нескольким крупным регионам. Несмотря на их значимость в современном мире, в смысловой связи с ЕАЭС они западными экспертами упоминались нечасто. Общим для столь разных регионов является их восприятие как имеющих потенциал для сотрудничества с ЕАЭС, но в то же время не имеющих с ним достаточно прочных связей, а также как не самых приоритетных для России.

В известном смысле исключением является Иран — самая упоминаемая в этом тематическом блоке страна, кроме РФ. Основное внимание уделяется перспективам его присоединения к ЕАЭС, подписанию соглашения о свободной торговле и аналогичных документов, а также выходу России и Ирана на новые рынки с целью смягчить изоляцию, так как обе страны находятся под западными санкциями. Их сотрудничество рассматривается в контексте формирования альтернативных региональных интеграционных сетей для противодействия влиянию Запада. Необходимо отметить, что сотрудничество с Ираном — одно из немногих направлений, при анализе которого акцент делается не только на политическом, но и на экономическом значении ЕАЭС.

Другие страны Ближнего Востока практически не упоминаются в смысловой связи с ЕАЭС, за исключением Турции, упоминания которой связаны преимущественно в контексте процессов на Южном Кавказе и в Черноморском регионе.

Американский Wilson Center* (8) опубликовал единственную статью, посвященную Африке, в которой речь, как и в большинстве других публикаций с упоминанием ЕАЭС, идет об активности России. Отмечается, что это не приоритетный регион для Москвы в стратегическом смысле, однако при этом констатируется интерес к Африке как альтернативному Западу направлению внешней политики. Также в тексте с определенной долей скепсиса упоминается саммит «Россия — Африка» 2019 г.

Взаимодействие ЕАЭС со странами и организациями АТР рассматривается в рамках реализации различных меморандумов о взаимопонимании и соглашений о свободной торговле. В этом контексте наиболее популярен АСЕАН и такие страны, как Вьетнам, Камбоджа и Сингапур. В западных аналитических центрах доминирует позиция о достаточной взаимной заинтересованности, но слабой практической реализации сотрудничества ЕАЭС со странами региона.

ЕАЭС как инструмент внешней политики России

Во многих материалах, проанализированных в рамках данного исследования, ЕАЭС так или иначе воспринимается как инструмент внешней политики России, но в некоторых из них практически весь текст публикации построен вокруг этого тезиса. Такие материалы было решено выделить в отдельный тематический блок.

В статьях и докладах, авторы которых сфокусировались на роли ЕАЭС в контексте стратегических ориентиров российской внешней политики, выделяются несколько популярных среди западных аналитиков и связанных между собой умозаключений:

- 1) Россия стремится к реинтеграции стран постсоветского пространства под своим руководством. Часто эта позиция продвигается в рамках тезиса, который мы условно назвали «СССР 2.0». Мысль о том, что одной из основных целей России при реализации евразийских интеграционных проектов является создание объединения в чем-то подобного Советскому Союзу, встречается примерно в половине материалов этого тематического блока — трех из семи материалов «фабрик мысли» Западной Европы и шести из десяти — США. Иногда речь может идти о более амбициозных планах, выходящих за рамки СНГ.
- 2) Евразийская интеграция, причем с упором на азиатское направление, расценивается в качестве одного из основных векторов внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности современной России.
- 3) Российские интеграционные проекты, как правило, противопоставляются западным и подаются как их менее перспективные аналоги. В случае с ЕАЭС «образцом» называется Европейский Союз.
- 4) Особое значение для объяснения сложившейся геополитической конфигурации на континенте в 2020 г., как во многом и в публикациях 2019 г., придается украинскому кризису. Некоторыми экспертами он воспринимается как точка бифуркации, определившая вектор внешней политики Москвы, другими — лишь как катализатор уже начавшегося «поворота на Восток». Однако именно события 2013–2014 гг., причины которых связываются с дилеммой ЕС — ЕАЭС для Украины, определены как триггер конфронтации России и Запада. С этого момента ЕАЭС стал рассматриваться как антипод ЕС, а вся деятельность по его продвижению — с одной стороны, в рамках противодействия ЕС, с другой — для поиска альтернативных рынков и политических партнеров в условиях антироссийских санкций.
- 5) Нежелание стран СНГ вступать в ЕАЭС подается как аксиома. А Евразийский экономический союз априори воспринимается западными «фабриками мысли» как экономически менее привлекательный, чем проекты ЕС и Китая. Экономические выгоды от ЕАЭС признаются лишь в ограниченном объеме, в основном для стран Центральной Азии. А различные формы сотрудничества с Союзом не входящих в него стран, а также членство входящих объясняются преимущественно политическими факторами и угрозами безопасности.
- 6) Серия кризисов 2020 г. с участием стран ЕАЭС, а именно протесты в Беларуси, война в Нагорном Карабахе и кризис власти в Кыргызстане, а также пандемия COVID-19, восприняты в первую очередь как вызовы для России в зоне ее непосредственных интересов в СНГ.

Внутренние процессы в ЕАЭС

Несмотря на то, что ЕАЭС воспринимается западными экспертами в первую очередь как геополитический проект и инструмент внешней политики России, специфика проблем 2020 г., в том числе пандемия COVID-19 и кризисы в ряде стран Союза, вынудили представителей американских и западноевропейских «фабрик мысли» обратить внимание на процессы, происходящие внутри ЕАЭС. Достаточное количество подобных материалов позволило выделить их в отдельный тематический блок, который отсутствовал в исследовании публикаций 2019 г. Он включает в себя также те немногочисленные материалы, которые посвящены ЕАЭС как экономическому союзу, а не преимущественно политическому.

Значительное место уделено проблемами и ограничениями, вызванными распространением коронавирусной инфекции. За исключением позиции некоторых экспертов, преимущественно российских, в большинстве публикаций дана негативная оценка качества реагирования структур управления ЕАЭС, включая Евразийскую экономическую комиссию, на

вызовы, связанные с пандемией COVID-19. По мнению западных специалистов, Союз не оказал достаточной поддержки своим членам в преодолении проблем, связанных с коронавирусом.

Среди проблем, препятствующих интеграции стран Союза, как правило, приводятся структурные различия и диспропорции в их экономиках в пользу России. Заметное внимание уделяется противоречиям между Россией и другими членами ЕАЭС — в частности, в вопросах стратегического развития союза, регулирования рынков и степени интеграции стран. В очередной раз транслируется уверенность в том, что Москва за счет своего экономического и политического доминирования в Союзе желает достичь наибольшего влияния, а также стремится к тому, чтобы национальные правительства жертвовали частью своих полномочий и суверенитета в пользу структур ЕАЭС. В этом контексте наиболее активно выделяется противодействие Казахстана и, в меньшей степени, Беларуси как наиболее крупных и самодостаточных членов организации.

Латинская Америка

О ЕАЭС в материалах, посвященных Латинской Америке, писали косвенно только западноевропейские «фабрики мысли», а во всем массиве проанализированных текстов встретилось лишь несколько упоминаний стран и организаций этого региона. Речь в них идет об активности России в направлении формализации связей с регионом, поиском альтернативных рынков в условиях антироссийских санкций, амбициях России как правопреемницы СССР. В этом контексте анализируются попытки выстроить взаимодействия между ЕАЭС и МЕРКОСУР, в частности с упоминанием меморандума об экономическом сотрудничестве 2018 г.

В одной из публикаций также выделены меморандумы о взаимопонимании 2015 г. с Чили и Перу. Несмотря на признание наличия потенциала взаимодействия между ЕАЭС и латиноамериканскими интеграционными объединениями, западноевропейские эксперты отмечают скромные результаты работы на данном треке. Интересно, что в материалах американских «фабрик мысли» за 2020 г. нет не только ни одной публикации, посвященной Латинской Америке в контексте анализа ЕАЭС, но и ни одного упоминания отдельных стран и организаций региона вместе с Союзом, несмотря на значимость региона для Вашингтона.

Резюме

Отметим также некоторые общие тренды, характерные для анализа западными аналитическими центрами вопросов, связанных с Евразийским экономическим союзом.

Во-первых, в 2020 г. четко прослеживается увеличение числа публикаций с негативными оценками по отношению к ЕАЭС в сравнении с 2019 г. Такие оценки обусловлены, в первую очередь, антироссийскими настроениями на Западе, в том числе в экспертной среде. А негатив в адрес ЕАЭС, в свою очередь, является скорее проекцией враждебного отношения к России. Рост количества негативных материалов — это очередная иллюстрация постепенной деградации и эскалации отношений между Западом и Россией, маховик которой раскручивался все последние годы и оказывал влияние на восприятие интеграционных проектов с участием Москвы на Западе.

Во-вторых, наиболее глубокий анализ внутренних процессов в ЕАЭС представлен в материалах экспертов из стран — членов Союза, публиковавшихся в западных «фабриках мысли», их западные коллеги куда более склонны к клишированным оценкам. Хотим отдельно подчеркнуть: речь не о том, что авторы из стран ЕАЭС позитивно оценивают результаты деятельности и перспективы развития ЕАЭС, а европейские и американские — негативно (хотя такая тенденция, безусловно, тоже прослеживается), а именно о глубине анализа. То есть в большинстве случаев на Западе даже не предпринималась попытка понять мотивацию участия в ЕАЭС ни России за рамками дискурса «СССР–2.0», «имперских амбиций» и т. п., ни тем более других участников этого инте-

грационного объединения, которым часто отказывают в субъектности.

В-третьих, в материалах как 2020 г., так и 2019 г. западные эксперты очень часто, по сути, игнорировали экономическую составляющую интеграции в рамках ЕАЭС, концентрируясь исключительно на политической, что также сказывалось на качестве анализа.

В-четвертых, при содержательном анализе ЕАЭС западные аналитические центры стремятся дифференцировать входящие в него страны по определенным основаниям, в ряде случаев противопоставляя их друг другу. Помимо деления по принципу «Россия и остальные», можно отметить выделение стран — экспортеров нефти и газа (Казахстан и Россия) и стран-импортеров (Армения, Беларусь и Кыргызстан); стран, входящих в программу Восточного партнерства ЕС (Армения и Беларусь) — являющихся буферными между Россией и Западом — и не входящих, расположенных в Центральной Азии; более субъектных (Беларусь и Казахстан) и менее (Армения и Кыргызстан).

В-пятых, интеграционные проекты с участием западных стран и России априори рассматриваются как конфликтные. И хотя большинство винит в таком положении дел исключительно Россию, некоторые авторы все же были готовы признать ответственность ЕС за то, что страны, находящиеся во фронтире встречных интеграционных проектов, в результате противостояния буквально разрывает, наиболее наглядный пример — Украина, и предлагали шаги для нормализации ситуации.

Об авторах

Травин Роман Андреевич

Руководитель проекта «Открытая аналитика».

Преподаватель Белгородского государственного национального исследовательского университета (в 2015–2018 гг. кафедры культурологии и политологии; с 2018 г. — кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии).

В 2009–2017 гг. — директор Восточнoукраинского центра стратегических инициатив (Харьков, Украина).

Регулярно выступает в качестве эксперта с комментариями, интервью и статьями в региональных и центральных СМИ по актуальным политическим вопросам.

Аванесов Артур Юрьевич

Участник проекта «Открытая аналитика».

Аналитик Центра управления регионом Белгородской области.

В 2019–2021 гг. — советник ректора Белгородского государственного национального исследовательского университета

В 2021–2023 гг. — председатель Белгородского регионального представительства СМП РАПН.

0 проекте

ОТКРЫТАЯ АНАЛИТИКА (<http://open-analytics.ru/>) — независимый экспертно-аналитический проект

Основная сфера исследовательских интересов: общественно-политические процессы на постсоветском пространстве, в том числе в Российской Федерации.

Все более заметной проблемой политологического экспертного сообщества на постсоветском пространстве становится самоцензура. Значительное число экспертов из академической среды можно назвать дипломатами, а экспертов-практиков — политтехнологами.

Первые зачастую предпочитают обходить наиболее неудобные и неpolitкорректные вопросы, вторые же нередко выдают желаемое за действительное и предлагают т. н. формирующие, а не реальные аналитику и прогнозы. Оба этих подхода не лишены смысла, однако представляется, что сегодня есть необходимость в свободной от жестких рамок того или иного дискурса, открытой (во всех смыслах этого слова) аналитике.

В своей деятельности мы руководствуемся следующим подходом: объективность важнее идеологии и политических пристрастий, а замалчивание неудобных и проблемных тем — непродуктивно, так как не позволит получить ответы на наиболее острые и актуальные вопросы.

С 2017 г. участниками проекта были подготовлены аналитические доклады: «ЕАЭС в публикациях ведущих западных “фабрик мысли” в 2019 году» (2020), «Современные практики работы с молодежью» (2018), «Проблемные точки современной Украины» (2017), серия исследований, посвященных активности глав муниципалитетов Белгородской области в социальных сетях (2020–2021). А также опубликован ряд научных статей, публицистических материалов, интервью и более 200 комментариев для СМИ федерального и регионального уровня.

Связаться с нами: info@open-analytics.ru

Научное издание

Травин Роман Андреевич
Аванесов Артур Юрьевич

**ЕАЭС В ПУБЛИКАЦИЯХ ВЕДУЩИХ ЗАПАДНЫХ
«ФАБРИК МЫСЛИ» В 2020 ГОДУ**

Аналитический доклад

В авторской редакции
Корректор: Э. Ч. Травина (redaktor@esmira.net)
Дизайн обложки и верстка: О. В. Посконина (alena-pov@ya.ru)

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 15, ком. 536
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Подписано к использованию 07.03.2024.
Объем 3,2 Мбайт. Электрон. текстовые данные. Заказ 249.

9 785002 442591